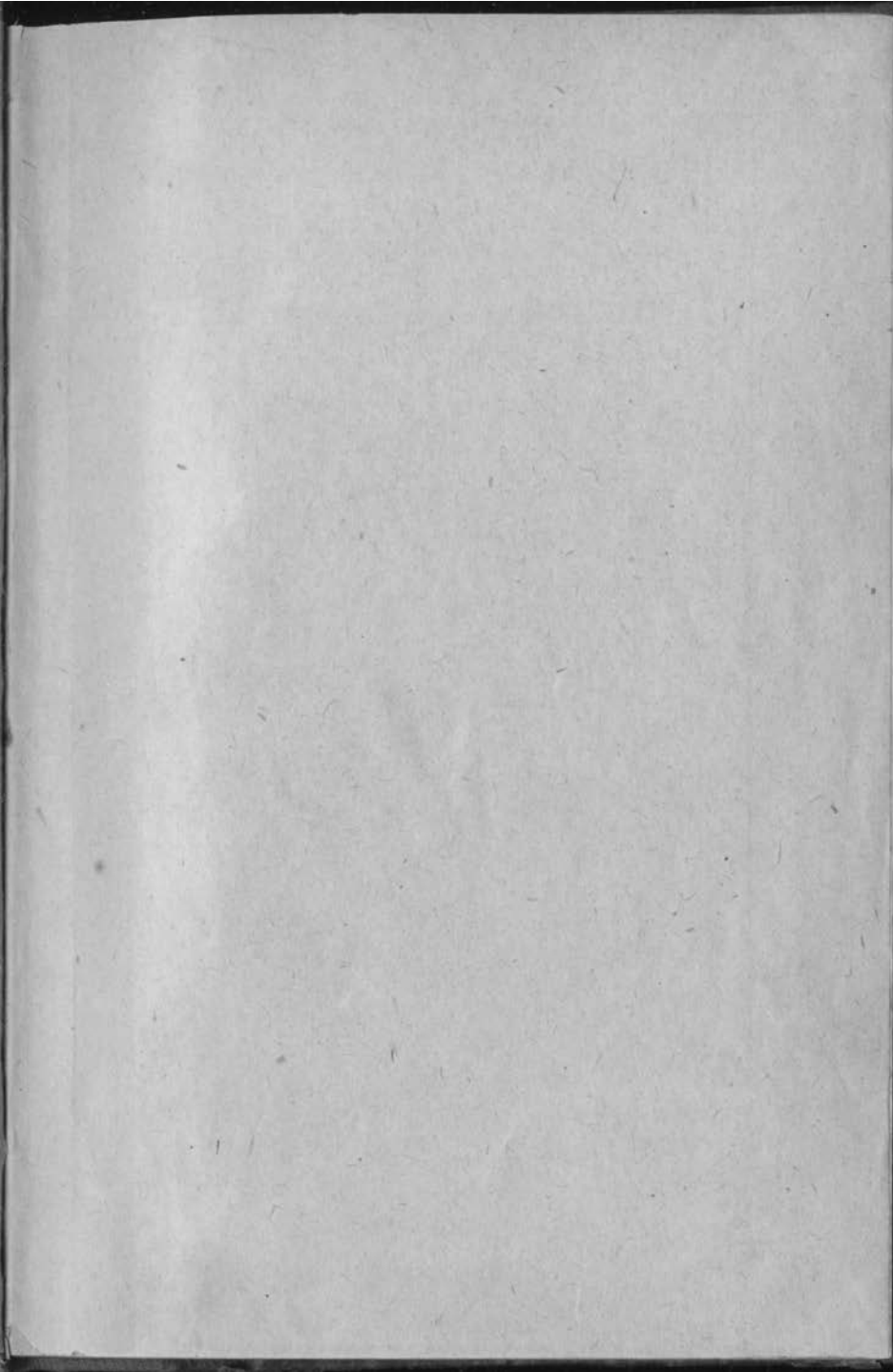

B88!

1871

2

1844

~~86-515~~

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСПАРТ

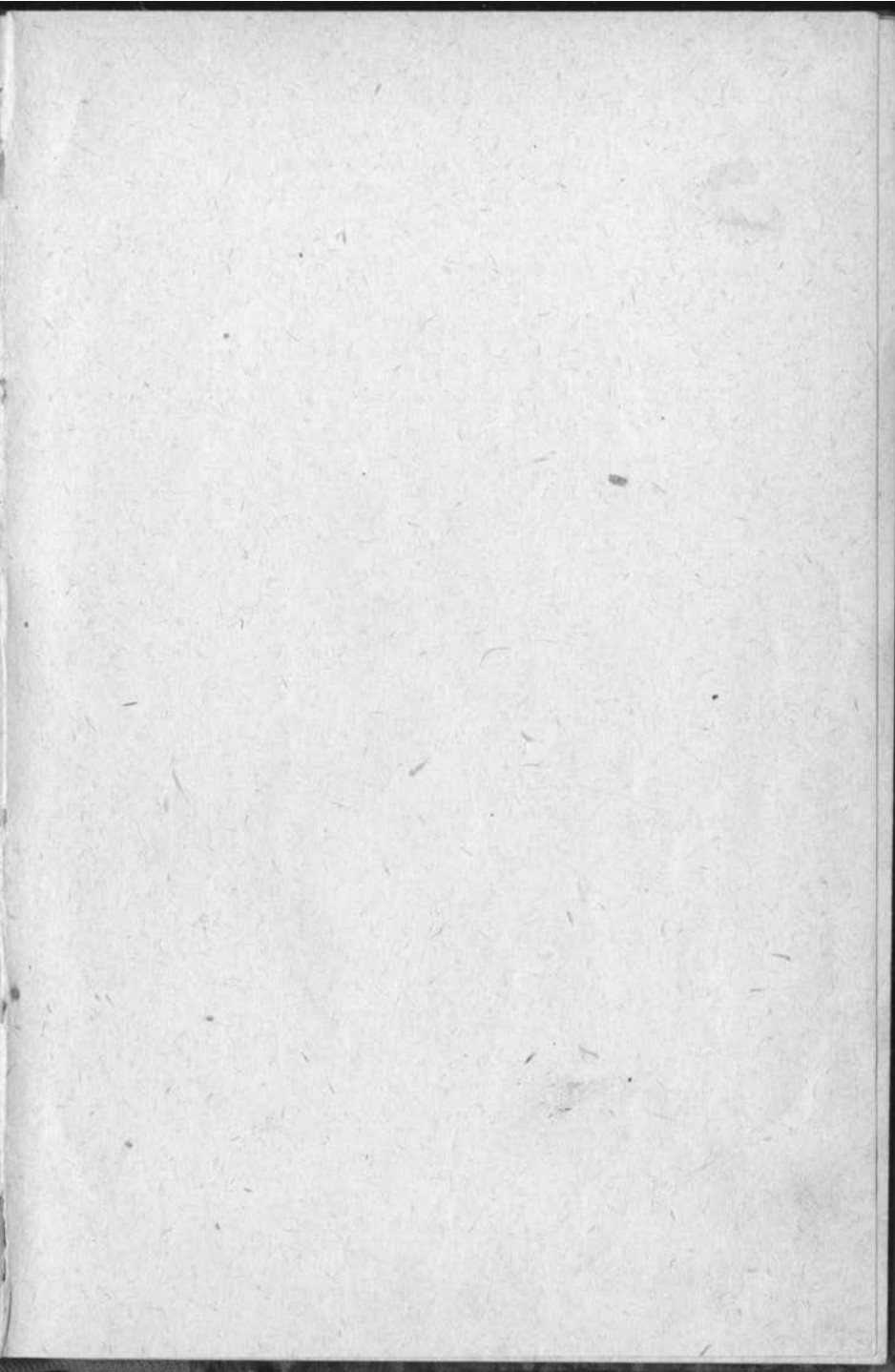
А. Ф. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ

**БОЛЬШЕВИКИ
У ВЛАСТИ**

• П Р И В О Й •

THE UNIVERSITY OF
CHICAGO

77. 300

1009

~~86-515.~~
ОТДЕЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП (б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (б)
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛИСТПАРТ

18.392.7.49.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

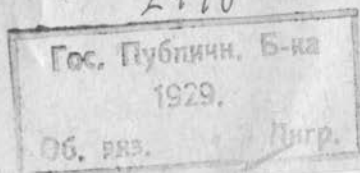
А. Ф. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ

БОЛЬШЕВИКИ У ВЛАСТИ

ВОСПОМИНАНИЯ
О 1918 ГОДЕ

2948

ЧИТАТЕЛЬ!

*Отзывы об этой книге пошли
по адресу: Москва, Ильинка, 3,
Госиздат, в редакцию журнала
„Книга и революция“*

Ленинградский Областлит № 28306.
12¹/₄ л. Тираж 5 000 (С, 52. 12579/Пр.).

ОТ АВТОРА

Настоящая книга является продолжением моей книги: «От Февраля к захвату власти». ¹ Там я рассказывал о событиях 1917 г., здесь перехожу к последующему периоду— 1918 г., также очень важному в историко-революционном отношении.

Характер и метод изложения обеих книг совершенно одинаков.

Это воспоминания участника событий, имеющие все плюсы и минусы произведений такого рода. Плюсом является доступность изложения. Мемуарная литература у нас гораздо легче и охотнее читается, чем историко-революционное исследование. И моя книга фактически является полубеллетристическим произведением, с той только разницей, что в ней совершенно отсутствует присущий беллетристике поэтический вымысел. Факты, о которых я говорю, действительно происходили. Участники событий, которых я всюду называю полными именами, действительно жили и частью живут и сейчас.

Минусом книги, как и вообще воспоминаний, является прежде всего субъективный подход в оценке событий. Как и всякий участник, я могу быть пристрастным, несмотря на все мое искреннее желание показать события так, как

---

¹ Изд. «Прибой» (Ленинградский Истпарт), Л., 1927 г., 189 стр. Книга распродана.

они происходили. Буду надеяться, что в ответ на мою книгу появятся воспоминания других участников тех же событий, которые исправят все мои невольные ошибки и упущения.

Наконец, моя книга, как все произведения мемуарного характера, является далеко неполным отражением событий 1918 года. Я старался писать в ней только о том, чему я лично был свидетелем и в чем я принимал то или иное участие. Понятно, что огромные области жизни нашей страны и работы нашей власти и нашей партии остались совершенно не освещенными. Это дело будущего исследователя.

Наконец, я не всегда придерживался строгой последовательности изложения событий. Иногда два факта, происходившие в разное время, были так тесно связаны между собой логически, что я считал необходимым говорить о них вместе, дабы не нарушать цельности впечатления. Однако все такие забеги вперед мною каждый раз оговорены, и я полагаю, что благодаря этому никакой хронологической путаницы не получается.

Книга моя является одной из первых книг, освещающих в той или иной степени события 1918 года. Этот год, год первоначального строительства советской власти, еще очень мало изучен нами. О 1917 г. у нас уже имеется довольно основательная литература, между тем как о 1918 г., непосредственно к нему примыкающем и тесно с ним связанном, мы имеем всего лишь какие-нибудь две-три книги. Эту брешь необходимо заполнить. Участники событий должны дать своими воспоминаниями необходимый материал будущим исследователям. Может быть и моя скромная книга, в которой я говорю преимущественно о важнейшем участке нашей работы, первоначальном строительстве Красной армии, сыграет в этом отношении свою роль.

А. Ильин-Женевский.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смольный после Октября. — Вместо орудий истребления — орудия производства. — Назначение секретарем Наркомвоена. — Организация справочного отдела. — Прием посетителей. — Городовые. — Конфликт с женами офицеров. — Организация коллегии изобретателей. — Неудачный взяточдатель. — Быт Наркомвоена. — Демократизация армии. — Твердая власть! — Начало Красной армии. — Комитеты и выборность командного состава. — Мирные переговоры. — Приезд немецкой делегации в Петроград. — Подготовка к открытию Учредительного собрания. — Эсеры тоже «готовятся». — Чрезвычайный штаб. — Провал «учредилки». — Столкновение Подвойского и Лиграна. — Окончание брестских переговоров. — Заключен ли мир? — Немцы идут на Петроград. — Мир заключен. — Дискуссия по вопросу о мире. — VII съезд партии. — Эвакуация правительства в Москву. — Организация Петроградского Военного комиссариата. — Я остаюсь в Петрограде.

В декабре 1917 г. я вернулся в Петроград из-под Белгорода, где мне пришлось принять участие в боях с белогвардейскими ударными батальонами.¹ От большого нервного напряжения и бессонных ночей у меня частично отнялась левая нога, и владел я ею с большим трудом. Приходилось передвигаться с палочкой. Однако я полагал, что если к боевым действиям я вследствие своей болезни оказался непригодным, то здесь, в Петрограде, может быть

---

¹ Описание этих боев можно найти в моей книге: «От Февраля к захвату власти».

все-таки смогу взять на себя хоть какую-нибудь работу. А сидеть без дела и лечиться в такое горячее время, когда каждый большевик на счету, мне казалось просто недопустимым.

Кое-как связавшись с моим старым сотоварищем по работе в военной организации, Николаем Ильичем Подвойским, который был в то время народным комиссаром по военным делам, я условился встретиться с ним в тот же день вечером на заседании Совета народных комиссаров. В условленный час я вместе с братом, Ф. Ф. Раскольниковым,¹ поехал в Смольный, где тогда помещался Совет народных комиссаров.

Смольного я не видел со времени Октябрьского переворота. Он сравнительно мало изменился с того времени. Бросались в глаза только большая чистота в коридорах и большой порядок. Всюду стояли часовые, которые требовали предъявления особых пропусков на право прохода в те или иные комнаты. Впрочем, я прошел без всякого пропуска. Брат, предъявляя свой наркомовский мандат, просто заявлял: «А этот товарищ со мной!», и меня всюду пропускали.

Таким образом мы дошли до помещения Совета народных комиссаров. Здесь была более чем скромная обстановка: стол, несколько простых стульев, белые, ничем не украшенные, стены, какая-то дощатая перегородка, также окрашенная в белый цвет, большие окна; на окнах лежали какие-то металлические предметы. Я живо заинтересовался, что это за вещи. Брат оказался в курсе дела и пояснил мне. Дело в том, что во время войны, когда вся наша промышленность оказалась милитаризованной, крестьянство страшно обнищало. Старые с.-х. орудия поистрепались, а выделка

---

¹ Он в то время был заместителем народного комиссара по морским делам и принимал участие в заседаниях Совнаркома.

новых приостановилась. Поэтому одним из первых мероприятий Совнаркома было демобилизовать некоторые военные мастерские и переоборудовать их так, чтобы они приготавливали предметы, необходимые крестьянскому хозяйству. И вот эти предметы, лежавшие на окне, и являлись продуктами этой демобилизованной промышленности. Это были зубья для бороны, изготовленные станками, которые раньше производили шрапнельные стаканы. При ближайшем рассмотрении этих зубьев можно было даже усмотреть их явное родство со шрапнельными стаканами. Выделка была довольно грубая, но это, конечно, нисколько не умаляло огромного значения этого мероприятия советской власти. Подумать только — станки, которые изготовляли до сих пор орудия истребления людей, теперь, по велению советской власти, изготовляют общественно-полезные предметы! «Перековал мечи на орала», вспомнился мне библейский текст. И я ярко осознал ту огромную культурную роль, которая выпала на долю молодой советской власти.

Постепенно начали собираться народные комиссары. Одним из первых пришел В. И. Ленин. Я уже несколько месяцев не видел его, и в его наружности меня поразила одна особенность. Это глаза. Вместо прежних — спокойных, веселых, чуть насмешливых ильичевских глаз, я видел глаза, полные огромного напряжения и воли. Видно было, как много пережил и перечувствовал за это время Ильич.

В это время меня окликнул Подвойский. Мы с ним отошли в уголок и быстро договорились. По состоянию здоровья я, конечно, не мог взять на себя какую-нибудь большую и ответственную работу. Мне нужно было по возможности меньше двигаться. И в этом отношении в Наркомвоене оказалась вполне подходящая для меня работа.

«Меня буквально осаждают посетители, — сказал Под-

войский. — Ежедневно человек 50 желают меня видеть: не принимать их нельзя, а если принимать, то не останется времени для организационной работы. Я вас назначу секретарем Народного комиссариата по военным делам. Вы возьмете на себя прием всех посетителей Наркомвоена. Но, чтобы посетители остались удовлетворены, нужно, чтобы дела их разрешались тут же, в срочном порядке. Поэтому особо важные и принципиальные дела оставляйте для моего разрешения, мелкие же дела, каковых будет большинство, разрешайте тут же моим именем по своему личному усмотрению. В этом отношении я вам вполне доверяю».

Я согласился. В самом деле, лучшее трудно было себе представить. Я мог буквально не вставать с кресла, что при моем состоянии здоровья было большим плюсом, и в то же время я значительно облегчал работу Подвойского и остальных членов коллегии Наркомвоена.

Уходя из Совнаркома, я столкнулся с Вячеславом Рудольфовичем Менжинским. Он теперь был народным комиссаром финансов и торопился на заседание Совнаркома. Так странно было видеть старых товарищей в новой для них роли «министров». Я сообщил Вячеславу Рудольфовичу о своей предполагаемой работе в Наркомвоене, Менжинский потер руки, заулыбался и сказал:

«Вот это хорошо. Подвойскому нужен хороший секретарь. Должен вас предупредить, что в Наркомвоене большие организационные неполадки».

Это еще больше подняло мое настроение. Значит, моя работа там действительно нужна.

* * *

На другой день утром я явился в так называемый Дом военного министра, или сокращенно Довмин (Мойка, 67), где в том момент помещался Народный комиссариат по военным делам. Я когда-то, во времена Гучкова, бывал здесь

и даже работал,¹ но только теперь получил доступ во внутренние его покои. Эти же покои резко отличались от той

Член коллегии Народного комиссариата по военным делам
К. А. Мехоношин у себя в кабинете.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

бедной комнаты, в которой мы тогда помещались. Шелковая мебель, шелковые обои, портьеры на дверях и окнах,

---

¹ См. гл. IV в моей книге «От Февраля к захвату власти», изд. «Прибой».

зеркала, резные люстры и толстые ковры, в которых буквально тонула нога. Умели жить и создавать себе «рабочую» обстановку господ министры! Подвойский занимал верхний этаж. Внизу поместились три члена коллегии Наркомвоена: Константин Александрович Мехоношин, Эфраим Маркович Склянский и Борис Васильевич Легран. Мехоношина я хорошо знал еще по работе в военной организации, Склянского мельком видел в июне 1917 г. на Всероссийской конференции военных организаций РСДРП (б) фронта и тыла, куда он приезжал из 5-й армии, в качестве сочувствующего. Леграна же я видел первый раз. Был и еще один член коллегии Наркомвоена — Михаил Сергеевич Кедров, но он помещался отдельно — в другом здании. Он ведал вопросами демобилизации армии.

Мне был предоставлен обширный и великолепно обставленный кабинет в первом этаже неподалеку от входа. Из людского персонала я воспользовался услугами только одного курьера, который направлял ко мне посетителей. Однако в первый же день приема я увидел, что этого недостаточно. Дело в том, что большинство посетителей приходило просто за справками, где находится такое-то учреждение, или обращалось по делам, которые никакого отношения к Народному комиссариату по военным делам не имели. Это было вполне естественно, так как, благодаря революции и саботажу чиновников, старый аппарат власти не функционировал, а новый еще только создавался, и поэтому отдельным гражданам было очень трудно ориентироваться, куда по каким делам нужно обращаться. Однако такая механическая выдача справок отнимала у меня очень много времени. Поэтому с первых же дней своей работы я организовал небольшое справочное отделение, которое явилось для меня чрезвычайно важным подсобным аппаратом. Систематизируя всякого рода сведения о местонахождении тех или иных учреждений и сфере их компетен-

ции, это отделение быстро удовлетворяло целый ряд проходящих ко мне посетителей и тем освобождало меня от ненужных разговоров. Но все-таки несмотря на это посетителей было огромное количество. Иногда приходили целые делегации от полков и дивизий. Все они в один голос указывали на тяжелое положение частей, находящихся на фронте, и спрашивали, скоро ли будет заключен мир. Я информировал их о ходе мирных переговоров и высказывал надежду, что теперь сидеть в окопах им придется уже недолго. Однако, пока мир еще не заключен, никоим образом нельзя покидать фронта. Чем слабее будет наш фронт, тем труднее будет нашей делегации заключить мир на тех условиях, которые предлагаем мы. Солдаты соглашались с этим, но все же с сожалением констатировали, что дезертирство с фронта принимает массовый характер. Некоторые предсказывали даже, что через некоторое время на фронте не останется ни одного солдата. Все разбегутся по деревням. Мы, конечно, также прекрасно учитывали это.

Другой вопрос, который тоже сильно занимал солдатские делегации, это вопрос о разделе так называемых экономических сумм. Суммы эти составлялись от недорасхода средств, отпущенных на солдатское пропитание. В некоторых полках они достигали нескольких тысяч рублей. Как распорядиться этими суммами? От Народного комиссариата по военным делам была дана директива расходовать эти суммы только на общие нужды частей, а именно на улучшение пищи или на культурно-просветительную работу, между тем многие солдаты требовали раздела этих сумм и выдачи их на руки. Были такие полки, которые самочинно нарушали директиву Наркомвоена и уже разделили эти суммы между солдатами. Мы принимали все возможные меры для прекращения этого безобразия, но по существу были бессильны сделать что-нибудь реальное. Дисциплина

в частях сильно пала, и легче было создать новые дисциплинированные полки, чем поднять дисциплину в уже существующих частях.

Помню, только одна делегация поразила меня своим солдатским видом и дисциплинированностью. Вытянувшись в струнку и держа под козырек, докладывала она о состоянии своей части. Часть безропотно стояла на позиции и не имела ни одного дезертира. Вещь по тем временам совершенно невероятная. Это был полк, целиком сформированный еще при Керенском из бывших городских.

Много посетителей, и военных и штатских, было у нас в связи с изданным нами приказом об уравнивании солдат с офицерами. Помню, например, пришла ко мне целая делегация офицерских жен под предводительством какой-то толстой сестры милосердия. Жены офицеров, в большинстве простые женщины, держались очень скромно и никакого протеста не заявляли, зато за всех кипятилась и волновалась сестра милосердия. «Что вы делаете с офицерами? — истерически кричала она: — офицеры на фронте кровь проливают, а вы здесь лишаете их жен офицерского пайка!» — «Вы тоже жена офицера?» — спросил я ее. «Нет, но я не могу этого так оставить», — и она опять разразилась целым рядом ругательств по адресу советской власти. «Может быть, вы от какого-нибудь учреждения или организации?» — не унимался я. «Нет, я сама по себе». — «Позвольте в таком случае переговорить с самими женами офицеров, а с вами мне разговаривать не о чем».

Когда сестра милосердия ушла, мы быстро нашли общий язык с женами офицеров. Я объяснил им, что мы вовсе не хотим обижать их, но мы считаем, что и солдаты и офицеры равные люди и одинаково проливают кровь на фронте, поэтому естественно, что и жены их должны получать равную помощь от государства. При старом правительстве офицеры были в привилегированном положении. Мы счи-

таем это несправедливым. Солдатский паек, правда, очень мал, но мы постараемся его увеличить. «Сейчас положение ваше, — говорил я, — в связи с уменьшением пайка несомненно ухудшится, но имейте в виду, что мы поставили своей задачей в самом срочном порядке окончить эту братоубийственную бойню. Мы хотим вернуть вам ваших мужей. Поэтому мы рассчитываем на ваше сочувствие и поддержку». Офицерские жены горячо поблагодарили меня за разъяснение и ушли успокоенные и ободренные. Сестра же милосердия так и не возвращалась.

Помню, еще одно посещение врезалось мне в память. Пришли как-то ко мне два рабочих-изобретателя. Один из них даже принес свое изобретение — складную, очень портативную и удобную кирку-мотыгу, пригодную для армии. Они указали на то, что в прежнее время рабочему-изобретателю очень трудно было реализовать свое изобретение. Советская власть тоже пока что ничего в этом отношении не предпринимает. Между тем, есть целый ряд очень интересных изобретений. Некоторые из них имеют и военное значение. Но изобретатели держат эти изобретения у себя, так как не знают, куда им обратиться. Этот вопрос живо меня заинтересовал. Вместе с этими двумя товарищами мы решили созвать общее собрание изобретателей и широко оповестили о нем через печать. В назначенный день, 2 января (20 декабря) 1917 г. в моем кабинете собралось человек 15 изобретателей, и, в результате, была организована «коллегия изобретателей», задачей которой являлось содействие изобретателям в деле осуществления их изобретений. Коллегия эта получила помещение в Инженерном замке и существовала довольно долго. К сожалению, я, поглощенный потом другими делами, совершенно утратил с нею связь и не знаю, какая работа была ею проделана.

В связи с этими изобретателями мне пришлось испы-

тать первый раз в жизни неприятное ощущение человека, которому предлагают взятку. Дело это было так. В числе других изобретателей, которые присутствовали на первом их организационном собрании, был один — уже пожилой человек, повидимому, бывший военный, с парализованной правой ногой. Он с большим трудом, при помощи костылей передвигался с места на место. Изобретение его было довольно интересно. Он изобрел какой-то планшет, который весьма упрощал изучение топографии и съемки местности. Он уверял, что при помощи этого планшета даже неграмотный солдат легко усвоит основы топографии. Я заинтересовался этим изобретением и обещал посодествовать в его продвижении. В этот день дела задержали меня в Наркомвоене довольно долго и только в 12-м часу ночи я смог вернуться к себе домой на Выборгскую сторону. Каково же было мое удивление, когда у себя на квартире я увидел этого изобретателя, который откуда-то узнал мой адрес, несмотря на свою болезнь добрался до моей квартиры и, как сообщили мне мои домашние, оказывается, уже 2 часа дожидался меня. Но еще больше было мое удивление, когда он с первых же слов предложил мне вступить с ним в пай по использованию его изобретения. Мотивировал он это тем, что он стар и болен, а мне легче взять на себя все хлопоты по этому поводу. Я так растерялся, что не мог даже соответствующим образом реагировать на его предложение. Я просто отклонил его, и он, после безрезультатных уговоров, покинул мою квартиру. Впоследствии моя жена, которая была в соседней комнате и слышала весь разговор, была страшно возмущена моим поведением. По ее словам, его нужно было бы сразу же схватить за шиворот и выбросить вон. Естественно, что после этого факта интерес к его изобретению у меня сильно упал, да он, впрочем, больше ко мне и не являлся.

Много было еще очень любопытных посещений, но всего

не расскажешь, а главное, многое уже и позабылось. Ведь уже больше десятка лет отделяют нас от этого периода...

* * *

Интересна бытовая сторона жизни нашего Наркомвоена. Мы работали в прекрасной обстановке, в роскошных кабинетах, доставшихся нам от старого режима, но в определенный час сходились в одну общую комнату, которая была у нас столовой, и совместно хлебали солдатские щи. В этом отношении у нас была единая, выдержанная, строго принципиальная линия поведения. Мы считали, что вся армия, начиная с народного комиссара по военным делам и кончая последним солдатом, должна пользоваться одинаковым столом. И все то, что получали к обеду солдаты петроградского гарнизона, то же получали и мы. За обеденным столом окончательно стирались всякие грани, и все превращались в одну дружную товарищескую семью. Много оживления вносил «сам» нарком Н. И. Подвойский, который постоянно что-нибудь рассказывал и смешил публику своими шутками и остротами. Иногда приезжие делегаты с фронта, не имея определенного пристанища, получали от меня разрешение пообедать в нашей столовой и здесь воочию могли убедиться в демократичности нашей власти. Возвращаясь на фронт, они с восторгом рассказывали, как живет и чем питается большевистский «военный министр». Иногда к Подвойскому по делам приходили представители иностранных военных миссий. Бывало так, что, окончив разговор, Подвойский любезно предлагал им «откушать». И бедные французские и английские генералы, давясь и отплевываясь, но в то же время с любезной улыбкой, ели вместе с «министром» грубые солдатские щи. Присутствие иностранцев как-то особенно оживляло Подвойского. Речи его лились без конца. Помню, я был поражен, в каких радужных тонах он рисовал состояние нашей дей-

ствующей армии. По его словам, можно было подумать, что армия наша была сильна, как никогда. Впрочем, я вскоре догадался, что все это говорилось для того, чтобы «втереть очки» иностранцам.

* * *

Прием посетителей и связанное с ними исполнение разного рода ходатайств, занимало у меня так много времени, что я абсолютно не имел возможности сделать что-нибудь для упорядочения внутренней жизни и работы в Наркомвоене. В связи с этим было решено установить новую должность в нашем комиссариате, а именно главноуправляющего канцелярией. Для этого был приглашен один бывший генерал С. И. Одинцов.¹ Его появление мало чем изменило общий характер работы нашего комиссариата. Была только осуществлена некоторая оформленность нашей канцелярской работы, и стали регулярно выходить приказы по Народному комиссариату по военным делам. Впрочем, и это, конечно, явилось существенным плюсом в нашей работе.

Первое время главный упор работы Наркомвоена заключался в том, чтобы сохранить вооруженную силу нашей армии и демократизировать ее аппарат. С этой целью во все главные управления нами были назначены свои комиссары — большевики. Так, например, комиссаром Всероссийского главного штаба нами был назначен большевик — прапорщик Адам Яковлевич Семашко, известный по своему участию в июльских днях. То же мы старались проводить в отношении командования нашими военными округами. Командующим Московским военным округом с самых первых дней Октябрьской революции был избран большевик,

---

¹ Сергей Иванович Одинцов, офицер Генерального штаба с 1902 г., приказом № 57 от 21 декабря (ст.ст.) 1917 г. Наркомвоена был назначен временно исполняющим должность главноуправляющего канцелярией наркомвоена. *Ред.*

солдат Н. И. Муралов, ¹ на должность же командующего войсками Петроградского военного округа Наркомвоен назначил нашего старого товарища, бывшего выпускающего дореволюционной «Правды» и старого журналиста К. С. Еремеева. ²

В отношении действующей армии такую же политику проводил верховный главнокомандующий Н. В. Крыленко. Он часто приезжал к нам для согласования тех или иных мероприятий. Любопытно, как быстро наши товарищи входили в роль грозных властителей. Помню, к нам поступила жалоба на то, что Крыленко арестовал одного командующего армией, бывшего генерала. «За что вы его арестовали?» — задал я вопрос Крыленко, когда он опять появился у нас. Крыленко, твердо отчеканивая каждое слово, сказал: «За то, что он не явился ко мне с рапортом, когда я приехал в распоряжение его армии». При этом лицо Крыленко сделалось жестким и неумолимым, а от всей его маленькой фигуры веяло подлинным ореолом власти.

Я искренно порадовался за нашего главкома. В обстановке лжи, клеветы и частичного непризнания нам было очень важно твердо выдержать свою линию. Ведь власть только тогда лишь может быть признанной властью, если она сама убеждена в своей правомочности и своими действиями внушает это убеждение другим.

---

¹ Николай Иванович Муралов приказом № 10 от 14 (27) ноября 1917 г. по военному ведомству был утвержден командующим войсками Московского военного округа. *Ред.*

² Константин Степанович Еремеев, унтер-офицер, согласно постановлению Совета по военным и морским делам приказом № 12 от 14 (27) ноября 1917 г. по военному ведомству был назначен редактором и комиссаром газеты «Армия и флот рабочей и крестьянской России», а приказом № 46 от 16 (29) декабря 1917 г. по тому же ведомству он был назначен временно-исполняющим должность главнокомандующего Петроградским военным округом. *Ред.*

Однако, с первых же недель нашей работы всем нам было ясно, что старая армия фактически уже является разлагающимся трупом. Смотреть на нее, как на опорную силу советской власти, было нельзя. Идеино она была с нами, но как вооруженная сила ничего собою не представляла. Нужно было строить новую рабоче-крестьянскую Красную армию.

К формированию такой армии было приступлено в конце декабря 1917 г. 20 декабря (2 января 1918 г.) 1917 г. была организована Всероссийская коллегия по организации Красной армии. В коллегия были включены ряд партийных товарищей, имевших опыт по формированию воинских частей, бывших руководителей Красной гвардии, как то И. Юренев (К. К. Кротовский) и В. А. Трифонов, от Народного комиссариата по военным делам — Н. И. Подвойский, К. А. Мехоношин и Н. В. Крыленко. Новая армия должна была строиться на добровольческих началах из наиболее твердых и сознательных пролетарских элементов. Для вступления в ряды этой армии требовались специальные рекомендации.

Организация новой, построенной на классовом принципе Красной армии встретила, как это и можно было ожидать, бешеный рев негодования со страниц буржуазной печати.

«Если мы вдумаемся в «идею», лежащую в основе нового декрета, — писала, например, буржуазная газета «Наш век» (бывш. «Речь»),¹ — «то придется констатировать чрезвычайное сходство ее воплощения с теми вербованными военными частями, при посредстве которых в Западной Европе укрепилась власть абсолютизма, придется констатировать большую близость между социалистической Красной армией и стрелецкими полками Московской Руси, а в более

---

¹ № 13 (38) от 19 января (1 февраля) 1918 г.

близкое к нам время — лейб-кампанцами Елизаветы или даже корпусом жандармов, который был создан Николаем после декабрьского переворота в России со специальной целью защищать самодержавие. По идее корпус жандармов должен был состоять из избранных нижних чинов, особенно рекомендованных, он должен был быть вне общей военной организации, и все члены его пользовались особыми привилегиями...»

Конечно, с точки зрения буржуазии, Красная армия и не могла быть не чем иным, как корпусом жандармов.

В связи с новым порядком формирования Красной армии в ней были упразднены некоторые демократические институты, твердо укоренившиеся в старой армии. Так были уничтожены комитеты частей и выборность начальников. Нужно сказать, что и солдатские комитеты и выборность начальников несомненно понижали боеспособность частей. В старой армии они играли полезную роль, так как помогали нам вырывать солдатскую массу из-под влияния реакционного командного состава. Во вновь же формируемой армии этого не требовалось. Однако солдаты успели уже привыкнуть к этим учреждениям, и их упразднение не всегда было солдатам понятно. Ко мне приходили иногда делегаты от красноармейских частей, и им приходилось разъяснять основы новой военной политики советской власти. Помню, когда такого рода делегация впервые пришла ко мне, у меня в кабинете находился Э. М. Склянский. Склянский вообще был единственным членом коллегии Наркомвоена, который не только интересовался моей работой, но зачастую заходил ко мне послушать, о чем идет речь, и поговорить с посетителями. Обычно он садился на ручку моего кресла и, облокотившись на спинку, в такой непринужденной позе прислушивался к моему разговору с посетителем, изредка вставляя свои замечания. В то время он держался очень просто и по-товарищески. К сожалению,

впоследствии, постоянно находясь на ответственнейшем государственном посту, он в довольно сильной степени бюрократился.

Услышав, что вопрос идет о создании комитета части, Склянский вскочил с кресла и довольно резко воскликнул: «Никаких комитетов в Красной армии быть не должно!» Это был исчерпывающий для делегации ответ как по содержанию, так и по форме.

* * *

Так как формирование Красной армии производилось в порядке персональной добровольной записи, то явился вопрос, входили ли в состав Красной армии мы — работники Наркомвоена. Этот вопрос, конечно, был чисто академический, но Подвойский придавал ему некоторое значение. Помню, он несколько раз говорил, обращаясь ко мне и другим сотрудникам: «Ну, товарищи, идемте записываться в Красную армию». Ему нравилась мысль, что Нарком по военным делам, наравне с другими трудящимися, явится на вербовочный пункт, встанет в очередь и запишется в Красную армию. Это было бы очень эффектно и демократично, но... нам жаль было терять на это дело рабочее время. И в результате мы, продолжая оставаться военными работниками, так и не записались в Красную армию.

* * *

Пока мы так работали, в Брест-Литовске велись мирные переговоры с представителями германского правительства. В связи с этими переговорами в Петроград должна была приехать германская делегация по вопросам, связанным с обменом военнопленными. О приезде этой делегации я впервые узнал от Склянского. Как-то Склянский пришел ко мне в кабинет и заявил: «Александр Федорович! Я поручаю вам организовать встречу приезжающей завтра герман-

ской делегации. Сговоритесь по этому вопросу с датским посольством, которое тоже принимает участие в организации встречи немцев». Признаться, эта миссия была мне чрезвычайно неприятна. Однако кто-нибудь все равно же должен был ее выполнить, и потому я, ни слова не говоря, принялся за дело. Прежде всего я позвонил в датское посольство, и оттуда вскоре ко мне приехал секретарь посольства, элегантно одетый молодой белокурый человек, прекрасно говорящий по-русски. Он уже, оказывается, предпринял некоторые меры, переговорив с рядом гостиниц о предоставлении членам немецкой делегации номеров. Вместе с ним мы еще раз позвонили в гостиницу «Франция» и, кажется, в «Англию» и окончательно забронировали ряд номеров для немецкой делегации. После этого я позвонил в автомобильный отдел ВЦИКа тов. Андрею Дмитриевичу Садовскому и заручился его согласием прислать в мое распоряжение 10 автомобилей. Оставалась самая неприятная часть поручения — явиться на вокзал и, соблюдая международные обычаи, приветствовать немцев. От этого мне очень хотелось уклониться, тем более, что я не владел немецким языком, а пользоваться в таком случае переводчиком мне казалось неудобным. Я тщетно ломал голову, кого бы послать на вокзал вместо себя. Неожиданно ко мне в кабинет зашел комиссар главного штаба А. Я. Семашко. «Вы владеете немецким языком?» — спросил я его. «Да!» — ответил он. «Так вот что, дорогой товарищ, — обрадовался я, — поезжайте-ка вы на Варшавский вокзал встречать немецкую делегацию». К моему удивлению Семашко охотно согласился поехать и, действительно, прекрасно выполнил возложенное на него поручение. Без всяких недоразумений и конфликтов встретил он немцев, отвез их в гостиницу и разместил по номерам. На другой день он явился ко мне и рассказал, как все это происходило.

Когда Подвойский узнал, что встреча немцев была органи-

зована мною, он очень возмутился. В довольно резкой форме напал он в моем присутствии на Склянского, упрекая его в лени. «У Женевского своя работа, а встречу немцев я поручил вам!» — кричал он. Склянский оправдывался, как мог...

* * *

Наступил январь 1918 г. Приближался день открытия Учредительного собрания. Буржуазные и эсеровские элементы готовились в этот день выступать в защиту Учредительного собрания. О такой подготовке случайно узнал и я. Дело в том, что моя жена, Лидия Борисовна, урожденная Витмер, происходила из интеллигентской семьи, бывшей когда-то очень революционной, по после Октябрьского переворота охваченной ярко антисоветским настроением. Бывало, когда она приходила туда, спорам и яростным нападкам на советскую власть не было конца. Но однажды она узнала и большее. Как-то она сидела в своей комнате и услышала, что рядом, в столовой, собираются какие-то люди. По голосу она узнала только одного — Л. А-го, моего бывшего школьного товарища, активного работника партии правых эсеров. Невольно прислушиваясь, она поняла, что в столовой происходит заседание военной организации эсеров. Делегаты из полков сообщали о настроении своих частей. Большинство делегатов рисовали довольно безрадостную для эсеров картину. Почти все полки твердо стояли за советскую власть. Только на Преображенский полк и еще на какие-то мелкие войсковые единицы возлагали эсеры свои надежды. Жена по возвращении домой тотчас же рассказала мне об этом, но я, каюсь, ничего не предпринял по этому поводу. В то время положение наше казалось нам столь прочным, а потуги эсеров ничтожными. К тому же, одним из организаторов этого собрания был хорошо мне известный Л. А - ский, человек несерьез-

ный, что, как казалось мне, гарантировало неуспех всего дела. Позднейший провал выступления эсеров как будто подтвердил мою точку зрения, однако, несомненно, что благодушное настроение мое того времени было в корне ошибочно. Мы все-таки недооценивали силы наших врагов. Только эпоха гражданской войны и покушения на наших вождей научили нас наносить жестокие удары и быть безжалостными по отношению к нашим врагам.

Другой случай, который произошел с моей женой, носил уже несколько юмористический характер. Как-то моя жена опять сидела в квартире своих родных. Дома никого не было. У входной двери раздался звонок. Она открыла дверь и впустила в прихожую какого-то неизвестного ей молодого человека. «Простите,—робко сказал он,—кажется, здесь будет происходить заседание военной организации?» — «Не знаю!»

Молодой человек внимательно посмотрел на нее и так же робко спросил: «Простите, а вы член нашей партии?» — «Какой партии?» — «Эсеров». — «Нет, я — член партии большевиков». Молодой человек так и шарахнулся и немедленно же с извинениями ретировался. Мы долго потом смеялись по этому поводу.

* * *

Между тем, Народному комиссариату по военным делам все-таки нужно было принимать свои меры к предотвращению возможного выступления. Для этой цели был организован чрезвычайный штаб, начальником которого Подвойский назначил моего бывшего товарища по Гренадерскому полку, большевика, подпоручика Никонова. Никонов перебрался в кабинет Подвойского и проводил там не только дни, но и ночи. Неоднократно, приходя рано утром в кабинет Подвойского, я заставал его спящим на одном из диванов. В работе этого штаба и я принимал какое-то

участие, но, что именно я делал, как-то не сохранилось в моей памяти. От того времени у меня осталось только коротенькое распоряжение, написанное рукой Подвойского на листке, вырванном из полевой книжки. Вот его содержание:

Ж е н е в с к о м у.

3 янв[аря].

1. Подготовить роту Огнеметно-химич[еского] батальона в распор[яжение] коменд[анта] Петроп[авловской] креп[ости] и 2-ю роту в распор[яжение] комендат[уры] Таврич[еского] дворца.

2. Составить план разъездов 9го Кавал[ерийского] полка в течение 3 суток — 4 — 7 янв[аря].

3. Довести до сведения Дзержинск[ого], что центр белой гв[ардии] в Лесном — в доме [большом] около Сосновки, где живут много студентов».

Эта записка требует некоторого разъяснения.

Огнеметно-химический батальон, прекрасно зарекомендовавший себя в Октябрьскую революцию,¹ был, несомненно, мобилизован, как одна из наиболее надежных частей Петроградского гарнизона. В качестве таких же надежных частей были вытребованы из Гельсингфорса два матросских отряда, один под командой анархиста А. Г. Железняка, другой — большевика Н. А. Ховрина.

Впрочем, сыграть какую-нибудь крупную роль в дни Учредилки этим отрядам не пришлось. Эсеровское выступление, на которое контр-революционеры всех мастей возлагали столько надежд, позорным образом провалилось. Походив по улицам небольшими кучками и покричав, они принуждены были разойтись по домам. Масса их не поддержала. Огромное большинство даже мелкобуржуазных элементов Петрограда, как это показывают и результаты

---

¹ См. об этом в моей книге «От Февраля к захвату власти», гл. VII.

выборов в Учредительное собрание по Петрограду, стояло на стороне большевиков.¹

Начальник Чрезвычайного штаба Ф. Никонов.
(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

Через несколько дней после роспуска Учредительного собрания, когда выяснилось, что новых выступлений

---

¹ Процент поданных голосов за большевиков по Петрограду был 45%, за эсеров — 16%. *Ред.*

ожидать не приходится, Чрезвычайный штаб был расформирован.

* * *

Приблизительно около этого же времени из Наркомвоена неожиданно выбыл один из виднейших его работников, член коллегии Наркомвоена Б. В. Легран. Его уход совершился необычайно быстро. Вчера был человек, сегодня нет. Когда я поинтересовался у К. А. Мехоношина, а впоследствии и у Н. И. Подвойского о причине такого странного явления, я узнал любопытную вещь. Оказывается, Легран повздорил с Подвойским по какому-то вопросу и в порыве ярости вызвал его на дуэль. Подвойский сообщил об этом в Центральный комитет нашей партии, и Легран немедленно же был снят со своего поста. Интересно было бы, если бы Легран, являющийся и теперь ответственным работником, поведал нам подробности этого странного происшествия.

* * *

Наступил февраль 1918 г. Помню, однажды, поздней ночью мы получили из Брест-Литовска от нашей мирной делегации телеграмму довольно неясного содержания. Смысл телеграммы был тот, что переговоры с Германией окончены, война прекращается, и наша делегация возвращается в Петроград. Все работники Наркомвоена, находившиеся в это время в комиссариате, поняли эту телеграмму так, что мир подписан. Помню, какая радость и ликование охватило тогда всех нас. Успокоившись немного от обмена первыми впечатлениями, мы решили, что прежде всего нужно сообщить эту новость главковерху Н. В. Крыленко, который как раз в это время находился в Петрограде. Мы сейчас же позвонили ему и подняли его с постели. Крыленко также присоединился к нашему ликованию и, учи-

тывая огромное значение происшедшего события, быстро продиктовал нам по телефону воззвание, обращенное им по этому поводу к действующей армии. В ту же ночь это воззвание было передано по телеграфу в штабы всех фронтов. В эту ночь никто из нас не спал.

Впоследствии мы узнали, что благодаря этому возванию во многих местах фронта состоялись грандиозные манифестации по поводу заключения мира с музыкой и пушечной пальбой.

Каково же было наше разочарование и огорчение, когда под утро из новых пришедших к нам телеграмм мы узнали, что мир вовсе не подписан, а переговоры прерваны председателем советской мирной делегации Л. Д. Троцким, провозгласившим формулу: «Ни мир, ни война». Ликовать было еще рано. Все понимали, что Троцкий сыграл ва-банк. Его расчет был на то, что немцы не смогут наступать против Советской республики.

Несколько дней прошло в томительном ожидании. Каждый новый, мирно проведенный день вливал новые надежды. Почему немцы не наступают? Может быть, действительно, революционная зараза так глубоко проникла в германскую армию, что она отказывается поднять оружие против красных знамен революции? Значит, Троцкий правильно рассчитал, сделав свой красивый жест. И вдруг, словно среди ясного неба, ударил гром. Немцы перешли в наступление и с невероятной быстротой устремились на Петроград.

Мне никогда не забыть того тяжелого, гнетущего настроения, которое охватило тогда наши партийные и советские ряды. После ряда непрерывных успехов такой удар, который грозил свести на нет все завоевания революции! Многим казалось, что теперь все погребло, что мы будем раздавлены вооруженной мощью германского империализма и советская республика должна будет превратиться в гер-

манскую колонию. Первым, кто сделался жертвой такого рода настроения, была моя жена. Промучившись целый день тревогами за судьбу революции и Советской республики, она вечером 20 февраля (нового стиля) застрелилась.

Но наряду с тяжелым настроением всех охватили гнев и ярость против немцев и величайший энтузиазм. Все схватились за оружие. Красная гвардия была двинута к Пскову для того, чтобы загородить дорогу наступающим немцам. На фабриках и заводах быстро стали формироваться новые отряды Красной гвардии. И нужно сказать, что, несмотря на спешность этих формирований и недостаток вооружения, отряды эти там, где им приходилось встречаться с немцами, проявляли выдающийся героизм. Заняв Псков, немцы не могли уже с такой же легкостью продвигаться дальше.

Между тем Совнарком телеграфировал германскому командованию о своем согласии подписать предложенные Германией мирные условия, и 2 марта тяжелый для нас Брестский мир был подписан.

Вокруг подписания Брестского мира в партийных кругах развернулась широкая дискуссия. Значительная часть товарищей, во главе с Н. И. Бухариным, считала недопустимым для нашего правительства подписывать захватнический мир с германскими империалистами. Они провозгласили лозунг «священной войны». Другие товарищи одобряли тактику Центрального комитета партии в этом вопросе и признавали необходимость и неизбежность подписания «похабного» мира. Представителей того и другого течения в партийных кругах шутя называли «священниками» и «похабниками».

В нашем комиссариате почти все ответственные работники стояли за подписание мира. Нам лучше, чем другим, было известно подлинное состояние нашей армии, и мы понимали, что говорить о возможности какой бы то ни было борьбы

с германским империализмом в данной обстановке невысказано. Вопрос мог стоять только так: или немедленный мир или полное крушение советской власти и восстановление капитализма в России.

6 марта в Петрограде в Таврическом дворце открылся VII съезд нашей партии. Здесь прения развернулись во всю ширину. Я присутствовал на этом съезде в качестве гостя. Помню, меня поразили спокойствие и добродушная веселость В. И. Ленина во время прений. Расстегнув пиджак и заложив большие пальцы за жилетку, он прогуливался позади трибуны, внимательно прислушиваясь к речам выступавших ораторов. Лицо его буквально сияло. Но в особенности он был весел, когда выступал какой-нибудь оратор из оппозиции. Чем резче было выступление, тем веселее становился Ленин. В некоторых местах он не выдерживал и начинал хохотать, держась за бока. Оппозиционеры в большинстве, наоборот, держались очень озлобленно и мрачно. Я сидел как раз около Д. Б. Рязанова и слышал, как он, указывая на смеющегося Ленина, несколько раз с большим ожесточением повторял: «Это все этот человек! Это все его влияние!» Во время своего выступления Рязанов настолько разволновался, что, придя на свое место, ударил по столу кипой каких-то бумаг так, что они разлетелись во все стороны. В дальнейшем Рязанов, когда съезд постановил, по предложению Ленина, ратифицировать мирный договор, вышел из рядов нашей партии. Впрочем, не надолго. Последующие события убедили его в правильности Ленинской точки зрения, и он вернулся в ряды партии.

* * *

В связи с угрозой, которая и после заключения мира продолжала висеть над Петроградом, Совет народных комиссаров принял решение перенести свое местопребывание в Москву. Начал готовиться к эвакуации и наш Нарком-

воен. Так как Петроград продолжал сохранять чрезвычайно важное экономическое и политическое значение, было решено оставить здесь в достаточной степени сильную военную ячейку. Существование одного только главнокомандующего Петроградским военным округом (каковым был К. С. Еремеев) и его помощников (В. Н. Васильевский и К. К. Юренев) было признано недостаточным. Решено было учредить коллегия.

Таковая коллегия была избрана в середине марта на общегородском собрании представителей районных штабов. Эта коллегия получила название «Окружной коллегии Петроградского округа рабоче-крестьянской Красной армии». В состав ее вошли 12 следующих товарищей: 1) Константин Степанович Еремеев, 2) Владимир Николаевич Васильевский, 3) Андрей Михайлович Бодров, 4) Константин Константинович Юренев, 5) Сергей Романович Богатин, 6) Виктор Иванович Дешевой, 7) Федор Васильевич Ершов, 8) Иван Дмитриевич Чугурин, 9) Батунов, 10) Алексеев, 11) Ахромович и 12) Барбар. Для непосредственной текущей работы коллегия выделила из своей среды президиум в составе К. С. Еремеева, В. Н. Васильевского, А. М. Бодрова, С. Р. Богатина и К. К. Юренева.

В связи с такой реорганизацией штаба Петроградского военного округа у нас в Наркомвоене произошел ряд заседаний с петроградскими военными работниками. Создание двенадцатичленной коллегии встретило с нашей стороны самые резкие возражения. Мы считали, что главная работа должна быть передвинута в районы, а в центре оставлена лишь сравнительно небольшая руководящая ячейка. Помню, как т. Мехоношин, ядовито улыбаясь, говорил: «Есть там, например, у вас в коллегии такой товарищ — доктор Дешевой. По-моему, ему полезнее было бы формировать части где-нибудь в районе, а не «заседать» в двена-

дцатичленной коллегии». ¹ Петроградские товарищи отвечали, что большинство членов коллегии и будет рабо-

Помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа В. Н. Васильевский. (Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

тать в районах, лишь изредка собираясь на пленумы коллегии.

¹ Тов. В. И. Дешевого мы все любили как очень милого человека и старого партийного работника, но в то же время слегка подтрунивали над его интеллигентской внешностью.

После продолжительных прений двенадцатичленная коллегия была все же уничтожена и заменена менее громоздкой пятичленной коллегией, куда полностью вошел президиум бывшей коллегии в составе пяти перечисленных выше товарищей. Впрочем, здесь тоже произошло одно изменение: К. К. Юренев должен был ехать в Москву, и на его место Наркомвоен назначил бывшего комиссара Северного фронта т. Бориса Павловича Позерна.

В таком составе коллегия штаба Петроградского военного округа и была утверждена.

Нужно было еще наметить человека, который каким-то образом объединял бы работу коллегии и руководил аппаратом штаба. На эту должность питерские товарищи предложили мою кандидатуру. Я, признаться, и сам очень хотел остаться в родном Питере, но опасался резкого противодействия со стороны Подвойского. В результате, мы некоторым образом обошли его. Мое назначение состоялось без ведома Подвойского двумя подписями Мехоношина и Склянского, что внешне носило вполне законный характер. Впоследствии, уже в Москве, когда Подвойский увидел, что в комиссариате меня нет и узнал, как обстояло дело, он буквально рвал и метал. В ряде телеграмм он настойчиво требовал меня к себе в Москву, но коллегия штаба сумела меня отстоять. Я остался в Петрограде.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Коммуна в Петрограде! — Военно-революционный комиссариат. — Я получаю назначение управляющим делами комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны и комиссаром Главного военно-судного управления. — Посетители. — Я похищаю из Наркомвоена справочный отдел. — Подвойский требует меня в Москву. — Формирование Красной Армии. — Военный специалист о Красной Армии. — Районные статистики. — Предел наших желаний — две дивизии в Петрограде. — Финляндский фронт. — Начальник тыла — финский шпион. — Штаб Северного фронта. — Монархисты на службе советской власти. — Финны под Петроградом. — Жуткие дни. — Организация политическо-просветительного отдела. — Всеобщее военное обучение.

В связи с эвакуацией правительства в Москву, в Петрограде произошли значительные изменения в управлении городом. Была провозглашена так называемая Петроградская трудовая коммуна. Коммуна! Велико обаяние этого слова. В сознании невольно вставал Париж, 1871 год.

Помню, когда на другой день после объявления коммуны я вышел на улицу, мне такой странной показалась обычная уличная картина: падает снег, по тротуарам идут спешащие куда-то пешеходы, изредка промелькнет извозчик. Все так буднично и обыденно. А ведь у нас коммуна! Та коммуна, о которой до сих пор приходилось только читать. Мы не только продолжатели великих коммунаров, мы сами коммунары. Это кружило голову и создавало необыкновенный подъем настроения.

Невольно думалось и о том, какое впечатление произведет провозглашение в Петрограде коммуны на все еще стоявшие на подступах к Петрограду немецкие войска. Ведь и у них должны быть еще свежи воспоминания о Великой парижской коммуне. И неужели у немецких солдат не дрогнет рука поднять оружие против наших войск — войск Коммуны?

По образцу центрального правительства в Петрограде был создан Совет народных комиссаров Петроградской трудовой коммуны во главе с председателем Г. Е. Зиновьевым.¹ Для обороны был создан временный Военно-революционный комиссариат в составе Л. Д. Троцкого (председатель), Благонравова, Урицкого, Еремеева, Позерна, Ермолаева и Фалина. Впрочем, этот комиссариат просуществовал недолго. С минованием непосредственной опасности со стороны немцев, он был расформирован, и его функции перешли в Комиссариат по военным делам.

В связи с образованием в Петрограде Петроградской трудовой коммуны штаб Петроградского военного округа также изменил название и стали именоваться Народным² комиссариатом по военным делам Петроградской трудовой коммуны. Однако масштаб работы остался прежним. Мы попрежнему в той или иной степени влияли на военные формирования в пределах бывшего Петроградского военного округа.

---

¹ В состав этого Совета входили: нарком просвещения А. В. Луначарский, финансов — В. Р. Менжинский, городского хозяйства — М. И. Калинин, продовольствия — М. М. Лашевич, юстиции — П. И. Стучка, хозяйственно-экономического — В. М. Скрябин (Молотов), социальной помощи — А. А. Иоффе, по Петроградскому округу — И. Т. Смилга, транспорта — Л. Владимиров, советской печати, пропаганды и агитации — М. М. Володарский.

² Впоследствии слово «Народный» для того, чтобы не путать наши комиссариаты с комиссариатами центрального правительства, было отменено.

Перед эвакуацией Народного комиссариата по военным делам Склянский дал мне еще одно назначение. «Поскольку вы остаетесь в Петрограде, — сказал он мне, — возьмите еще на себя комиссарство в Главном военно-судном управлении». Я попытался было отказаться от этого назначения, указывая на то, что в Петроградском военном комиссариате меня ждет большая работа, но Склянский уверил меня, что, во-первых, Главное военно-судное управление ликвидируется и потому работы там немного и, во-вторых, он вскоре пришлет мне заместителя, которому я смогу передать все дела по этому управлению. Пришлось согласиться.

В двадцатых числах марта я, наконец, вступил в исполнение обязанностей управляющего делами Петроградского военного комиссариата. На первом же заседании коллегии комиссариата был намечен общий план работ и распределены функции членов коллегии: С. Р. Богатин взял на себя отдел формирования, А. М. Бодров — отдел снабжения, К. С. Еремеев и В. Н. Васильевский возглавили собою оперативный отдел. Только Б. П. Позерн не был прикреплен к определенной отрасли работы. На его долю выпало участие в работах коллегии, связь с партийными организациями и отчасти некоторая представительная часть. Мне была поручена организация внутренней жизни комиссариата и руководство теми отделами, во главе которых стояли не члены коллегии комиссариата.

Первое, с чем мне пришлось столкнуться, как управляющему делами комиссариата, это огромное количество посетителей, которые, как когда-то и в Наркомвоене, массами заполняли помещение, слонялись из комнаты в комнату и отрывали работников комиссариата от их непосредственной работы. Значительная часть этих посетителей, так же как и в Наркомвоене, не имела никакого отношения к военному ведомству и приходила сюда только за справкой, куда обратиться за разрешением того или иного вопроса. В

первую очередь мне предстояло заняться упорядочением вопроса с этими посетителями. Члены коллегии теперь, поскольку в комиссариате появился управляющий делами, не хотели уже принимать всех посетителей без разбора и неуклонно посылали их предварительно ко мне. Помню, как Богатин сказал как-то на заседании коллегии, радостно улыбаясь: «Хорошо, что у нас теперь управляющий делами. Хоть от посетителей-то можно вздохнуть немного».

Но и мне принимать всех посетителей было бы тяжело. Опыт работы в Наркомвоене указал мне на необходимость организации особого справочного отдела, который мог бы удовлетворять справками значительную часть посетителей. Такой справочный отдел должен был быть организован в самом срочном порядке. Но откуда его взять? И я прибег для этого к не совсем законному способу. Я попросту украл у Наркомвоена его справочный отдел. Как я уже писал, справочный отдел Наркомвоена был организован мною и притом из лиц, лично мне хорошо знакомых. Члены коллегии Наркомвоена не были в достаточной степени знакомы с техникой того, как я произвожу прием. И мне ничего не стоило, воспользовавшись естественной сутолокой эвакуации Наркомвоена, переманить этот отдел в полном своем составе во главе с его заведующим В. М. Коновым в Петроградский военный комиссариат. Для меня это был большой плюс, так как я получил кадр опытных работников, накопивших за время своей работы в Наркомвоене огромный запас сведений справочного характера. Думаю, что и для Наркомвоена это исчезновение одного из его отделов не было особенно убыточным, так как все сведения справочного отдела касались почти исключительно Петрограда, и в Москве его сотрудникам все равно пришлось бы ориентироваться в новой обстановке и фактически начинать всю работу сначала.

Так или иначе, но справочный отдел переселился ко мне

в комиссариат, и вскоре его работа в значительной степени упорядочила и оздоровила нашу внутреннюю жизнь. Теперь уже в отделы комиссариата и ко мне на прием посетители проходили только по пропускам справочного отдела. А справочный отдел уже знал, кого и куда по его делу на-

Коллегия Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны: (слева направо) В. Н. Васильевский, К. С. Еремеев, Ф. Б. Тартаковская (секретарь коллегии), С. Р. Богатин и А. М. Бодров. Отсутствует Б. П. Позерн.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

править. Беспорядочная сутолока первых дней работы комиссариата прекратилась.

* * *

Я уже писал, что Подвойский буквально рвал и метал, узнав, что я покинул Наркомвоен и остался работать в Питере. Всеми силами он старался вернуть меня обратно. Почти каждый день секретарь тов. Подвойского Баландин

вызывал меня к прямому проводу и между нами происходили следующие разговоры. ¹

— У аппарата Женевский. Здравствуйте, товарищ Баландин. В чем дело?

— Здравствуйте, товарищ Женевский. Я подавал вам телеграмму и записку о том, чтобы вы выезжали в Москву, он так как ответов от вас не поступало, то передаю записку от Подвойского: «Если товарищ Женевский немедленно не выедет на совместную работу, то я порву с ним навсегда».

— Передайте т. Подвойскому, что я исполняю здесь две функции, первая — управляющего делами штаба округа и вторая — комиссара Главного военно-судного управления, так что распорядиться своей судьбой единолично не могу. Чтобы вызвать меня в Москву, т. Подвойскому нужно было бы освободить меня от должности комиссара судного управления и снести с коллегией по управлению округом о возможности перевода меня в Москву. Из Народного комиссариата по военным делам я ушел не самочинно, а с согласия Мехоношина и Склянского, ибо работники на местах нужны до зареза, в особенности в штабе Петроградского округа, где, как вы сами знаете, царил огромный организационный беспорядок. Боюсь, что коллегия округа не согласится меня отпустить. ² Сообщите конкретнее, для какой

---

¹ Подлинник записи разговора хранится у меня в моем личном архиве.

² Это заявление очень характерно рисует картину тогдашних взаимоотношений. Нарком, и притом военный, должен был в некоторых случаях не приказывать, а просить у подчиненного ему органа управления. И этот орган мог не согласиться с Наркомом и отказать ему в его просьбе. Такое явление имело общий характер. Широкий демократизм управления фактически выливался в лозунг «власть на местах». Наш комиссариат держался по отношению к Народному комиссариату по военным делам довольно самостоятельно. Так же самостоятельно держались и по отношению к нам подчиненные нам органы — районные военные штабы. Речь об этом будет еще впереди.

работы я нужен в Москве. Если вопрос стоит действительно остро, постараюсь убедить коллегия округа в необходимости моего отъезда в Москву. Вы же, со своей стороны, предпримите то, о чем я говорил выше.

— Вы, товарищ Женевский, необходимы, как и раньше. Все здесь загромождены работой. Для вас при Военном комиссариате прием и другие организации.

А вот продолжение этого разговора:

— Здравствуйте, товарищ Баландин, что скажете?

— Здравствуйте, дорогой Александр Федорович? Прежде всего и главное всего, скоро ли вы к нам приедете. Мы с Николаем Ильичем говорили сегодня по телефону с Ниной Августовной.¹ Она в четверг выезжает сюда. Желательно было бы и страшно необходимо для дела, чтобы приехали и вы вместе с ней. Я вчерашний день говорил через Лурье тов. Позерну, что вас может заменить тов. Александр.² Это товарищ свой, хороший работник, который вполне справится с работой в штабе, так что теперь никаких отговорок быть не может. Надеюсь, что вы в четверг выедете. Скажите Еремееву и всем остальным, что вы для дела здесь в Москве будете более полезны, чем в Петрограде. Агитировать вас больше не буду, думаю, что для вас понятно.

— Здесь на замену меня Александр не согласны. Александр очень милый человек и хороший работник, но чрезвычайно медлительный и слишком мягкий.³ Здесь же подчиненные органы нужно держать в крепких руках, ибо все здесь развинчено продолжительной дезорганизацией. Если

---

¹ Нина Августовна Подвойская — жена Николая Ильича Подвойского.

² Лев Николаевич Александр. Впоследствии он был поверенным в делах СССР в Латвии.

³ Теперь я не согласен с этой оценкой тов. Александр, превосходнейшего работника во всех отношениях. А. И.-Ж.

коллегия согласится меня отпустить все-таки, тогда, конечно, приеду, как мне ни жаль покинуть Петроград.

Однако коллегия Петроградского военного комиссариата так меня и не отпустила, и Подвойскому пришлось примириться с тем, что я остаюсь в Петрограде.

* * *

Основной работой Петроградского военного комиссариата было формирование новой рабоче-крестьянской армии. Старая армия уже совершенно развалилась, и ее части, время от времени прибывавшие с фронта в распоряжение нашего Петроградского военного округа, подлежали немедленному расформированию и демобилизации. Новая армия строилась исключительно на добровольческом принципе. Для того, чтобы вступить в ряды Красной армии, нужно было представить рекомендацию какой-нибудь пролетарской организации или отдельных партийных товарищей. Вербовка новобранцев происходила обычно на специальных вербовочных пунктах, которые были созданы при районных штабах Красной армии и находились в ведении отдела формирования. Вступающий подписывал обязательство служить не менее шести месяцев. Жалованье полагалось одиноким — 50 р., семейным — 150 р.

Для того, чтобы привлечь в ряды Красной армии возможно большее количество трудящихся, Военным комиссариатом проводилась громадная агитационная работа. Любопытно, что в то время при комиссариате еще не было создано специального политическо-просветительного отдела. Таковой был организован значительно позже. Агитация учитывалась Военным комиссариатом только как подсобное средство для вовлечения трудящихся в армию, а потому все средства агитации были сконцентрированы в агитационно-вербовочном подотделе при отделе формирования.

Обыкновенно, по инициативе или при участии отдела формирования, устраивалась митинги по текущему моменту,

на которых указывалась необходимость создания Красной армии, и тут же, по окончании митинга, за отдельными столиками производилась запись желающих вступить, в армию. Если митинг проходил удачно, если докладчику удавалось как следует расшевелить и воодушевить аудиторию, то вокруг вербовочного столика собиралась целая очередь записывающихся.

Запись в Красную армию особенно в первое время шла очень успешно. Записывались чуть ли не целыми заводами и предприятиями. Так, например, по 1-му городскому району в первых числах марта записались: партизанский отряд печатников в 150 человек, отряд рабочих завода Сан-Галли — 175 человек, коллективы оружейного и гильзового завода, коллектив 6-й государственной типографии, служащие Балабинской гостиницы, отряд социалистической молодежи 1-го городского района и целый ряд других сплоченных групп. Всего по 1-му городскому району за первый месяц вербовки записалось около 2 400 человек, по Выборгскому — около 4 000 человек. Это были огромные по тому времени цифры.

Все записывающиеся и принятые в ряды Красной армии сводились в отдельные боевые единицы, которые в то время носили название отрядов. Формирование таковых отрядов производилось под наблюдением районных штабов отдельными товарищами, утвержденными Петроградским комиссариатом по военным делам. Отряды эти обычно не имели характера регулярных частей, а были в полном смысле этого слова партизанскими. Носили они своеобразные и порой причудливые названия. Так был сформирован отряд под названием «Беспощадный», другой отряд носил название «Волчья стая» и т. д.

* * *

Очень яркую картину внешнего облика этих частей дал бывший генерал Новицкий, который в № 114 буржуазной

газеты «Новый вечерний час» написал статью под заглавием: «Нечто от революции». В этой статье Новицкий так рисует Красную армию:

«Красная армия. Постриженные парни, с надвинутыми на затылок фуражками, в расстегнутых солдатских шинелях, с винтовками на ремнях за правым плечом, шумной гурьбой плетутся по петроградской панели... Группы всадников, такого же растрепанного и неряшливого вида, на плохо содержимых лошадях скачут по бульжникам петроградских мостовых, не жалея лошадиных ног...

«Часовые, поставленные на посты, сидят на табуретках или ступеньках крылец и, поставив свои винтовки между колен, мирно беседуют с прохожими...

«Такова по наружному виду, по своему внешнему облику рабоче-крестьянская армия. Каждый из нас наблюдает эти сцены изо дня в день, и не можем мы, привыкшие к стройным движениям, порядку и дисциплине старой армии, примириться с этой распущенностью, с этим разгильдяйством революционного воинства.

«Особенно тяжело смотреть на все это нам, старым служакам, выросшим, воспитавшимся, прожившим многие годы в совершенно иной обстановке».

Однако за этой внешней неприглядностью даже бывший генерал чувствует нечто новое и весьма значительное.

«Тем не менее, — пишет он, — я с большим интересом наблюдаю эти новые явления и нахожу в них много оригинального, своеобразного, красочного, много впечатлений, примиряющих меня с ними, побуждающих меня относиться к ним более вдумчиво и серьезно. Вы улыбаетесь? Думаете, что я шучу? Нисколько. Я говорю это с полным убеждением. Конечно, теперешний облик Красной армии режет глаз военного профессионала, но во всем этом наружном неблагоустройстве все-таки есть нечто от революции, есть какой-то особенный колорит, какой-то стиль современности.

...И во всяком случае, это... уже не прежняя старая армия в распушенном виде.

«Я близко видел и наблюдал старые войска в те памятные дни, когда армия уже разваливалась, когда дисциплина исчезла, когда строевые части превратились в беспорядочную толпу. И это было нечто совсем иное, чем тот беспорядок, который мы наблюдаем ныне. По наружному виду как будто бы одно и то же — неряшливость одежды, отсутствие чинопочитания, небрежное выполнение воинских обязанностей, но то была распушенность разложившегося порядка, а это — распушенность еще не сложившегося строя. Там пахло гнилью, веяло мертвенным духом, здесь — хаос нового, неумелого строительства и не сложившихся, не установившихся форм».

В этой статье бывший генерал удивительно чутко подошел к вопросу и правильно определил основную разницу между старой и новой армией. Несмотря на свои первоначальные недостатки, Красная армия из разрозненных недисциплинированных отрядов развилась в могучую военную силу, принесшую нам победу на всех фронтах.

* * *

Для учета военных формирований в каждом районном штабе сидели специально уполномоченные нашим комиссариатом районные статистики. Эти статистики назначались учетным подотделом нашего отдела формирования, и ему же они и представляли все сведения о количестве штыков данного района.

Любопытно, что основанием для создания института районных статистиков послужило наше недоверие к районным штабам. Предметов снабжения у нас в то время, естественно не хватало. Между тем, районные штабы склонны были получать и продовольствие и снабжение не по количеству имеющихся в районе военных сил, а с таким

расчетом, чтобы можно было оставить кое-что в запас на черный день. Поэтому все требования, представляемые районами в наш отдел снабжения, бывали обычно составлены с некоторым «запросом». Мы прекрасно знали это, но проверить никак не могли до тех пор, пока нами не были отправлены во все штабы наши специальные сотрудники — районные статистики.

Появление районных статистиков сразу упорядочило вопрос о снабжении наших воинских частей. Картина резко изменилась. Теперь, получив требование от какого-нибудь штаба, мы сейчас же сверяли это требование со сведениями нашего районного статистика о количестве штыков данного района и вносили соответствующие поправки.

* * *

Формирование отрядов производилось самым спешным порядком, так как с запада над Питером все еще нависали германские полчища, а с севера на советскую Финляндию начинали свое наступление прошедшие немецкую службу бело-финские полки генерала Карла Маннергейма. Предделом наших желаний было сформировать для защиты Петрограда две пехотные дивизии. Помню, как тов. Зиновьев на одном из узких собраний питерских военных работников заявил: «Если бы у нас в Питере было хотя бы две дивизии, то мы могли бы очередной ультиматум германского правительства бросить под стол».

Однако сформировать в Петрограде две дивизии мешало еще и то обстоятельство, что из Москвы постоянно поступали требования на высылку тех или иных отрядов на юг против Каледина. Все эти требования мы старались по мере возможности выполнять, хотя это, конечно, и ослабляло обороноспособность Питера. Всего с апреля по конец ноября 1918 г., по данным Высшей военной инспекции, на различные фронты Петроградским военным комиссариа-

том было отправлено более 172 отдельных боевых единиц, общей численностью свыше 47 948 человек. Это было огромной поддержкой Республике со стороны Петрограда. Естественно, что при такой спешке некогда было думать о правильном конструировании частей и основательном их обучении. Обычно, мало-мальски сформировавшись, эти отряды отправлялись на фронт и принимали участие в боевых действиях.

* * *

В особенности много сил и средств требовал от нас недавно образовавшийся финляндский фронт. Финские отряды Красной гвардии были слишком слабы, чтобы противостоять регулярным полкам Маннергейма, и потому братская помощь с нашей стороны была более чем необходима. Так как, согласно Брестскому договору, мы не имели права вмешиваться во внутренние дела Финляндии, то посылка военных частей производилась нами полулегально, под видом добровольческих единиц, причем связь их с Петроградским военным комиссариатом строгим образом конспирировалась. Впрочем, иногда наши руководители оперативной частью, Еремеев и Васильевский, пренебрегая всякой конспирацией, выезжали на передовые позиции и лично выясняли состояние наших частей и их нужды. И каждый раз они приезжали оттуда хмурые и мрачные. Несмотря на нашу поддержку, бело-финские полки, пользуясь своей лучшей организацией и техническим превосходством, все более и более оттесняли к югу красные финские войска.

Помощь нашего комиссариата финским красно-гвардейским частям заключалась не только в посылке им живой человеческой силы. Помню, одной из первых работ только что возникшего у нас при комиссариате инженерного отдела¹ была постройка в Финляндии у станции Лемболово

---

¹ Начальником его был назначен некий Рабинович, о котором речь будет еще впереди.

железнодорожного моста, который имел для финских красных частей большое стратегическое значение.

* * *

Для того чтобы организованнее проводить снабжение финских частей и посылку отрядов, нами был назначен¹ начальник тыла карельского фронта, некий Миллер, который устроил себе штаб-квартиру на Финляндском вокзале. Это был щеголеватый молодой человек, видимо, бывший офицер, очень подвижной и энергичный. Помню, он всегда с большим шумом врвался в мой кабинет и, звеня шпорами и неустанно двигаясь, с большим оживлением докладывал о своей работе. По его словам выходило, что он встречал большое сопротивление со стороны местных железнодорожных властей и принужден был постоянно прибегать к тем или иным мерам «воздействия». В особенности он увлекался арестами. Весело смеясь и видимо рисуясь, он рассказывал про свои каждодневные «подвиги». Без фразы «я его немедленно арестовал» он не обходился ни при одном своем докладе.

И вдруг к нашему всеобщему изумлению в один прекрасный день сам Миллер оказался арестованным. «В чем дело?» — запросил я по телефону председателя Петроградской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкого. Ответ Урицкого был краток: «Оказался бело-финским агентом. Сознанся. Расстрелян».

Так закончилась карьера этого щеголеватого молодого человека.

Это был, если не ошибаюсь, первый случай предательства в наших рядах. А сколько их было потом! Из дальнейшего изложения будет видно, что вокруг нас буквально кишели

---

¹ Каким образом состоялось его назначение и откуда он вообще взялся, я совершенно не помню. Все это прошло как-то мимо меня.

всякого рода авантюристы, проходимцы, белогвардейские и иностранные агенты. В этом нет ничего удивитель-

Начальник тыла карельского фронта Миллер, оказавшийся впоследствии финским шпионом, на докладе у управляющего делами Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны А. Ф. Ильина-Женевского.

(Фотография 1918 г. одного из сотрудников военного комиссариата.)

ного. В сутолоке первых дней революционного строительства нельзя было производить особенно строгого отбора сотруд-

ников, и естественно, что в наши ряды просочились и морально неустойчивые и просто уголовные элементы. Это создавало чрезвычайно тяжелую и напряженную обстановку.

* * *

Наконец, продвижение вперед бело-финских частей стало создавать угрозу уже и непосредственно самому Петрограду. Нужно было подумать об его обороне. Нац комиссариат не был приспособлен для ведения боевых операций, в его задачу входило главным образом формирование частей, поэтому для обороны Петрограда нужно было создать особый штаб. Такой штаб распоряжением Народного комиссариата по военным делам вскоре и был создан из существовавшего уже несколько месяцев «Штаба северного фронта и карельского участка». Во главе его стоял бывший генерал, профессор Александр Владимирович Шварц, а в качестве комиссаров к нему были назначены два видных коммуниста Михаил Михайлович Лашевич и Ивар Тенисович Смилга. В распоряжение штаба был передан целый ряд боевых единиц, а для того, чтобы затруднить продвижение неприятеля к Петрограду, штаб начал производить в окрестностях Петрограда фортификационные работы. Был создан ряд так называемых военных строителств, которые выдвигали оборонительные сооружения на парголовских высотах и других удобных для обороны пунктах севернее Петрограда. Как производилась работа этими строительствами и как вообще протекала работа штаба, расскажет кто-нибудь, кто ближе стоял к этому делу, мне же хотелось бы остановиться лишь на одном моменте, который живо характеризует общую обстановку, в которой нам тогда приходилось работать. Естественно, что штабу, как и нам, в виду спешности работы не приходилось особенно выбирать сотрудников, и вот к каким это приводило курьезам.

Помню раз ко мне на прием пришел взволнованный рабо-

чий и сообщил, что в известном ему пункте наблюдается скопление бывших офицеров, причем они вербуются в какую-то, повидимому, белогвардейскую организацию.

Член военного совета штаба северного фронта и карельского участка М. М. Лашевич.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

Такие добровольные осведомители довольно часто являлись к нам в штаб и сплошь и рядом давали ценные указания, приводившие к раскрытию того или иного крупного заговора. Мы всегда внимательно относились и проверяли

правильность поступающих к нам таким образом сведений. Так и в этом случае, я немедленно позвонил в Военный контроль¹ и просил их выяснить, в чем тут дело. Через некоторое время я получил ответ. В указанном пункте помещался штаб северного фронта и карельского участка.

Другой раз ко мне пришел один из родственников моей жены, бывший офицер, и заявил, что тоже хочет принять участие в обороне Петрограда. «Должен вам прямо по-честному заявить, — сказал он, — что по убеждениям я монархист, но я не могу допустить, чтобы финны заняли Петроград». — «Как же мы можем доверить вам какую-нибудь работу, если вы монархист?» — спросил я его. — «Ваше дело, доверять мне или не доверять — но у меня такой принцип, если я беру на себя какую-нибудь работу, я выполняю ее честно. Ведь я бы мог не говорить вам, что я монархист — и вы бы приняли меня, но я привык действовать прямо и открыто, и если в дальнейшем что-нибудь не будет согласоваться с моей совестью, то поверьте, что я так же открыто и прямо скажу вам об этом. Никакую контр-революционную работу я вести не буду. В этом я даю вам честное слово». Подумав немного, я отправил его к проф. Шварцу, а последний сейчас же направил его в одно из своих строителей. И что же? Когда я через несколько дней вновь увидел его, он буквально покатывался от хохоту. «Куда вы меня послали? — говорил он: — да там у нас в строительстве все сплошь монархисты. Можно сказать, в свою компанию попал». Я рассказал об этом случае комиссару штаба Шварца Лашевичу, но он весьма хладнокровно принял мои слова. «Пусть себе работают, — заявил он, — все равно ничего вредного они сделать не могут». И нужно сказать, что, действительно, эти строители, несмотря на свой реакционный состав, за все время своей работы не причинили нам никакой не-

¹ Так называлось контр-разведочное отделение нашего комиссариата.

приятности. За то сам профессор Шварц впоследствии оказался предателем. Вместе со своим начальником штаба Геруа он бежал на юг и перешел на сторону белогвардейских войск.

Наконец, бело-финские войска подошли непосредственно к русско-финляндской границе. От Петрограда их отделяло всего лишь каких-нибудь 30 километров. Это был тревожный и жуткий момент. Отважатся ли бело-финны начать наступление на Петроград? Мы ждали, сжавшись в кулак и готовые ответить контр-ударом на попытку финнов перейти в наступление. Нервы были напряжены до крайности. Однако, время шло, а финны не двигались. Впоследствии нам стало известно, что они ограничили свои задачи «освобождением» родины и сознательно отказались от всякого рода завоевательных попыток. Мы могли вздохнуть спокойно.

* * *

Вскоре в нашем комиссариате появился новый человек — секретарь коллегии комиссариата, член партии, Фанни Борисовна Тартаковская. Она была приглашена к нам специально для того, чтобы вести протоколы заседаний коллегии комиссариата. Раньше эти протоколы вел я. Но они отнимали у меня слишком много времени и мешали непосредственной работе. Поэтому я вскоре взмолился и просил назначить на эту работу какого-нибудь другого, специального человека. Таким человеком и явилась тов. Тартаковская, перешедшая к нам из расформировавшегося Петроградского военно-революционного комиссариата.

Тов. Тартаковская была предприимчивая и энергичная женщина. Простое писание протоколов ее не удовлетворяло. Вскоре она уже не только записывала решения коллегии, но и следила за проведением их в жизнь. Пыталась она наложить руку и на некоторые из моих функций, но

это ей не удалось. После небольших тренировок мы разграничили свои обязанности и прекрасно сработались.

Наконец, Тартаковская нашла себе более широкую и удовлетворяющую ее работу. Она вступила членом коллегии в только что организовавшийся у нас политическо-просветительный подотдел отдела формирования. Я уже писал, что такого подотдела до сих пор у нас не было. Был агитационно-вербовочный подотдел отдела формирования, но он преследовал узкую задачу содействовать вовлечению трудящихся в ряды Красной армии.

Теперь, когда численность Красной армии возросла, появилась необходимость ведения политической работы внутри армии и, следовательно, создания соответствующего подотдела. Этот подотдел и был нами создан 11 апреля 1918 г. в составе трех человек: И. В. Мгеладзе (Вардина),¹ Ф. Б. Тартаковской и еще одного товарища, присланного нам специально для этой работы Петербургским комитетом партии. Фамилия этого товарища была, если не ошибаюсь, Монахов. Помню также, что он ходил в военной шинели.

1 мая политическо-просветительный подотдел был выделен из отдела формирования и преобразован в самостоятельный отдел.

Фактическим руководителем отдела являлся, конечно, Мгеладзе. Это был старый партийный работник, «правдист», крупный организатор и блестящий оратор. В комиссариате он бывал редко, так как постоянно разъезжал по разного рода митингам и собраниям.

Политическо-просветительный отдел поставил своей задачей «воспитание красноармейцев, как сознательных бойцов революции, и поднятие их культурного и нравственного уровня».

Отдел создал себе подсобные органы в лице политическо-

---

¹ Впоследствии известного оппозиционера.

просветительных комиссий при районных комиссариатах. Одной из главных задач отдела было снабжение формируемых нами частей агитационной литературой. В этом отношении отделу удалось добиться довольно значительного успеха. Кроме того, отдел организовал ряд районных красноармейских клубов, библиотек, читален и школ. В частях было проведено много лекций, концертов и спектаклей.

Наблюдать близко работу политическо-просветительного отдела мне не пришлось, так как он помещался отдельно от нас, на Литейном проспекте (ныне проспект Володарского), дом № 48, там же, где находилась и военно-морская секция при Петербургском комитете партии.

Политическо-просветительный отдел положил первую основу политического воспитания в армии и послужил предтечей будущего Политического управления округа.

* * *

Наряду с формированием воинских частей в задачу нашего военного комиссариата входила организация всеобщего военного обучения трудящихся. Для этого у нас существовал специальный отдел, возглавляемый тов. М. Собецим. Мы мыслили себе всеобщее военное обучение не только как подсобную работу, облегчающую подготовку бойцов для Красной армии, но и как первую ступень по пути перехода всего нашего военного строительства на милиционную основу. Опираясь на кадры инструкторов, мы проводили обучение военному делу на фабриках и заводах в свободное от занятий время, а также вели большую агитационную работу, объясняющую значение всеобщего военного обучения и милиционной системы комплектования войск.

Большим энтузиастом своего дела являлся сам заведующий отделом всеобщего военного обучения, тов. М. Собец-

кий. Он называл себя анархистом, являлся большим поклонником учения индийских йогов, но ни к какой политической организации, насколько я знаю, не принадлежал. Я иначе не представляю его себе, как вечно спешащего куда-нибудь по делу или с жаром доказывающего Позерну необходимость того или иного мероприятия. Никогда он не был спокоен. Даже самые простые вещи он излагал с таким волнением, что можно было опасаться за состояние его здоровья.

Время от времени он устраивал «грандиозные митинги» по вопросам всеобщего военного обучения. Огромные афиши расклеивались по всему городу. В афишах так прямо и говорилось — грандиозный митинг. Однако Позерн, выступавший на некоторых из таких митингов, со смехом потом рассказывал о них: «Ничего себе «грандиозный» митинг! Пара-другая сонных мух и никого более. Великое удовольствие выступать перед пустым залом».

Горячность и суетливость т. Собецкого заставляла нас зачастую добродушно подтрунивать над ним, однако, нужно сказать, что работник он был хороший, и последующее обследование комиссией Высшей военной инспекции подтвердило значительность проделанной им работы. В отчетном докладе комиссии Высшей военной инспекции¹ так прямо и сказано: «Нельзя не отметить напряженную и, главное, творческую работу ответственных сотрудников окружного отдела Всеобуча».

---

¹ «Состояние Петроградского военного округа к 15 декабря 1918 г. Петроград» (Доклад Совету рабочей и крестьянской обороны и Революционному военному совету республики), Москва, январь 1919 г. (Секретно).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Привлечение военных специалистов. — Дискуссия вокруг этого вопроса. — Болезни наших красноармейских частей. — «Начальников быть не должно!» — Московско-заставский район — гнездо анархистов. — I конференция красноармейцев. — Попытка самочинного открытия конференции. — Блейхман. — Конференция объявила себя законодательной. — «300 рублей на всем готовом!» — Коммунисты против советской власти. — Наказ конференции. — Исполнительное бюро конференции. — Бюро «контролирует» нашу деятельность. — Разгром анархистов. — Ликвидация бюро.

Вскоре наше внимание занял очень важный и больной в то время вопрос — вопрос о привлечении военных специалистов. До сих пор во главе военных учреждений, а тем более частей, стояли коммунисты. Военные специалисты, т. е. бывшие офицеры и генералы старой армии, если и привлекались к работе, то лишь в качестве помощников и советчиков того или другого руководящего коммуниста. Теперь на очередь встал вопрос о возложении на военных специалистов не только обязанностей, но и прав, конечно, под неослабным коммунистическим контролем. Вопрос об этом возник в Москве, в Наркомвоене, и для проведения его в Петрограде был специально командирован ряд ответственных товарищей, в том числе член Центрального комитета нашей партии И. Т. Смилга.¹ Приезд этих товарищей был

---

¹ Вскоре Смилга, как я уже писал, был назначен одним из комиссаров штаба северного фронта и карельского участка.

весьма целесообразен, так как новая постановка вопроса о привлечении специалистов встретила в Петрограде некоторое сопротивление. Помню, когда этот вопрос встал на коллегии нашего комиссариата, на которой присутствовал товарищ Смилга, то за московскую постановку вопроса высказался только один Позерн, все же остальные члены коллегии, так же как и я, были решительно против нее. Предоставлять военным специалистам командные должности казалось нам весьма рискованным шагом. Случай с Миллером еще очень ярко стоял в нашей памяти. Конечно, от возможной измены до некоторой степени предохранял институт военных комиссаров, которые должны были состоять при каждом начальнике — военном специалисте, но и тут было одно большое «но». Комиссар, по новому положению, не имел права приостановить распоряжение начальника, даже если он считал его неправильным, а должен был лишь апеллировать в выше стоящую инстанцию. Этот пункт особенно вызывал наши нападки. «А как же, если начальник даст распоряжение своей части свергнуть советскую власть, комиссар и это распоряжение не имеет права отменить?» — с возбуждением спрашивали мы. Смилга загадочно усмехнулся. «Кроме писанного закона, есть закон неписанный», сказал он, ударяя себя по револьверу.

* * *

Если вопрос о военных специалистах встретил такое отношение в нашей военной верхушке, то весьма легко себе представить, какое отношение он должен был встретить во всей нашей красноармейской массе. Я уже писал в своем месте, что отряды, формируемые нашим Военным комиссариатом, носили партизанский характер. Но партизанскими они были не только по своей структуре, но и по настроению. Болезни старой армии в некоторой своей части невольно перенеслись и в наш еще неокрепший красармейский организм, и нужно

было приложить много усилий, чтобы изжить расхлябанность, анархизм и ввести в частях основы элементарной дисциплины. В некоторых частях, вопреки инструкциям

Член военного совета штаба северного фронта и карельского участка И. Т. Смилга.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

нашего комиссариата и прямым директивам Народного комиссариата по военным делам, существовали не только комитеты частей, но и выборность командного состава. Борьба с этим было чрезвычайно трудно, так как во всяком

нажмем со стороны Военного комиссариата и командного состава рядовые красноармейцы усматривали отрывку старого режима. Помню один характерный случай. Ко мне на прием пришел по какому-то делу один красноармеец. Я наложил соответствующую резолюцию на его бумагах и сказал ему: «Теперь пройдите к начальнику канцелярии, и он вам заготовит отношение». — «Как? как?» — переспросил он. — «Пройдите к начальнику канцелярии . . .» — «Начальнику? Это еще что за начальники такие завелись? Опять старый режим? Председатель — это я еще понимаю, а начальников никаких теперь быть не должно». И с большим возмущением он покинул мой кабинет.

Такое настроение очень сильно захватывало красноармейскую массу.

* * *

Был у нас даже целый район — Московско-заставский, находившийся под сильным влиянием анархистов. Здесь анархисты свили свое главное гнездо. Не только районный совет, но даже и военный штаб состоял в значительной своей части из явных и тайных анархистов. Это проявлялось прежде всего в том, что наши распоряжения и приказы было труднее всего проводить в Московско-заставском районе. Здесь они натывались на какую-то глухую, почти непреодолимую стену. Повидимому, московско-заставские военные работники чувствовали себя автономной единицей и хотели заводить у себя совершенно особые порядки. В средствах же они, как истые анархисты, не стеснялись.

Помню, например, ко мне поступила жалоба от Наркомпочтеля, что московско-заставский военный штаб захватил несколько автомобилей, принадлежащих почтово-телеграфному ведомству. Это был возмутительный факт. Почта наша и без того работала с перебоем, вследствие отсутствия надлежащего количества перевозочных средств,

а тут московско-заставский штаб своими действиями окончательно вырывал у нее почву из-под ног. Мы немедленно же от имени всей коллегии комиссариата послали распоряжение вернуть автомобили, но штаб отнюдь не был склонен торопиться с исполнением этого приказа. Цепляясь за всякого рода отговорки, он стремился оттянуть время, чтобы попытаться удержать автомобили в своем распоряжении.

У меня до сих пор хранится одно из характерных отношений нашего Военного комиссариата, написанное по этому поводу. Приведу его целиком:

«В московско-заставский районный штаб. Председателю¹ штаба.

Немедленно предлагаю вам ответить телеграммой, будет ли исполнено приказание Военного комиссариата Петроградской трудовой коммуны, посланное почто-телеграммой от 28 мая 1918 г. за № 4678 о возвращении забранных у почтового ведомства автомобилей.

Управляющий делами Комиссариата по военным делам

А. Ильин-Женевский».

В конце концов, после длительного напора с нашей стороны, автомобили были возвращены почтово-телеграфному ведомству, но московско-заставский штаб не прекратил этим свои «художества».

Впоследствии, при общем разгроме петроградских анархистов, мы обратили надлежащее внимание и на Московско-заставский район.

* * *

Особенно ярко анархистские настроения красноармейцев выявились на первой красноармейской конференции, которую мы созвали в последних числах марта. На этой

---

¹ Слово «председатель» тоже весьма характерно. Не начальник штаба, а председатель штаба. Не чувствуется ли здесь нечто родственное мыслям того красноармейца, свой разговор с которым я только что приводил?

конференции были представлены самые широкие массы красноармейцев, так как от каждых ста человек красноармейцев избирался один делегат.

Уже само открытие конференции было в достаточной степени симптоматичным.

Так как мне была поручена организационная сторона проведения конференции, то я в назначенный день довольно рано явился в Дом Красной армии и флота, где должна была происходить конференция, и наладил прием делегатов и проверку их мандатов. Огромный митинговый зал Дома Красной армии и флота стал быстро заполняться делегатами. Скоро уже все места для делегатов были заполнены, и публика стала явно выражать свое нетерпение, что собрание так долго не открывается. По времени уже действительно пора было открыть собрание, но никого из членов коллегии нашего комиссариата не было еще налицо. Не было и докладчика по первому вопросу «Текущий момент», Г. Е. Зиновьева. Я с беспокойством поглядывал на входные двери, ежеминутно ожидая их прибытия.

Вдруг совершенно неожиданно для меня один из делегатов поднялся на трибуну и, взяв председательский колокольчик, зазвонил. Когда все стихло, он заявил: «Товарищи! Так как никого из Военного комиссариата здесь нет, они, повидимому, мало интересуются нашей конференцией, то давайте откроем ее сами». Эта речь так возмутила меня, что я немедленно вскочил на трибуну и вырвал у него из рук колокольчик. «Товарищи — заявил я: — меня в глубокой степени удивляет эта попытка самочинно открыть конференцию. Конференцию созвал Петроградский военный комиссариат, и, следовательно, его представители и должны открыть конференцию. Они немного запоздали, но должны сейчас сюда явиться». На мое счастье, едва я произнес эти слова, в дверях показались К. С. Еремеев, Г. Е. Зиновьев и целый ряд наших товарищей. Само-

званный председатель немедленно стушевался. Публика стихла, и конференция законным образом открылась. Начались выборы президиума. Из видных военных работников в президиум оказался избранным, если не ошибаюсь, один К. С. Еремеев, остальные места заняли какие-то новые, мало или совсем незнакомые нам лица. Только одного члена президиума мы все хорошо знали. Это был Блейхман, вождь петроградских анархистов.

Помню его первое выступление по поводу выборов почетного президиума. Один из наших товарищей выступил и предложил, как это было у нас раньше намечено, избрать почетный президиум в составе В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и целого ряда других товарищей. Тотчас же выскочил Блейхман и заявил: «Я категорически возражаю против почетного президиума. Президиум — это те, которые руководят собранием. Мы их уже избрали. А это еще что такое за «почетный» президиум?! Это какие-то иконы, которые мы себе создаем! Одних богов свергли, другие появляются!»

Однако, несмотря на такое выступление Блейхмана, почетный президиум, правда, небольшим перевесом голосов, был все же избран.

«Какими правами будет пользоваться эта конференция, совещательными или законодательными?» — задал вопрос один из делегатов. Этот вопрос был поставлен на обсуждение, и вокруг него развернулись любопытные прения. Мы прочли делегатам конференции популярную лекцию о том, что в Москве существует Народный комиссариат по военным делам, уполномоченный высшей в Республике властью — Всероссийским съездом советов. Этот комиссариат руководит военной работой на всей территории РСФСР, а следовательно, и в Петрограде. Ближайшим проводником его циркуляров и распоряжений в Петрограде является Комиссариат по военным делам Петроградской трудо-

вой коммуны. Конференция созвана для того, чтобы красноармейцы могли обсудить свои нужды и переслать свои пожелания в Москву в Народный комиссариат по военным делам. Ни о каких законодательных правах, конечно, не может быть и речи. Принимая их на себя, конференция не только узурпирует права Петроградского военного комиссариата, но и встанет в прямое противоречие с Народным комиссариатом по военным делам. Однако анархисты неистовствовали и настаивали на своем. «Что, мы пришли сюда разговоры разговаривать, что ли? — кричали они. — «Мы пришли сюда дело делать!». И в результате конференция большинством голосов признала себя законодательной. Анархисты торжествовали, мы тоже не плакали. Пусть себя постановляют, думали мы, все равно это нелепое решение останется висющим в воздухе.

Одним из самых боевых вопросов на этой конференции был вопрос о красноармейском жалованьи. Как я уже писал в своем месте, холостые красноармейцы получали 50 рублей в месяц, семейные — 150 рублей. Это, конечно, было огромным шагом вперед по сравнению с дореволюционным временем, когда солдаты получали всего лишь 75 копеек в месяц. Но если принять во внимание рост дороговизны и повышение потребностей красноармейцев, то эта сумма оказывалась весьма незначительной. Мы сами в нашем Военном комиссариате стояли за необходимость повышения красноармейского жалованья, но, с одной стороны, не имели права провести его в жизнь без соответствующего разрешения центральной власти, а с другой стороны, прекрасно понимали какие это создаст новые финансовые трудности для советского правительства.

Здесь же, на красноармейской конференции, постановка этого вопроса приняла явно неприличный характер. Выступающие ораторы совершенно не учитывали государственного характера этого вопроса и «крыли» совет-

скую власть, исходя из своих личных шкурных интересов.

Любопытно, что значительная часть коммунистов плелась на этой конференции в хвосте у анархистски настроенных элементов. Гражданин, который так нагло пытался открыть конференцию явочным порядком, при ближайшем обследовании оказался членом нашей партии. Огромное количество коммунистов голосовало за то, чтобы считать конференцию законодательной. Но где страсти окончательно распоясались, так это по вопросу о красноармейском жалованьи. Приблизительную картину этих выступлений дает следующий случай, бывший несколько позднее, о котором я немедленно же довел до сведения рабочих масс через посредство «Красной газеты». ¹

Как-то на одном из красноармейских собраний я слышал речь, в которой оратор жестоко громил советскую власть за отказ идти навстречу пожеланиям красноармейцев и призывал даже к борьбе за увеличение жалованья красноармейцев до 300 рублей.

Последние слова оратора были особенно характерны: «Или 300 рублей в месяц на всем готовом, — воскликнул он, потрясая увесистым кулаком, — или мы покажем Совету народных комиссаров, что мы умеем отстаивать свои интересы!»

Случайно я спросил говорившего, к какой партии он принадлежит, и получил резкий и безапелляционный ответ: «Большевик!»

«Как же вы можете, — удивился я, — так резко выступать против Совета народных комиссаров и даже угрожать ему оружием, когда в правительстве находятся наши лучшие партийные товарищи и большинство из них члены Центрального комитета, уполномоченные последним съездом нашей партии?»

¹ № 92, от 14 июня 1918 г., вечерний выпуск, стр. 2, — статья «Большевики в кавычках».

«Они продались буржуазии!» — был ответ.

Повидимому, мой собеседник не привык лазить за словом в карман.

Это переполнило чашу моего терпения. «Покажите ваш партийный билет!» — потребовал я.

Билет оказался в порядке. В июньской клеточке аккурратно синел билетик, свидетельствующий о своевременной уплате партийного взноса.

Такого же рода выступления имели место и на I красноармейской конференции.

Многим может показаться странным, каким образом партийные большевики могли так выступать. Дело в том, что в то время, а в особенности в 1917 г., вступить в партию было очень легко, и потому в ее ряды просочилось очень много чуждого нам элемента. Позднейшие жестокие исключения и чистки избавили нашу партию от этого балласта. С другой стороны, мы еще не научились вести систематическую внутрипартийную работу, и многие молодые члены партии имели еще очень слабое понятие о своих партийных правах и обязанностях. Поведение коммунистов на этой конференции заставило Петербургский комитет нашей партии вскоре же созвать специальную конференцию красноармейцев-коммунистов, на которой были проработаны директивы по поведению и работе коммунистов в красноармейских частях.

Однако вернемся к прерванному изложению. Как и следовало ожидать, резолюция о 300-рублевом жаловании была принята почти единогласно. Кроме того, конференцией был выработан целый наказ, представляющий собою любопытнейший документ того времени. Он был напечатан в газете «Рабочая и крестьянская Красная армия и флот» № 54 (99) от 5 апреля 1918 г. Я привожу его целиком, причем прошу обратить особое внимание на пункты 5, 6, 18, 19 и 26.

Н А К А З,

выработанный Петроградской общегородской конференцией представителей Красной армии на собрании 30 марта 1918 г.

Мы, представители Красной армии, собравшись на конференцию и заслушав доклад по вопросам организации снабжения и определения жалования товарищам красноармейцам и наказы с мест, признали, что в настоящее тяжелое время вопрос о создании прочной советской власти является насущнейшим вопросом существования Советской республики, и выработали общие положения службы в Красной армии:

1) В ряды Красной армии имеют право вступать граждане не моложе 18 лет, стоящие на платформе советской власти и представившие рекомендации от общественных, политических и военных организаций.

Примечание. При вступлении в ряды Красной армии вступающие подвергаются обязательному медицинскому осмотру.

2) Срок службы в рядах Красной армии определяется не менее шести месяцев.

3) По окончании обязательного срока службы в армии красноармеец имеет право на месячный отпуск с сохранением содержания, право это сохраняется за товарищами и в случае их добровольного оставления службы, но не ранее обязательного срока.

4) Вступающие в ряды Красной армии дают письменное обязательство (в день поступления на службу) не оставлять службы ранее установленного обязательного срока, стоять на страже завоеваний революции и прав и власти трудового народа.

5) Лица командного состава в Красной армии, от отделенного до батальонного командира включительно, должны быть выбранными самими красноармейцами, лица же высшего командного состава назначаются советской властью, а также по рекомендации известных организаций, но за красноармейцами данной части оставляется право мотивированного отвода этих лиц.

6) Работа лица командного состава проходит под самым строгим контролем выборных комитетов соответствующих частей, причем все распоряжения отдаются через эти комитеты.

7) Должны быть приложены все средства к тому, чтобы штабы были очищены от нежелательного элемента и не перегружались излишними чинами и должностями; все специальные должности должны быть замещены лицами по рекомендации советской власти. Работа штабов контролируется соответствующими выборными организациями

8) Для ведения отчетности и учета должны быть выработаны упрощенные способы отчетности и приложены все силы к сокращению нестроевых должностей, дабы излишней канцелярской волокитой не перегружать боевые единицы и не лишать их гибкости и подвижности.

9) Для поднятия культурного уровня товарищей красноармейцев при частях образуются культурно-просветительные комиссии, на обязанности которых лежит устройство курсов, лекций, библиотек и т. п. Культурно-просветительные комиссии снабжаются необходимой литературой и средствами за счет Республики.

10) Для разработки подробной инструкции и положения о Красной армии на основах, изложенных в сем наказе, создается коллегия при участии представителей от данной конференции, впредь до создания секции красноармейцев при Петроградском совете.

11) Все виды довольствия красноармейцы получают по нормам, выработанным штабом Красной армии, с увеличением хлебного пайка до $1\frac{1}{2}$ фун., в случае неполучения продуктов за какой-либо день, возмещается стоимость их по местным ценам.

12) Семьи красноармейцев получают продукты по интендантским ценам и по нормам вышеуказанным.

13) Для частей армии должны быть предоставлены сносные жилые помещения и созданы гигиенические условия жизни.

14) Все чины армии снабжаются постельными принадлежностями.

15) Семейства красноармейцев пользуются бесплатными квартирами со всеми удобствами.

16) Работа продовольственных организаций проходит под контролем соответствующего комитета, избираемого самими красноармейцами.

17) В частях Красной армии хозяйственное дело находится в ведении соответствующих комитетов, избранных самими красноармейцами.

18) Содержание красноармейцев определяется в 300 рублей в месяц, как холостым, так и семейным, на всем готовом.

19) Все члены Красной армии получают одинаковое вознаграждение, независимо от занимаемой должности. Инструктора и лица со специальными знаниями никакими преимуществами не пользуются.

20) Выдача жалованья производится два раза в месяц, каждое 1-го и 15-го числа, за две недели вперед.

21) Семьи увечных или убитых красноармейцев получают единовременное пособие в размере 300 рублей и пользуются ежемесячной пенсией от государства в размере месячного оклада, а также всеми правами, как и при жизни убитых или увечных красноармейцев.

22) Красноармейцы пользуются правом бесплатного проезда по железным дорогам, на трамваях и по водным путям.

24) Чины Красной армии в свободное от занятий и нарядов время имеют право проживать на частных квартирах.

25) Красной армии предоставляется представительство в Петроградском совете, взамен представителей от армии, уже демобилизованной.

26) В целях объединения Красной армии и для разработки законоположений во всероссийском масштабе, советскому правительству предлагается созвать Всероссийский съезд представителей Красной армии.

Для проведения этого наказа в жизнь конференция избрала специальное исполнительное бюро в составе нескольких коммунистов и анархистов, в том числе упомянутого выше И. Блейхмана, который занял в бюро почетную должность секретаря.¹

---

¹ Так как в последующем изложении я уже не буду касаться вопроса о повышении красноармейского жалованья, то приведу заключительную телеграмму тов. Троцкого, положившую конец всяким дальнейшим разговорам на эту тему. Вот дословный текст этой телеграммы:

«Вопрос о жалованьи красноармейцам решается не петроградскими красноармейцами, а Советом рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов всей России. Центральный исполнительный комитет, выражающий волю десятков миллионов рабочих и крестьян, установил жалованье в 150 рублей. Тех красноармейцев, которые в трудные для Республики дни занимают требованием повышения платы считаю плохими солдатами революции. 23 мая. Наркомвоен Троцкий».

Эта телеграмма была сразу же опубликована нами во всеобщее сведение.

В связи с этой телеграммой Петербургский комитет нашей партии вынес и опубликовал следующее характерное постановление:

«Каждый член партии, состоящий в рядах Красной армии, должен беспрекословно подчиниться декрету Военного комиссариата. Никакие уходы со службы без особого разрешения соответствующего районного комитета партии не допустимы. Члены партии, самовольно оставившие ряды Красной армии, подлежат исключению из партии.

24 мая 1918 г.».

(«Петроградская правда» № 107(333) от 26 (13) мая 1918 г.)

На другой день это бюро в полном своем составе явилось к нам в комиссариат и здесь гордо заявило, что впредь оно будет контролировать нашу деятельность. Вопрос о контроле мы дипломатично обошли молчанием, а для работы этого бюро предоставили одну из задних комнат нашего комиссариата. Конечно, никакого контроля этого бюро над нами в дальнейшем так и не состоялось.

Иногда Блейхман заходил ко мне и спрашивал: «Ну, как вы работаете, цари новоявленные», на что я неизменно отвечал ему: «Да ничего, так себе, потихонечку». — «Погодите, мы еще с вами поговорим», угрожающе ворчал он и скрывался за дверями моей комнаты. Это была единственная форма контроля, которую бюро удалось наладить. «Поговорить» с нами Блейхману так и не удалось. Раньше мы «поговорили» с ним. В одну прекрасную ночь Блейхман и целый ряд его товарищей анархистов, сгруппировавшихся в Московско-заставском районе и оттуда терроризовавших всю округу, были окружены нашими частями и после короткого сопротивления принуждены были сдаться. Запасы оружия, которые у них имелись, были нами конфискованы. Наиболее отъявленные головорезы сели в тюрьму. Блейхман же после короткого ареста был освобожден. С этого момента он стал вести себя несколько потише.

Бюро также нам удалось в ближайшем времени законно ликвидировать. Дело в том, что до сих пор в Петроградском совете не было еще представительства красноармейских частей. Совет носил прежнее наименование: «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов». Между тем, все части старой армии были расформированы, и никаких «солдатских» депутатов в Совете не было. На смену им в середине апреля были произведены выборы от всех красноармейских частей, и Совет получил название Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. После этого представителем красноармейцев Петроградского гар-

низона, естественно, сделалась красноармейская секция Совета, и существование бюро стало анахронизмом.

Однако, оно еще некоторое время пыталось продолжать свое существование и даже приступило к изданию своего журнала под названием «Вестник красноармейца». На издание журнала я откликнулся в «Красной газете»¹ небольшой заметкой, в которой прямо указал, что бюро должно передать свои функции красноармейской секции Совета. Вот что я писал в этой заметке:

«ВЕСТНИК КРАСНОАРМЕЙЦА».

Вышел первый номер журнала «Вестник красноармейца», издание исполнительного бюро второй конференции красноармейцев.²

Издатель журнала — исполнительное бюро, избранное II конференцией красноармейцев, ныне, с образованием красноармейской секции, потеряло смысл своего существования и должно бы быть распущено, но оно, приступая к изданию своего органа, повидимому, думает продолжать существование.

Первый номер не дает почти никакого материала для разбора, ибо в нем помещены всего две статейки и два рассказика, но все-таки некоторое заключение о журнале сделать можно.

Судя по передовой статье, журнал ставит себе хорошие цели, призывая красноармейцев к организации и самостоятельности и приглашая их к широкому сотрудничеству в журнале, но персональный состав редакции не дает никаких оснований для радужных заключений.

Здесь, как и в составе бюро, красуется фамилия «знаменитого» Блейхмана, этого выкидыша революции, демагога первойей марки.

Правда, имя его скромно стоит на втором месте, но несомненно, что и здесь, как и в бюро, он будет играть первую скрипку, выполняя все ту же знакомую нам, печальную и жалкую роль.

Фамилии сотоварищей Блейхмана по журналу в смысле литературном решительно ничего нам не говорят, но зато говорит внешний

---

¹ «Красная газета», № 101 от 26 июня 1918 г., вечерний выпуск, стр. 4.

² Вторая конференция красноармейцев состоялась вскоре после первой, и бюро, избранное ею, мало чем отличалось от первого. Я ничего не пишу о ней, так как не помню, где и как она происходила.

облик журнала, который на каждом шагу показывает неумение редакции взяться за дело.

Заглавия набраны так, что не разберешь, где начало заметки, где ее продолжение; концовки, где они нужны, пропущены; приказы и приказания комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны, опубликованные в конце, значатся частью за подписями, частью нет, и, наконец, в номере совершенно отсутствует указание на число и месяц его выхода.

Потребность в таком красноармейском органе, органе низов, на который претендует журнал, несомненно есть, но издание его должна была бы взять на себя более авторитетная организация, хотя бы, например, красноармейская секция Петроградского совета, а не исполнительное бюро, совершенно не подходящее для этой цели.

А. Ж.»

Этот номер «Вестника красноармейца» был первым и последним. Вскоре бюро конференции, как мы и добивались, передало свои функции красноармейской секции Петроградского совета и прекратило свое существование. Блейхман и прочие анархисты оказались не у дел. Мы несказанно были этому рады.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Как поднять дисциплину в армии? — Проект т. Куделько. — Статья т. Гусева. — Наш взгляд на этот вопрос

Факты, о которых я только что говорил, показывали весьма слабую дисциплинированность наших красноармейцев. Отсутствие дисциплины являлось большим местом молодых красноармейских частей. Естественно, что вопрос о том, как поднять дисциплину в армии, сильно волновал всех сознательных работников военного строительства. Некоторые в поисках радикальных средств приходили к самым крайним заключениям и выводам.

Был у нас, например, военным комиссаром Петроградского стороны некто Иван Васильевич Куделько, бывший прапорщик. Он был старый член партии и один из активных участников революции 1917 года. Я хорошо знал его, так как мы вместе работали в военной организации 1917 года. Это был удивительно мягкий и добрый по натуре человек. И вот однажды он подал нам в Военный комиссариат записку, в которой предлагал не более не менее, как ввести в Красной армии смертную казнь.¹ Любопытно, как он мотивировал свое предложение:

«Армия, — писал он, — это такая организация, которая при помощи оружия защищает государственный строй, охраняет отечество. И так как к помощи вооруженной силы приходится прибегать в случаях

---

¹ Подлинник этой записки хранится у меня в моем личном архиве.

исключительных, в случаях, где вопрос идет о жизни и смерти, в силу этого и дисциплина в армии должна быть исключительная, я бы сказал — просто суровая, поскольку вопрос о жизни и смерти является суровым и резким.

Без суровой, жестокой дисциплины армия представляет из себя банду ничтожных шкурников, которые каждую минуту очень сильно озабочены своей личностью и дорожат своей жалкой жизнью.

Да, это так. Теперь посмотрим, какие условия наиболее благоприятны для установления такой дисциплины в армии.

Первое условие — это свободное признание воинами необходимости дисциплины. В этом отношении принцип добровольческой армии имеет в виду именно добровольное, свободное признание всех факторов воинской обстановки. Воин, идущий в армию добровольно, тем самым отдает себя в полное распоряжение той жестокой, суровой системе, которая обращает его (для успешности дела и по неизбежной необходимости) в кровавое орудие, лишает его многих гражданских свобод, вырывает из жизни. Таким образом, Красная армия, армия добровольческая, дает возможность располагать этим важным условием — водворения строгой жестокой военной дисциплины — это добровольное вступление в ряды Красной армии, а, стало быть, и добровольное признание необходимости дисциплины.

Второе условие этого признания — это преданность государственному строю — желание отдать ему возможно больше своего жизненного напряжения. Красная армия создается как защитница социалистического отечества, как защитница социалистического рабочего и крестьянского правительства. Социалистическое отечество и социалистическая советская власть созданы могучим Октябрьским народным переворотом. Трудовой народ создал свое отечество, свою власть, трудовой народ даст в Красную армию преданных социалистическому отечеству и его власти сынов. Трудовой народ и его власть поставят такие препятствия, через которые в Красную армию не проникнет провокационная шваль, не проникнет анархистствующее хулиганье.¹

Опять-таки добровольческий принцип дает здесь множество благоприятностей для гарантии второго условия водворения дисциплины в Красной армии.

Третье условие установления, благодаря признанию, необходи-

---

¹ Я вполне понимаю горячность товарища Куделько. Очевидно, ему, так же как и всем нам, в достаточной степени досадили анархисты, разлагавшие своей работой наши красноармейские ряды.

А. И.-Ж.

мости дисциплины — это волевое проявление тех требований, которые имеют в виду поддержание строжайшего порядка и выполнение всех обязанностей воина. Это условие — одно из наиболее важных, это условие имеет в виду человека с сильной волей, человека сухого и решительного, человека безупречного в своем поведении, человека столь же требовательного к другим, сколько и к себе; вместе с тем, человек такой должен быть умелым психологом, он должен уметь, где нужно, двумя-тремя словами поднять настроение, повысить чувство долга, где нужно отметить тот или иной подвиг или проступок, где нужно подействовать словом или выражением лица.

В армии, как нигде, влияние сильной личности способствует укреплению дисциплины. Вот почему крайне необходимо вручать военную власть с большой разборчивостью, дабы эта власть не попала в руки телячьих душ, в руки профанов и простофиль, которые не дадут армии здоровой героической дисциплины. С другой стороны, это обстоятельство налагает на каждого революционера обязанность, если ему придется занять военный пост, выработать как можно скорее в себе все необходимые качества человека, учитывающего всю важность указанных выше качеств военачальника.

Надо быть откровенным и сказать, что это условие проведения дисциплины в нашей Красной армии сильно страдает, вместе с тем, пишущий эти строки лично убедился, что понимание важности этого условия все более и более крепнет в широких революционных кругах и в рядах работающих в Красной армии товарищей, и постепенно начинают выдвигаться личности, берущие твердый курс в этом направлении.

Четвертое установление дисциплины — это гарантирование армии от проникновения в ее среду преступного элемента, элемента провокационного, гарантирование армии в том отношении, что всякое преступление, всякая провокация в ее среде будет караться немедленно и самым беспощадным и крайним образом. Такой гарантией является точный устав воинской службы во всех ее видах и организация военных судов, начиная с дисциплинарных (в частях) и выше — до окружных военных судов и т. п., причем степень наказаний в моральном и физическом отношении должна доходить до высшего ее состояния, т. е. до моральной и физической смертной казни, при этом, конечно, высшая мера наказания должна присуждаться и высшей формой суда.

Что смертная казнь необходима в армии, это едва ли требует серьезного доказательства — это очевидно само собой. Армия есть орудие чести государства. Красная армия — орудие чести социалистического отечества; если в нее проникнут элементы, обесчещиваю-

щие армию, а, стало быть, и содержание государства, то они должны быть уничтожены; мы ведь с легкостью уничтожаем провокаторов, мародеров, спекулянтов, налетчиков, хулиганов, почему же не уничтожать таких господ на основании закона и в армии, ведь смертная казнь в армии по существу будет только для них.

И, наконец, самый факт существования в армии смертной казни оградит ее от проникновения преступного и провокационного элемента, сразу сократит преступность в армии и поднимет ее во всех отношениях».

В этом же докладе тов. Куделько предлагал еще одну любопытную реформу организации нашей Красной армии. В целях усиления боеспособности армии он предполагал зачислять в ее ряды только лицо... холостых. Он писал:

«Есть еще одно довольно важное условие установления дисциплины в армии, поскольку дисциплина требует безупречного выполнения взятого на себя воином обязательства, — это наличие минимальных связанных таким пережитком буржуазно-капиталистического общества, каковым является семья. Холостые, несемейные молодые люди безусловно будут более самопожертвованны и будут более терпеливо переносить материальные и другие экономические лишения, чем обремененные всякими ребятишками и женами отцы.

При добровольческой армии, каковой является Красная армия, можно вербовать исключительно н е с е м е й н ы х, холостых людей — тогда армия будет гораздо дисциплинированнее, выносливее и экономичнее».

Вот до каких вещей договаривались иногда старые партийные товарищи в поисках выхода из того тяжелого положения, в котором находилась наша нарождающаяся Красная армия. Товарищу Куделько наша армия представлялась в виде какого-то ордена рыцарей святого Грааля. Конечно, это было совершенно нежизненно, и его докладная записка никакого успеха у нас не имела. Позерн наложил на ней следующую резолюцию: «*Богатину на сон грядущий. Б. П.*». Богатин прочел ее и написал просто: «К делу. С. Б.»

Такова печальная судьба этого любопытного документа.

* * *

Наряду с выступлениями таких сторонников введения суровой дисциплины в армии, продолжало оставаться сильным и противоположное, одинаково ошибочное течение, настаивавшее на необходимости сохранения выборности командного состава и замены дисциплины, основанной на принуждении, новой добровольной «товарищеской» дисциплиной.

В ряде номеров «Петроградской правды» была, например, помещена огромная статья управляющего делами Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны, Сергея Ивановича Гусева, под заглавием «Как строить советскую армию».¹ Автор этой статьи целиком высказывается за то фактическое безначалие, которое существовало тогда во вновь формирующихся частях нашей молодой Красной армии.

«В буржуазном строе, — пишет тов. Гусев, — военная служба отделена и противопоставлена труду и общественно-политической деятельности, замкнута в тесной и душной казарме, отрезана от народа стеной железной дисциплины. В советском строе военная служба протекает в свободных условиях общественной самодеятельности, сливается и переплетается в неразрывное целое с производительным трудом и всей общественной и политической работой пролетариата и крестьянской бедноты и строится на началах добровольной, товарищеской дисциплины».

«Свободная, добровольная, товарищеская дисциплина, — пишет дальше тов. Гусев, — делает ненужной излишней, «строгие» приказы против «ослушников». (Кавычки не мои, а тов. Гусева. А. И.-Ж.) Всякий «ослушник», если бы таковой и нашелся, встретит суровое осуждение со стороны своих же товарищей».

Сколько оптимизма в этих словах! Оптимизма, за который жизнь так жестоко била нас на каждом шагу. Тов. Гусеву, человеку, стоявшему сравнительно далеко от военной работы, конечно, это было не видно.

---

¹ «Петроградская правда» №№ 75, 82 и 84 от 16 (3), 24 (11) и 26 (13) апреля 1918 г.

В дальнейшем тов. Гусев высказывается за еще большее расширение свободы и «самодеятельности» красноармейцев, ставя их на положение «полу-офицеров»:

Управляющий делами Петроградской трудовой коммуны
С. И. Гусев.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

«Деление на корпуса, дивизии, полки, батальоны и роты, — пишет он дальше, — в общем и целом сохраняется. Но уже из самого способа формирования советской армии снизу, на основе добровольной дисциплины и выборного начала, из отрядов, связанных крепчайшим цементом товарищеской внутренней спайки и состоящих из

квалифицированных солдат полу-офицеров, с неизбежностью вытекает, что советские роты, батальоны, полки будут отличаться от тех же войсковых делений буржуазных армий в одном исключительно важном, решающем пункте. Это несравненно большая самостоятельность тактических единиц, предоставление им широкой инициативы в выполнении оперативного плана» . . .

« . . . Руководящая инициатива офицера теряет свое решающее значение в отряде квалифицированных солдат, где каждый отдельный боец способен разобраться в боевой обстановке и тут же на месте боя, под пулями, создать, в зависимости от изменившейся боевой обстановки, новый тактический план для проведения общеперативного задания».

«Какая гибкость, — восклицает тов. Гусев, — какая подвижность, какая изобретательность по сравнению с застывшими в исполнении «приказа», неподвижными, тупыми отрядами буржуазной армии. Здесь — свободное творчество на поле брани в широких пределах оперативной задачи, там — мертвечина» . . . и т. д.

«Свободное творчество на поле брани» — это замечательно хорошо сказано! Увы! Сколько тяжелых поражений пришлось нам испытать впоследствии от этого самого «свободного творчества». Суровые уроки гражданской войны скоро научили нас, как, действительно, нужно строить советскую армию. Тов. Гусеву, впоследствии одному из крупнейших организаторов победы на фронте гражданской войны, теперь, вероятно, самому смешно читать свои первоначальные рассуждения на военные темы. Тогда же с такими взглядами нам приходилось очень считаться и с большим трудом преодолевать их в процессе своей работы.

* * *

По вопросу о комитетах я тогда же написал в «Красной газете»¹ довольно пространную статью, в которой попытался ответить на вопрос, почему наше отношение к комитетам, бывшее когда-то положительным, теперь так резко переменялось.

---

¹ «Красная газета» № 99 от 22 июня 1918 г., стр. 4.

Позволю себе привести ее целиком:

«О КОМИТЕТАХ.

После Февральской революции, когда армия только-только начала пробуждаться от многовекового сна, нами, большевиками, был выдвинут один лозунг, который весьма живо был принят солдатскими массами и скоро получил почти всеобщее признание и одобрение.

Право распоряжаться вооруженными силами, — говорили мы тогда, — должно быть вырвано из рук черносотенного офицерства и всецело передано в руки выборных солдатских организаций, полковых и ротных комитетов.

Вся власть этим комитетам, — говорили мы, ясно сознавая, что только таким путем мы можем вырвать армию, эту силу народную, из лап контр-революционной гидры.

Для нас было совершенно ясно, что, передавая власть комитетам, мы в значительной степени обессиливаем армию, ибо боевая единица никоим образом не может управляться коллегиально, но это был единственный из положений выход. И выход не в том только смысле, что при передаче власти комитетам мы устраняли с дороги контр-революционное офицерство, но и в смысле придания ей хоть какой-нибудь боеспособности.

При том недоверии к командному составу, которое существовало тогда, армия уже не представляла собой реальной силы, и только передача власти комитетам хоть сколько-нибудь делала ее обороноспособной.

Получалось следующее:

Мера, которая в обычное время должна была бы быть признана определенно негодной, благодаря особым обстоятельствам времени являлась единственно спасающей.

Но вот после бурного революционного периода наступило некоторое затишье, и все недостатки коллегиального управления выявились особенно ярко.

Главным недостатком коллегиального управления армией является отсутствие ответственных лиц и чрезвычайная во всем медлительность.

Надо предпринять что-нибудь экстренное, а тут вместо дела — обсуждения. Хорошо еще, если в комитете деловые люди, но таких мало, в большинстве случаев начинается длительная толчея в ступе. Часа полтора проспорили, глядишь, ан уж и поздно, пропустили время, ничего не вышло.

И так очень часто,

Или в случае какого-либо безобразия никогда не сыскать виновных лиц. Иван кивает на Петра, Петр на Ивана. Беда была еще в том, что при разложении армии, которое тогда существовало, в комитеты оказывались избираемы далеко не лучшие люди. Даже наоборот, лучшие люди всегда почти оставались неизбранными. Да оно и понятно: лучшие люди сознавали, что без порядка армия существовать не может, лучшие люди добивались сокращения отпусков, лучшие люди настаивали на необходимости обучения военному делу. Между тем, солдаты, утомленные и развращенные трехлетней бойней, тянулись домой и выбирали в комитеты наиболее податливых, наиболее бескостных лиц, которые и сами ничего не делали и другим позволяли ничего не делать. Управляемая такими комитетами армия постепенно разбредалась. Солдаты массами дезертировали или торговали кто чем вздумает, лишь изредка, словно в гости, навещаясь в казармы. А вслед за этим начались и новые безобразия, дележи экономических денег, оружия, обмундирования, продуктов и т. п. Если комитет пытался препятствовать дележу, его немедленно переизбирали и выбирали новый комитет, сплошь грабительский.

При таких печальных обстоятельствах кончала свою жизнь старая армия.

Новая армия родилась и выросла на совершенно новых основаниях. В ее ряды записывали только по партийным или советским рекомендациям. Но от старой армии она все же унаследовала некоторые отрицательные стороны, при которых крупнейшей является присутствие в некоторых частях полновластных комитетов.

Комитеты могут быть в высшей степени полезным учреждением, если они занимаются исключительно хозяйственно-экономической деятельностью, но они могут явиться положительным бичом части, если возьмут на себя административные или оперативные функции.

В особенности ярко это скажется в походе или в боевой обстановке. Армия сильна только тогда, когда в ней проведен принцип строгой ответственности и когда отдающий приказание уверен в его быстром и точном выполнении. Между тем, существование полновластных комитетов совершенно уничтожает эти два необходимые условия, как я писал уже выше.

Кроме того, существование комитетов, как контрольных органов, также сейчас не диктуется совершенно никакой необходимостью. В Красную армию принимают с большим разбором и только по партийным или советским рекомендациям, так что особые контрольные органы только мешают правильной работе и создают путаницу во взаимоотношениях. Многовластие всегда и всюду было синонимом

безвластия. Безвластие же в армии может быть на руку только врагам советского правительства. Этого мы должны больше всего бояться.

Александр Женеvский».

Много лет прошло с тех пор. И вместе с годами канули в вечность и комитеты в частях, и выборность командного состава¹ и ослабленная, добровольная дисциплина.

Новая победоносная Красная армия, выкованная в жестоком огне гражданской войны, давно уже отказалась от этих разлагающих «демократических» пережитков.

---

¹ Выборность командного состава была окончательно отменена декретом ВЦИКа от 22 апреля 1918 г., т. е. в то самое время, когда в «Петроградской правде» печаталась статья тов. С. И. Гусева.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Реконструкция нашего комиссариата. — Первый военный руководитель В. М. Гиттис. — Противники и «друзья» военных специалистов. — Отказ генерала Новицкого работать в Красной армии. — Академия наук интересуется евреями, работающими в нашем комиссариате. — Мечты об уютных казармах. — Поиски мебели для комиссариата. — Распределение вещей из особняка Набокова. — Клинов. — Заброшенный бриллиант. — Мебель из Главного военного судного управления. — Конфликт с общегородской больничной кассой. — Военная сила решает вопрос. — Гнались за мебелью, потеряли помещение. — Гуцик

В связи с привлечением к работе военных специалистов и самая головка нашего комиссариата должна была переконструироваться. Вместо пятичленной коллегии, как это было у нас до сих пор, по новому положению намечалась коллегия из трех, в составе двух военных комиссаров и одного военного руководителя. Впрочем, главная ответственность возлагалась на одного из комиссаров, так называемого первого комиссара, второй же комиссар, так же как и военный руководитель, являлся не более как его помощником.¹

На пост первого комиссара Народный комиссариат по военным делам сразу же назначил тов. Б. П. Позерна. Это было вполне естественно, так как Позерн, единственный

---

¹ Первый комиссар у нас назывался «военным комиссаром», второй — «комиссаром по военным делам».

среди нас, сразу же высказался за точку зрения Наркомвоена в вопросе о привлечении военных специалистов.

Военный комиссар Петроградской трудовой коммуны
Б. П. Позерн.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

Вторым комиссаром было назначено новое лицо — уже упоминавшийся мною Сергей Иванович Гусев.

Несколько сложнее стал вопрос о том, кого привлечь в состав нашей коллегии в качестве военного руководителя. Наркомвоен выдвинул на этот пост бывшего генерала Пар-

ского, который незадолго перед тем заменил профессора А. В. Шварца в штабе северного фронта и карельского участка. Мы, однако, не хотели вводить в коллегия человека мало нам известного. К военным специалистам мы относились с вполне естественным недоверием. Ведь все-таки военному руководителю была предоставлена довольно значительная власть, и на эту должность нужно было наметить вполне испытанного и проверенного на работе человека. В качестве такового мы выдвинули кандидатуру бывш. полковника Владимира Михайловича Гиттиса, заведывавшего у нас оперативным отделом. Тов. Гиттис уже довольно долгое время работал у нас и привлек к себе всеобщую симпатию и уважение. Это был чрезвычайно скромный и трудолюбивый человек, в то же время прекрасно знающий свое дело. Мы не чувствовали в нем «полковника», а своего товарища, друга и единомышленника. До поздней ночи просиживал он обыкновенно в комиссариате, совершенно не считаясь, в противность другим военным специалистам, с количеством своих рабочих часов.

По нашему настойчивому требованию Гиттис и был утвержден Наркомвоенном в качестве военного руководителя нашего комиссариата. Впоследствии тов. Гиттис вполне оправдал наше к себе доверие. Во время гражданской войны он по-очереди последовательно командовал почти всеми фронтами, и его умелое руководство постоянно приносило победу советскому оружию.

Итак, коллегия Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны окончательно утвердилась в следующем составе: Б. П. Позерн (военный комиссар), С. И. Гусев (комиссар по военным делам) и В. М. Гиттис (военный руководитель). Я попрежнему был оставлен в должности управляющего делами комиссариата.

Таким образом, четыре члена коллегии: С. Р. Богатин, В. Н. Васильевский, К. С. Еремеев и А. М. Бодров должны

были покинуть наш комиссариат. Богатин принял скромную должность секретаря Петроградского окружного военно-санитарного управления, Васильевский сперва перешел на работу в Совет народного хозяйства, а потом сделался военным комиссаром Выборгского района, а Еремеев был назначен редактором газеты «Красная армия». Бодров вовсе покинул Петроград и уехал, кажется, в Москву.

Впрочем, С. И. Гусев недолго проработал в составе новой коллегии комиссариата. Он вскоре вернулся обратно к исполнению обязанностей управляющего делами Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны, и вместо него комиссаром по военным делам был назначен наш старый знакомый С. Р. Богатин.¹

По образцу нашего комиссариата были преобразованы и районные военные комиссариаты. Военные специалисты заняли видное положение в нашем строящемся военном организме.

Однако, нужно сказать, что прием к нам на службу военных специалистов мы производили очень осторожно и с большим разбором. Для того, чтобы лучше гарантировать себя от проникновения к нам в армию нежелательных элементов, мы завели следующий порядок. На всех бывших офицеров, желающих служить в рядах Красной армии, мы составляли списки и публиковали их в нашем официальном органе, газете «Северная коммуна». В течение десяти дней каждый гражданин РСФСР имел право обжаловать предполагаемое назначение того или иного бывшего офицера. Если в указанный срок никаких заявлений в наш комиссариат не поступало, то назначение данного офицера на предполагаемую должность состоялось.

* * *

---

¹ Между Гусевым и Богатиным обязанности комиссара по военным делам несколько дней выполнял К. С. Еремеев.

Первые шаги работы военных специалистов не обошлись, естественно, без некоторых трений. С одной стороны, про-

Военный руководитель Комиссариата по военным делам
Петроградской трудовой коммуны В. М. Гитис.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

тивники привлечения военных специалистов еще долго не могли успокоиться и пользовались всяким случаем, чтобы проявить свое отрицательное к ним отношение. С другой стороны, и сторонники военспецов аргументировали

иногда необходимость их привлечения такими доводами, что у бедных специалистов буквально глаза на лоб лезли.

Помню, например, тов. Володарский, выступая 18 апреля 1918 г. на петроградской общегородской конференции красноармейцев-большевиков заявил следующее:

«Мы не могли выдвинуть в три-четыре месяца из своей среды опытных стратегов, и нам приходится пользоваться услугами холопов (подчеркнуто мною. А. И.-Ж.) всякой власти».

Это заявление, напечатанное на следующий же день в «Петроградской правде» (№ 78), вызвало целую бурю негодования в рядах наших военных специалистов. Вступить на путь совместной работы с советской властью и получить название «холопов» — это, конечно, никому не могло понравиться.

В таком же духе выступил на той же конференции один из комиссаров штаба северного фронта и карельского участка тов. М. М. Лашевич. Между прочим он заявил:

«Если нам говорят, что мы увлекаемся генеральством, то я должен сказать и повторить, что мы желаем использовать только все хорошее, выжав это из этих генералов, а затем бросим их, как выжатый и ненужный больше лимон.¹ (Подчеркнуто мною. А. И.-Ж.)

Хорошенькая перспектива открывалась перед поступающими к нам на работу военными специалистами!

Этот «лимон», с которым так остроумно сравнивал военных специалистов тов. Лашевич, буквально встал у нас, военных работников-коммунистов, поперек горла. С какими глазами должны были мы после этого вести деловые разговоры с военными специалистами и требовать от них преданности и активности в работе. И сколько раз раздосадованный чем-нибудь военный специалист колот нам глаза этим лимоном, на положение которого поставил его т. Лашевич своими словами.

---

¹ Цитирую по «Петроградской правде» № 81 от 23 (10) апреля 1918 г.

«Что ж? Мы ведь только лимон! Выжмете вы из нас все, что вам нужно, да и выбросите. Чего ж вы от нас еще требуете?»

Такие разговоры приходилось слышать много раз.

Не отстал от названных выше товарищей и сам председатель Совета комиссаров Петроградской трудовой коммуны Г. Е. Зиновьев.

Выступая на той же конференции в защиту привлечения военных специалистов, тов. Зиновьев, между прочим, сказал:

«Мы прекрасно знаем, что члены командного состава, приглашенные нами, не настроены дружески и сочувственно, и было бы нелепо поэтому приглашать их на посты при внутренней войне,¹ но сейчас положение вещей таково, что наши интересы — уничтожение и отражение германцев — и интересы этих генералов-патриотов своего отечества совпадают, и мы смело можем воспользоваться их услугами, т. е. руководством нашей армии. И они, зная прекрасно нашу силу, идут к нам, поступая фактически к нам на роли наших *денщиков*». (Подчеркнуто мною. А. И.-Ж.)²

Эта последняя оценка роли военных специалистов, конечно, и фактически неправильна и по форме бестактна.

В Москве же в связи с этими выступлениями произошел весьма неприятный инцидент.

Когда т. Л. Д. Троцкий обратился к бывшему генералу В. Ф. Новицкому³ с предложением занять довольно высокий военный пост, последний отказался и опубликовал в печати ряд писем, в которых указал, что причиной этому

---

¹ Между прочим, это тоже неверно. Впоследствии и при внутренней, гражданской, войне мы прекрасно и с успехом использовали военных специалистов. А. И.-Ж.

² Цитирую по «Петроградской правде» № 80 от 21 (8) апреля 1918 г.

³ Тому самому, отрывки из статьи которого я приводил.

являются выступления ответственных петроградских коммунистов. Он писал, что он никогда сам не саботировал и никого к саботажу не призывал. Но он считает принципиально недопустимым, чтобы в то время, когда боевые офицеры привлекаются к созданию новой армии, делались официальные заявления руководителями Петроградской коммуны, в корне подрывающие авторитет и доверие к офицерам и генералам. Далее В. Ф. Новицкий указывал, что он всегда стоял на точке зрения необходимости совместной с советской властью работы ради общей пользы государства, но считал для себя психологически неприемлемым занять предложенный ему ответственный пост по воссозданию и руководству армией от тех лиц и учреждений, которые в данный, особенно важный момент, заранее опорочивают ту работу, к которой они призывают.¹

Конечно, В. Ф. Новицкий со своей точки зрения был совершенно логичен и прав. Только позднее, когда впечатление от этих выступлений несколько рассеялось, он согласился принять предложенное ему назначение.

За все такие опрометчиво сказанные слова расплачиваться приходилось нам — непосредственным работникам военного строительства.

Трудное тогда было для работы время!

* * *

С организацией нового комиссариата в моей памяти тесно связан следующий, до сих пор непонятный для меня случай.

Как-то ко мне на прием пришла мой старый друг юношеских лет, ныне известная поэтесса Мария Михайловна Шкапская. С М. М. Шкапской я работал в 1911-12 гг. в

---

¹ Цитирую по газете «Наш век» № 88 (112) от 3 мая (20 апреля) 1918 г., стр. 4.

подпольной межученической организации. Звали ее тогда «товарищ Маруся». В организации она играла довольно видную роль. По направлению она приближалась к социал-демократам. Сколько прокламаций напечатали мы с ней совместно у меня на квартире на маленьком самодельном гектографе! Эти времена приятно вспомнить! Впоследствии она несколько отошла от революционной работы, а Октябрьский переворот встретила даже, как я слышал, с некоторой враждебностью. Все это помешало нам встретиться так, как подобает встречаться старым друзьям. К тому же сама М. М. Шкапская держалась несколько официального тона. Слова же ее окончательно меня поразили. «Я к вам от Академии наук, — сказала она. — При Академии наук существует комиссия по изучению участия евреев в русской революции. По сведениям комиссии у вас в комиссариате два видных еврея-коммуниста — Позерн и Богатин. Мне нужно получить от них некоторые сведения». Трудно передать словами, до какой степени я был удивлен. Ничего себе вопросик, которым интересуется комиссия Академии наук! Участие евреев в русской революции! И уже сведения у комиссии собраны. Позерн и Богатин — евреи. Этого даже я не знал. Тут что-то неладно. Чувствуется какой-то неприятный душок. Но, с другой стороны, Академия наук как-никак солидное учреждение, преследующее исключительно интересы науки. Да и М. М. Шкапская, поскольку я ее знал, уж никак не могла стать антисемиткой. В ее личной честности я ни на минуту не сомневался. Как бы несочувственно она к нам в данный момент ни относилась, но до такой степени падения она, конечно, дойти не могла. К тому же контрреволюционные и погромные дела так не делаются. Их готовят втайне, а не идут и не рассказывают о них тем, против кого они направляются.

Не подавая виду о своих сомнениях и колебаниях, я по-

просил М. М. Шкапскую прийти в другой раз, сказав, что переговоры об этом с Позерном и Богатиным.

Я никогда не задумывался о том, какой национальности те или иные руководящие работники нашего комиссариата. Но, поскольку вопрос об этом возник, я скорее мог предположить, что евреем является Позерн, но уж никак не Богатин.

А между тем, когда я сказал Позерну, что Академия наук считает его евреем, он долго и громко смеялся. «Я все, что хотите, — говорил он, еле сдерживая смех, — литовец, немец, но уж никак не еврей».

Богатин же как раз действительно оказался евреем. Он долго, с сомнением качал головой, когда я рассказывал о посещении меня Шкапской, но все же согласился принять ее и дать ей необходимые сведения.

Свидание между ними вскоре и состоялось, но я на нем не присутствовал и о чем они говорили, не знаю. После этого М. М. Шкапская больше уже не приходила в наш комиссариат.

Мне до сих пор непонятно, чем руководствовалась Академия наук, создавая у себя комиссию по изучению такого слишком «специального» вопроса.

Тогда же мое внимание очень скоро отвлекли другие дела.

* * *

Нужно сказать, что я был весьма озабочен приведением нашего комиссариата в надлежащий внешний вид. В это время вообще велась усиленная агитация в печати, которую по мере сил и возможности поддерживали и мы, чтобы лишить красноармейские казармы их прежнего неуютного и, можно сказать, тюремного вида. Построить для красноармейцев новые казармы с высокими потолками, большими окнами, чистыми полами и проч. мы, естествен-

но, по материальным причинам не могли. Но нам хотелось хоть несколько упорядочить жизнь красноармейцев в тех невзрачных казармах, которые достались нам по наследству от старого режима. Мы мечтали о создании такой казармы, где на окнах висели бы гардины, где стены были бы украшены красивыми картинами, где было бы много растений и цветов, где многочисленная и удобная мебель содействовала бы уюту и отдыху красноармейцев. Увы! Этим мечтам так и суждено было остаться мечтами. У нас едва хватало средств, чтобы своевременно чинить крыши и надлежащим образом отапливать помещения, а не то чтобы думать о картинах и цветах. Эти заботы о красноармейских казармах невольно заставляли обратить внимание и на наше собственное комиссариатское помещение. Какой жалкий оно имело вид! Взять хотя бы кабинет военного комиссара Позерна. Это была огромная, но совершенно почти пустая комната. Письменный стол, плохонькое кресло, на котором восседал Позерн, да несколько венских стульев по стенам составляли все ее убранство. Таким же образом были «омеблированы» и все остальные наши комнаты. Надо было придать им хоть какой-нибудь вид. Но откуда взять мебель?

Помню, в поисках мебели я объехал ряд наших районных военных комиссариатов. В особенности меня интересовал военный комиссариат 1-го городского района, который помещался на Морской улице в бывшем особняке видного в свое время кадетского депутата Государственной думы Набокова. Когда я вступил в помещение этого комиссариата, я был поражен картиной, которую я увидел. Квартира Набокова напоминала собою скорее музей, чем жилое помещение. Многочисленные этажерки и горки были сплошь уставлены всякого рода драгоценными безделушками. На стенах висели гобелены и великолепные картины в золоченых рамах. Пол был устлан огромными дорогими коврами.

С потолка спускались блестящие, переливающиеся всеми цветами радуги люстры. Всюду, куда ни помотришь, были бархат и шелк, шелк и бархат.

Однако мебель при ближайшем рассмотрении оказалась неподходящей для нашего комиссариата. Когда я представил себе как будут выглядеть наши кабинеты, когда я расставлю в них все эти розовые шелковые креслица и причудливые пуфики, я невольно рассмеялся.

«Слушайте, — сказал я районному военному комиссару т. Черскому, — да тут у вас все музейного характера вещи. Сообщите о них тов. Луначарскому, и пусть он перевезет их в музей и государственные хранилища». — «Мы так и сделали в свое время — ответил мне т. Черский. — Луначарский был тут с целой комиссией и отобрал для музеев ряд вещей. Эти же вещи, которые здесь оставлены, не представляют интереса с музейной и исторической точки зрения». — «Но, помилуйте, ведь красноармейцы перебыют же у вас все эти вещи». — «Так оно и есть, — хладнокровно подтвердил т. Черский: — ходить между этих этажерочек и ширмочек чрезвычайно трудно. Каждый день кто-нибудь за что-нибудь зацепит и разобьет». — «И что же вы думаете делать?» задал я вопрос. — «Да мы уж тут обсуждали этот вопрос и постановили следующее. Вещам все равно пропадать, так пусть уж их берут себе наши ответственные партийные товарищи. — Живут они все очень бедно. Может быть, какая-нибудь такая ерундовина хоть несколько украсит их скромное жилище. Да и вещи-то так будут целей». — «Вы, что же, эти вещи в собственность отдаете?» — «Да как сказать? На всякий случай мы их регистрируем и, если понадобится, потребуем обратно. Но только вряд ли они когда-нибудь нам понадобятся. Вы тоже — неожиданно обратился он ко мне — должны взять себе что-нибудь на память». — «Ну, уж мне это как будто и совсем неудобно». — «Да что вы! У нас целый ряд очень ответственных товари-

щей взяли себе те или иные вещи, — и он назвал мне несколько весьма почтенных имен. — Ведь вещи все равно пропадут — продолжал он убеждать меня, — да и нам они только мешают. Избавьте нас, ради бога, от всего этого барахла». Дальнейший наш разговор заключался в том, что он убеждал меня взять ту или иную вещь, а я упорно отказывался. «Вот, например, возьмите рояль, — говорил он. — Здесь их несколько штук. Красноармейцы барабанят по ним кулаками. Новые аккорды подбирают. Если не возьмете, от этих роялей ничего не останется». — «Ну, куда мне рояль, он ко мне и в комнату-то не поместится. Вы его лучше куда-нибудь в клуб отправьте». — «А вот, не хотите ли картину. Смотрите, какая огромная — во всю стену!» — «Что вы! Да эта картина ко мне и в дверь-то не войдет». В результате долгих разговоров, я для того, чтобы отвязаться от настойчивых упрасиваний т. Черского, взял себе первую попавшуюся безделушку — мельхиорового китайского дракона, который и по сей час находится у меня в целостности и сохранности.

Должен сказать, что военный комиссар 1-го городского района т. Черский был безусловно честный и порядочный парень. Он был рабочий и старый член партии. Никакой личной заинтересованности в этом распределении вещей у него, конечно, не было. Да и мог ли он придумать что-нибудь лучшее? Сейчас, конечно, можно было бы устроить большой аукцион, распродать эти вещи, и вырученные таким образом деньги передать в казну. Но ведь тогда был период военного коммунизма, и ни о каком аукционе не могло быть и речи.

И любопытно, что коммунисты, бравшие те или иные вещи из особняка Набокова, выбирали обыкновенно самые из них малоценные, в то время как подлинные драгоценности продолжали оставаться в пренебрежении. Не было как-то даже и мысли о том, чтобы обогатиться, взяв себе ту или

иную дорогого стоящую вещь. В этом отношении характерен следующий случай. Был у нас в комиссариате один старый коммунист, член партии с 1904 г., некто Яков Михайлович Клинов. Он заведывал организационным отделом. Мы жили с ним по соседству в первом доме Петросовета.¹

Как-то раз он зашел ко мне, держа в руках какой-то большой блестящий предмет. «Посмотрите, какую штуку мне дали в военном комиссариате 1-го городского района,²— сказал он:— случайно где-то нашли ее, а что делать с нею— не знают. На, говорят, возьми. Может быть, передашь куда-нибудь, а то так себе оставь на память. А ведь это как будто очень драгоценная вещь», добавил Клинов.

Я посмотрел на предмет, который Клинов держал в руках, да так и ахнул. Это был огромной величины бриллиант. Он стоил целое состояние. На оборотной стороне его был выгравирован вензель «Н. II» (т. е. Николай II). Повидимому, этот бриллиант принадлежал к царским сокровищам и каким-то образом оказался в помещении нашего районного военного комиссариата. Увидя, что я внимательно разглядываю бриллиант, Клинов вдруг воскликнул: «Знаете что? Возьмите-ка вы лучше этот камень, что я в самом деле буду с ним возиться». Но мне эта перспектива тоже не улыбалась. В результате обсуждения мы решили, что камень этот нужно передать в Наркомпрос,³ и передачу эту я поручил Клинову. «Раз вы связались с этим бриллиантом, так вы уж и передайте его по назначению».

Впоследствии я неоднократно видел этот бриллиант, за-

---

¹ К этому времени я уже покинул свою квартиру на Выборгской стороне.

² Как будто память мне не изменяет, но может быть он назвал и какой-нибудь другой районный военный комиссариат.

³ Любопытно, что к оценке этого камня мы подходили только с точки зрения его художественной значимости, совершенно упуская из виду, что в нем был больше заинтересован Наркомфин, чем Наркомпрос.

ходя к т. Клинову. В пренебрежении валялся он на комод, никем не охраняемый. Иногда дети т. Клинова кололи им, орехи. Если бы этот бриллиант был живым человеком, он, вероятно, умер бы от разрыва сердца. Вряд ли он видел когда-нибудь такое к себе отношение. Наконец, урвав свободную минутку, Клинов взял этот бриллиант, сунул его в карман своего плохонького пиджачка и отнес его в Наркомпрос. О дальнейшей судьбе этого бриллианта мне ничего не известно. ¹

* * *

Поиски мои мебели по военным комиссариатам ни к чему не привели. Зато я получил возможность достать некоторую часть мебели следующим образом. Я писал уже в своем месте, что, уезжая в Москву, Склянский возложил на меня обязанности комиссара Главного военно-судного управления. Обязанности мои по этому управлению оказались действительно несложными.

Главное военно-судное управление было своего рода Наркомюстом военного ведомства. Ему подчинялись все военные суды на территории России. Но советская власть издала декрет, согласно которому все военные, совершившие то или иное преступление, подлежали ответственности в общегражданском порядке. В связи с этим все военные суды, а с ними и Главное военно-судное управление, должны были быть расформированы. Это расформирование мы и проводили совместно с начальником управления, симпатичным и спокойным Апушкиным, бывшим генералом. Обыкновенно раза два или три в неделю я заезжал к нему

---

¹ Тов. Д. Е. Рахмилович, работавший тогда в нашем комиссариате, ныне сотрудник «Красной газеты», полагает, что это был не бриллиант, а какой-либо другой драгоценный камень. Это, конечно, не меняет существа вопроса.

в управление, и здесь мы быстро решали все текущие вопросы, связанные с расформированием учреждения.

Наконец, к июлю месяцу расформирование Главного военно-судного управления было закончено, все сотрудники уволены, и в моем распоряжении остались только пустое помещение и мебель. Вот эту-то мебель я и решил использовать для нашего комиссариата. В особенности мое внимание привлекал великолепный кожаный кабинет Апушкина, которым я уже наметил обставить комнату Позерна.

Однако моя первая попытка взять эту мебель встретила неожиданное сопротивление. Дело в том, что по соседству с Главным военно-судным управлением помещалась петроградская общегородская больничная касса. Правление этой кассы знало, что Главное военно-судное управление ликвидируется, и собиралось за его счет расширить свою территорию. Против занятия кассой помещения я не возражал, но вот насчет мебели я имел совершенно другие предположения. Между тем, правление кассы повело себя очень решительно. Мой сотрудник, который прибыл в помещение Главного военно-судного управления для учета мебели, был позорным образом оттуда изгнан, причем представители кассы категорически заявили ему, что мебель эту они никому не отдадут. Я попробовал было мирным порядком ликвидировать этот конфликт. На другой же день я лично поехал к председателю правления больничной кассы Милютину, но не застал его на службе. Прощав его около получаса, я уехал, но предварительно написал и оставил пространное письмо с указанием номера своего телефона.

Прошел день, другой. Никто мне не звонил и ко мне не являлся. Мое терпение, наконец, лопнуло. Я вызвал помощника коменданта нашего комиссариата тов. Брайнинга и поручил ему сегодня же перевезти мебель в наш комиссариат.

«Только постарайтесь сделать это дипломатично,—сказал я,—не нарывайтесь на конфликт. Хотя поведение представителей больничной кассы и незаконно, но не надо забывать, что это все-таки рабочая организация».

Однако Брайнинг оказался плохим дипломатом. Отобрав из нашей караульной команды несколько дюжих молодцов, он на паре грузовиков подъехал к Главному военно-судному управлению и без всяких разговоров начал грузить мебель. Когда же представители больничной кассы с криком и руганью набросились на него, он вытащил свой огромный наган и, сунув его под самый нос кричавших, спросил: «А это видали?» Этим неожиданным аргументом дискуссия по вопросу о мебели была прекращена в самом начале.

Таким образом, целый ряд комнат нашего комиссариата получил столь необходимую нам мебель. В особенности хорошо стал выглядеть кабинет Позерна, где кожаная мебель Апушкина создала уютную и в то же время строгую обстановку.

Однако представители больничной кассы не примирились с таким разрешением вопроса. На другой день почти все правление кассы, за исключением тов. Милютин, явилось в тов. Богатину жаловаться на мое «самоуправство». Этот разговор, на котором я присутствовал, получил совершенно неожиданное направление. «Как?—воскликнул Богатин, когда делегация закончила свое повествование:—вы хотите занять помещение Главного военно-судного управления?» — «Да,—несколько растерянно заявили делегаты,—да ведь и комиссар против этого не возражает». — «Комиссар не возражает, а я категорически возражаю. Помилуйте! Здание принадлежит военному ведомству. Мы производим новые формирования. Нам самим чрезвычайно нужны помещения. Да я завтра же помещу туда один из наших формирующихся отрядов».

Так правлению кассы и пришлось уйти ни с чем. Как облитые холодной водой, покидали они кабинет Богатина. Их бесцеремонность была в достаточной степени наказана. Желая во что бы то ни стало получить нашу мебель, они потеряли и самое помещение, которое я уже готов был им временно уступить.

Скоро мы еще получили огромное количество первоклассной мебели. В этом отношении нам помог некто В. Е. Гущик, носивший очень длинный «титул» — «комиссар по охране полковых музеев и перенесения их в государственные хранилища». Мандат у него был за подписью самого наркома по просвещению А. В. Луначарского. Одновременно Гущик исполнял обязанности состоящего для поручений при Позерне.

И вот этот Гущик как-то предложил нам перевести часть дворцовой мебели к нам в комиссариат. Для дворцов это было неубыточно, а для нас очень важно. Мы, конечно, согласились. Через несколько дней мы были прямо-таки завалены всякого рода мебелью. Полагаю, что все это было с ведома и согласия тов. Луначарского. О самом же Гущике я впоследствии слышал неблагоприятные вести. То ли он перешел к белым, то ли просто проворовался и понес соответствующее наказание.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СПИРТОВЫЕ ДЕЛА. — Чеканика. — Полешко. — Бегство Рабиновича. — Заблоцкий скрылся. — Конфликты с коллективом коммунистов. — Стамбо. — У меня проверяют партийный билет. — Кто же был Стамбо? — Люди другого склада. — Честный уголовник. — Анонимные письма. — Малиновский. — Подозрительные лица в комиссариате. — Избит за верность. — Оружие наготове

В своем месте я писал уже, что всякого рода проходимцы, жулики и прямые предатели буквально окружали нас. Это было труднейшее время советского строительства. На некоторых, особенно характерных в этом отношении случаях мне хотелось бы остановиться несколько подробнее.

В число моих многочисленных обязанностей входила между прочим выдача разрешений на отпуск ректифицированного и денатурированного спирта военным частям и учреждениям. Таково было постановление коллегии комиссариата, доверившей мне это щекотливое дело. Я же установил следующий строгий порядок. Если спирт был нужен какому-нибудь военно-медицинскому учреждению для лечебных или научных целей, я требовал предварительной заверки и подтверждения от начальника ветеринарно-санитарного отдела нашего комиссариата В. И. Дешевого. Если в спирте нуждалась какая-либо техническая часть, такая же предварительная заверка требовалась мною от начальника военно-инженерного отдела Рабиновича. В

своих беседах с Дешевым, членом партии с 1912 г., и Рабиновичем, человеком беспартийным, но пользовавшимся у нас неограниченным доверием, я неоднократно указывал на необходимость самой тщательной проверки действительной нуждаемости в спирте того или иного учреждения. В то время не было открытой продажи денатурированного спирта, и поэтому отпускаемый мною спирт мог служить большой приманкой для спекулятивных целей.

Однажды, когда я закончил прием и сидел в своем кабинете в присутствии одного лишь помощника начальника канцелярии Конге, подписывая какие-то бумаги, ко мне пришла сотрудница нашей канцелярии Мария Михайловна Чеканика и подала мне на подпись бумагу о выдаче 7 ведер ректифицированного спирта какому-то продовольственному магазину, находящемуся в Петергофе. Меня удивило прежде всего то, что бумагу эту принесла Чеканика. Обыкновенно все спиртовые дела, вместе с прочими текущими делами, докладывал мне сам начальник канцелярии Полешко. С другой стороны, само требование по существу выглядело странным. Зачем спирт продуктовому магазину? Наконец, на бумаге не было предварительной заверки начальника соответствующего отдела, без чего я обыкновенно не разрешал выдачу спирта. Когда я задал все эти вопросы Чеканике, она, скромно потупив глаза, тихо прошептала, что зато из этого магазина можно в обмен получить продовольствие.

Первой моей мыслью было немедленно же арестовать Чеканику, но потом, увидев ее растерянность и испуг, я понял, что она всего лишь подставное лицо, что за ее спиной несомненно действуют какие-то другие, более опытные руки, и потому стал допрашивать ее, кто послал ее ко мне с такого рода поручением. Однако она упорно не хотела никого назвать и повторяла, что сделала все это по своей собственной инициативе. В результате я отпустил ее, сказав,

что доведу об этом случае до сведения Петроградской чрезвычайной комиссии. В письме к Урицкому, которое я в тот же день отправил, я просил его не только расследовать все это дело, но и произвести ревизию петергофского продовольственного магазина.

Кто же подослал ко мне Чеканику? Этот вопрос занимал меня несколько дней, и, как бы в ответ на него, я неожиданно наткнулся на следующую картину. Зайдя как-то в необычное время в кабинет начальника канцелярии Полешко, я застал нежную сцену. Героями этой сцены являлись сам Полешко и . . . Чеканика. А еще через несколько дней, без какого бы то ни было участия с моей стороны, Полешко и еще несколько сотрудников канцелярии оказались арестованными Урицким по обвинению в использовании своего положения и спекуляции.

Это дело послужило как бы прологом к еще более крупному происшествию, разыгравшемуся в стенах нашего комиссариата.

* * *

Я уже неоднократно говорил, что начальником нашего инженерного отдела был некто Адриан Львович Рабинович. Это был еще сравнительно молодой, высокий и стройный брюнет, с приятным, несколько грузинского характера лицом и вьющимися волосами. Я помню, несколько раз выражал ему свое удивление, что его фамилия Рабинович в то время, как по наружности он настоящий кавказец. Он отвечал на это шутками и смехом.

Я писал, что у нас он пользовался почти неограниченным доверием. Это и понятно. Работа его началась буквально на другой день после Октябрьского переворота, когда он явился в Петроградский военно-революционный комитет и предложил свои услуги. С тех пор он исполнял различного рода работы и проявил себя весьма энергичным

и способным организатором. К тому же он был очень общительным и веселым человеком—то, что называется «рубаха-парень». Помню, зачастую приходя ко мне в кабинет или в кабинет Позерна, он смеясь говорил: «Кто сейчас не ворует? Сейчас все воруют. Надо как-нибудь и мне заняться эти делом». И мы все хохотали вместе с ним, видя в его словах веселую шутку.

Доверие к нему было настолько велико, что он, будучи беспартийным, не в пример прочим, получил комнату в Доме Петроградского совета, где жили исключительно ответственные коммунисты, во главе с председателем Петровета Г. Е. Зиновьевым.

Помню, я как-то зашел навестить его. Он был очень грустно настроен. Лежал на кушетке и в лирических тонах жаловался на скуку одиночества. «Вам жениться надо», улыбнулся я. — «Да я уже женат, — ответил он, — только жена моя не здесь», и, словно избегая дальнейших расспросов, он перевел разговор на другую тему.

Мое доверие к нему несколько пошатнулось вследствие следующего обстоятельства. Однажды ко мне на прием пришел какой-то человек прямо уголовного вида. Избегая смотреть мне в глаза, он подал бумагу от Рабиновича с просьбой выдать подателю сего что-то около 3 миллионов ведер денатурированного спирта. Такого количества спирта мы еще никому никогда не выдавали. На мой вопрос, как будет использован этот спирт, посетитель ответил, что он изобрел способ переработки спирта в особую жидкость, пригодную в качестве горючего вещества для нашего автомобильного транспорта. Не доверяя посетителю, я пошел посоветоваться с Позерном, и он сообщил мне, что знает об этом грандиозном предприятии Рабиновича. Бензина для автомобилей у нас, действительно, не хватало, и надо было изыскивать какие-то новые пути для того, чтобы не оставить без движения наши многочисленные автомобили и

автомобильные части. С тяжелым сердцем я подписал разрешение на выдачу спирта. Во всем этом деле я инстинктивно чувствовал какую-то мошенническую аферу. А главное, уж больно подозрительным казался сам изобретатель. Он не внушал к себе никакого доверия. Постепенно слухи, бросающие тень на Рабиновича, стали усиливаться. В конце августа в отдел Рабиновича (в то время отдел этот уже преобразовался в Военно-техническое управление) был назначен комиссар. Назначение комиссара чрезвычайно взволновало Рабиновича. Помню, он ворвался ко мне в кабинет и в повышенном тоне воскликнул: «Что значит назначение комиссара? Что это? Недоверие?» — «Ничего подобного», — спокойно ответил я. — Назначение комиссара только облегчит вашу работу. Функции вашего отдела теперь расширились, и несомненно появится целый ряд вопросов чисто политического характера. Гораздо удобнее, чтобы вопросы такого рода вы решали совместно с коммунистом, членом нашей партии». — «Да я сам коммунист! — восклицал Рабинович: — я лучше всякого коммуниста. Я работаю с первых дней Октябрьской революции», — вне себя от гнева он помчался объясняться с Позерном. Но и Позерн, конечно, остался непреклонным и отказался отменить назначение комиссара.

После этого Рабинович как будто немного затих, и вдруг неожиданно он исчез.

Первой нашей мыслью было предположение, что его убили. Так велико было еще и тогда наше к нему доверие. Это предположение было вполне вероятно, так как кругом нас буквально кишели всякого рода иностранные и белогвардейские шпионы.

Однако вскоре же открылась печальная действительность. Комната его, когда ее вскрыли, оказалась совершенно чистенькой от каких бы то ни было его вещей, а в кассе Военно-технического управления не хватало трех миллио-

нов рублей. Это и по тем временам являлось огромной суммой.

Найти его так и не удалось. В сумятице тех дней он, конечно, мог исчезнуть совершенно бесследно.

* * *

Рабинович несомненно являлся авантюристом крупного масштаба, но были у нас и мелкие жулики, не гнушавшиеся поживиться хотя бы и незначительной суммой из общегосударственных средств. В этом отношении особенно характерен следующий случай.

В нашем комиссариате между прочим существовал институт так называемых «дежурных по комиссариату». Их было трое, и дежурили они по-очереди через двое суток в третьи. Когда нормальный рабочий день комиссариата кончался и в нем оставались только дежурные по отделам, дежурный по комиссариату фактически становился ответственным за весь комиссариат. Он выслушивал по телефону все сообщения, вскрывал поступающую почту, принимал отдельных посетителей, у которых было срочное дело, и в случае нужды звонил Позерну или мне, спрашивая необходимые указания. Естественно, что дежурными по комиссариату были особо доверенные лица.

Из этих дежурных по комиссариату как-то невольно выделялся своим интеллигентным видом и расторопностью некто Павел Иванович Заблоцкий. Когда дежурил Заблоцкий, можно было быть совершенно спокойным за комиссариат. Он всегда во-время предупредит о чем нужно, всегда сумеет распорядиться разумным и толковым образом. Прошлое у него также было в достаточной степени революционным. Он, как и Рабинович, перешел к нам из Военно-революционного комитета, где с 26 октября 1917 г. состоял для особых поручений при т. Антонове-Овсеенко. В настоя-

щее же время он был почти партийным человеком, состоял в группе сочувствующих.¹

Как-то Заблоцкий пришел ко мне с просьбой перевести его в канцелярию. «Я ведь собственно по специальности бухгалтер, — сказал он, — а там для меня находится соответствующая работа». Я согласился.

Сперва Заблоцкий принял на себя заведывание подотделом канцелярских принадлежностей, а затем сделался казначеем канцелярии. Два раза в месяц он должен был ездить в казначейство получать для сотрудников жалованье, а затем раздавать его по ведомости, ведя соответствующую отчетность. Раз или два он прекрасно справился с этой своей новой ролью, а потом, так же как и Рабинович, неожиданно исчез. Вместе с ним исчезли 250 тысяч рублей жалованья сотрудников. Это было очень грязное и гнусное дело. Ведь он обворовал своих полуголодных товарищей. Сотрудники у нас получали мало и очень нуждались. Конечно, мы приняли все меры к тому, чтобы возместить сотрудникам их потерю, жалованье в конце концов было выдано, но произошла задержка, которая больно ударила по сотрудникам и заставила их пережить тяжелые минуты.

В противоположность Рабиновичу, у Заблоцкого были в Петрограде родственники, в том числе старик отец, который немедленно же был арестован как заложник. Однако это арест не дал никаких результатов. Отец ничего не знал о бегстве сына и от души ругал его. Сын же оказался форменным мерзавцем. Даже арест старика отца не заставил его дать о себе знать. Собственная безопасность и ворованные деньги были для него дороже жизни и здоровья отца. И все это из за каких-то 250 тысяч, суммы по тем временам далеко уж не такой большой. Последующее неуклонное па-

---

¹ В то время при партийных коллективах создавались особые группы сочувствующих, как переходная ступень для вступления в партию.

дение ценности денег, несомненно, очень скоро лишило его призрачного богатства. Старик же отец был скоро нами освобожден.

* * *

Негодяи и авантюристы проникали не только в состав сотрудников нашего комиссариата, но и в нашу партийную организацию. В этом отношении мне пришлось пережить много неприятных моментов.

В нашем комиссариате долгое время совершенно не было коллектива коммунистов. Мы все были так перегружены работой, что как-то некогда было об этом подумать. Да, признаться, и самые функции такого коллектива как-то не совсем были для нас ясны. Партийное руководство как будто в достаточной степени осуществлялось коллегией комиссариата. Проводниками же партийных директив на местах также являлись наши испытанные партийные работники. Однако никто из нас не отрицал, что было бы полезно коммунистам время от времени собираться и обсуждать наиболее острые вопросы момента и текущей работы. Нужна была только чья-то инициатива, чтобы такой коллектив создался.

Эту инициативу вскоре и проявил один из сотрудников отдела формирования нашего комиссариата некто Стамбо, человек уже не молодой, с высшим образованием и солидным партийным стажем. По всем этим данным он как будто вполне подходил к роли руководителя нашей небольшой партийной организацией. Мы, конечно, от души приветствовали его начинание. Однако, с первых же шагов работы нашего молодого партийного коллектива выяснилось, что Стамбо ведет его далеко не по правильному пути. Вместо того, чтобы сделать коллектив ближайшим помощником нам в нашей работе, вместо того, чтобы показывать пример дисциплинированности и сплоченности, Стамбо стал некоторым

образом противопоставлять коллектив управлению комиссариата. Когда я первый раз пришел на собрание коллектива и послушал речь Стамбо, я прямо ужаснулся. В самых резких выражениях он обрушивался на коллегия комиссариата, которая, дескать, слишком много командует и не заботится о служащих, и предлагал коллективу встать на защиту сотрудников комиссариата против его коллегии. Это собрание произвело на меня очень тяжелое впечатление.

Но этого мало. Стамбо в качестве председателя коллектива стал непосредственно вмешиваться в управление комиссариатом. В отделах начали появляться бумажки за его подписью с теми или иными директивными указаниями. Иногда эти указания противоречили тем распоряжениям, которые давал я. Все это грозило серьезным образом дезорганизовать работу. Как ни мало я был осведомлен о функциях партийного коллектива в советском учреждении, но все же понимал, что руководство работой из двух центров ни к чему доброму поведи не может. Я пытался лично воздействовать на Стамбо, но так как наши разговоры ни к чему не привели, то я просто отдал распоряжение по отделам впредь не исполнять непосредственно направленных к ним приказов Стамбо. Когда известие об этом дошло до Стамбо, он, как ураган, влетел в мой кабинет. Не стесняясь тем, что в кабинете присутствовал беспартийный начальник канцелярии Вишневский ¹ и ряд других сотрудников комиссариата, он в повышенном тоне стал требовать, чтобы я безоговорочно подчинился всем распоряжениям коллектива. «Вы — член партии, — заявил он, — и должны знать о партийной дисциплине. Все постановления коллектива для вас должны быть обязательны». — «Да, — ответил я, — но лишь постольку, поскольку это не касается моих служеб-

---

¹ Предыдущий начальник канцелярии Шолешко, как я писал уже, был арестован.

ных обязанностей. В служебном отношении я подчинен коллегии комиссариата». — «Ничего подобного! — заревел Стамбо: — «Вы так рассуждаете потому, что вы, вероятно, вовсе не член партии. Предъявите ваш партийный билет!»

Это уже переходило всякие границы. «А вы имеете полномочия от коллектива требовать у меня партийный билет? — спросил я. — «Нет, но это все равно. Я — член Петербургского комитета и потому имею право проверить, член вы партии или нет». — «Нет, — ответил я, — это тоже не дает вам такого права. Запаситесь полномочиями от какой-либо партийной организации, и я охотно удовлетворю ваше требование». Вне себя выскочил Стамбо из моего кабинета. Беспартийные сотрудники, которые присутствовали здесь же, с разинутыми ртами смотрели на эту сцену.

Через некоторое время, когда я уже был один, в мой кабинет робко вошел один из членов бюро коллектива Розмеж и с виноватой улыбкой протянул мне следующую бумагу:

КОМИТЕТ
КОЛЛЕКТИВА
ЧЛ. РКП (БОЛЬШЕВ.)
СОТРУДНИКОВ ВОЕННОГО
КОМИССАРИАТА
ПЕТРОГРАДСКОЙ КОММУНЫ

19 АВГУСТА 1918 г.
№ 67.

Тов. Ильину-Женевскому.

Товарищу Розмежу, как члену комитета коллектива, проверить членский партийный билет.

Председатель Ком. Г. Стамбо.
Секретарь Астраханов.

Эта бумага, как любопытнейший документ того времени, до сих пор хранится у меня в моем архиве.

Я немедленно предъявил Розмежу свой партийный билет. Он осмотрел его со всех сторон, вернул мне обратно и с большими извинениями удалился.

Во всей этой истории меня больше всего заинтересовало следующее обстоятельство. Неужели демагог Стамбо яв-

ляется членом Петербургского комитета партии, как он только что сам мне об этом заявил!? Я позвонил секретарю Петербургского комитета. Ответ был короток и ясен. Стамбо членом Петербургского комитета не состоял. Значит, он нагло врал мне об этом. Значит, он являлся не только демагогом и дезорганизатором, но и самозванцем. Я сейчас же написал обо всем происшедшем в Петербургский комитет, прося произвести расследование.

Чем закончилось это расследование, я не помню. Вообще дальнейшее как-то ускользнуло из моей памяти. Что стало со Стамбо, ушел ли он от нас сам или принужден был уйти, никак не могу вспомнить. Помню только, что в дальнейшем Стамбо уже каким-то образом не стало в нашем комиссариате. Его уход подействовал на коллектив оздоровляюще. От прежних трений и склок не осталось и следа. Для большей согласованности действий я был избран в состав бюро, и мы дружно продолжали работу по сплочению и укреплению наших рядов.

Кто же такой был Стамбо и чем объяснить его образ действий? Разгадку этого я получил значительно позже. Сравнительно недавно я узнал, что где-то и как-то Стамбо разоблачили. В дореволюционное время он был провокатором Одесского охранного отделения.

* * *

Я перечислил только наиболее крупные случаи авантюризма и мошенничества, обнаруженные в нашем комиссариате. А сколько было таких же мелких случаев! И сколько их вообще ускользнуло от нашего внимания! То там, то здесь в нашей работе обнаруживались зияющие бреши. Но зато после каждого такого случая предательства мы еще сильнее начинали ценить тех верных и преданных нам работников, которые безропотно и бескорыстно продолжали вести свою трудную работу. Наша неболь-

шая семья работников Военного комиссариата в таких случаях как-то еще больше сплачивалась, духовная связь между нами еще больше усиливалась и укреплялась.

И нужно сказать, что большинство наших сотрудников были вполне на высоте той высокой задачи, которую они выполняли. Повседневная действительность подтверждала это почти на каждом шагу. Помню, например, такой случай. Как-то ко мне в кабинет зашел один из сотрудников комиссариата. «Товарищ Женевский,— сказал он несколько дрожащим голосом,— я должен сделать вам одно признание». — «В чем дело? Говорите». — «Я долго колебался, сказать вам это или нет, и, наконец, решил сказать. Я — бывший уголовный преступник. Сидел в тюрьме за грабеж. Этого никто не знает, и вы могли бы не знать. Но я подумал и решил, что скрывать это нечестно. Вы должны знать, с кем имеете дело. Хотите — увольте меня. Но я хочу быть честным человеком. Я хочу работать. Предоставьте мне эту возможность».

Меня тронула прямота и чистосердечность этого «преступника». Конечно, я оставил его на службе.

Был еще такой случай. Я уже неоднократно писал, что мы были буквально окружены белогвардейскими и иностранными агентами. Их присутствие сказывалось прежде всего в большом количестве угрожающих писем, которые мы получали. Сперва начальник канцелярии даже не докладывал мне об этих письмах, боясь меня «огорчить». Но потом по моему распоряжению он стал приносить их мне все для прочтения. Боже! Чего только в этих письмах не было! Начиная от слезных просьб и увещаний «не губить Россию» и кончая любезными предупреждениями близкой кровавой расправы. Некоторые письма точно указывали время, когда тот или иной ответственный руководитель нашего комиссариата будет убит. Некоторые давали срок, предлагая уехать куда-нибудь или просто отойти от

политической работы. В этом случае тайные заговорщики обещали «помилование». Письма бывали и от отдельных лиц и от целых, якобы, организаций. В таком случае они большей частью представляли собою копии выписки из протокола: «Слушали... Постановили...» Внизу красовалась какая-нибудь причудливого вида печать. Я очень сожалею, что не составил в то время коллекцию из такого рода писем.

Но бывали попытки со стороны каких-то подозрительных личностей проникнуть и в самый комиссариат. Такие попытки наталкивались обыкновенно на непреодолимую стену нашего справочного отдела. Начальником справочного отдела в это время, после ухода его организатора т. Конорова, который сделался моим личным секретарем, я назначил В. Я. Якубенко, моего старого гимназического товарища. Лучшего выбора я и не мог сделать. Ответственную работу по выявлению посетителей и направлению их в различные отделы нашего комиссариата я мог поручить только лично хорошо мне известному человеку. А с Якубенко мы несколько лет сидели на одной парте, и на него я мог положиться, как на самого себя. Дальнейшее вполне оправдало мое доверие к В. Я. Якубенко. В то время он еще был беспартийным, ныне же он является членом ВКП(б) и ответственным работником ГПУ.

Якубенко принадлежало общее руководство работой справочного отдела, непосредственная же выдача пропусков ко мне, а через меня к Позерну и Богатину, лежала на некоем т. Малиновском. Малиновского я нарочно посадил на это дело. Это был мой старый солдат-химик, человек бесконечно мне преданный. Еще в 1916 году во время нашей совместной службы в Запасном огнеметно-химическом батальоне, он, несмотря на свое среднее образование, возбудил перед командиром батальона полковником Мартюшевым ходатайство о поступлении ко мне в качестве денщика. Конечно, полковник Мартюшев отказал ему в

его просьбе. Теперь т. Малиновский выдавал пропуска на прием, весьма тщательно выясняя необходимость для просителя лично переговорить по тому или иному поводу. Имея постоянное общение с просителями, он очень скоро научился их распознавать и по одному взгляду мог определить, что собою представляет тот или иной посетитель. Один раз к нему явилось трое каких-то типов, которые настойчиво домогались видеть меня по какому-то поводу. Малиновскому они сразу показались подозрительными, а после опроса его подозрения на их счет еще более усилились. Несмотря на их требование, он категорически отказал им выдать ко мне пропуск. «Тогда вы хоть домашний адрес его скажите», спросил предводитель этой группы. Это уж совсем было не в наших правилах, и Малиновский, хотя и знал мой адрес, но, конечно, не сообщил его. С проклятиями и руганью группа покинула наш комиссариат.

На другой день Малиновский явился в комиссариат весь в синяках и ссадинах. Он поднялся ко мне и сообщил следующую историю. Оказывается, приходившая днем группа подстерегла его в каком-то темном переулке и, угрожая ножами и револьверами, потребовала, чтобы он сказал им мой домашний адрес. Так как он отказался это сделать, они начали его избивать. Однако сколько его ни били, они не могли вырвать у него тех сведений, которые их интересовали. Убить же его они, повидимому, побоялись.

Этот героический поступок тов. Малиновского тогда никак не был нами отмечен. Не до наград было нам в то время. Да он в них и не нуждался. Пусть же хотя теперь, по прошествии многих лет, этот факт станет известным широким массам.

Случаев, когда какие-то подозрительные лица хотели проникнуть к тому или иному ответственному руководителю Петроградской трудовой коммуны было очень много. В некоторых случаях, когда попытка произвести покушение

была очевидна, мы писали о них в газетах. В большинстве же случаев эти факты не оглашались, и о них говорилось только в узком товарищеском кругу.

Обстановка заставляла быть очень осторожными. Опасности окружали нас со всех сторон. Поэтому никто из нас, коммунистов, работников Военного комиссариата, не расставался с оружием. У меня, например, на поясе висел огромный заряженный кольт, тяжесть которого я постоянно ощущал. У Васильевского, насколько я его припоминаю, через плечо всегда болталась черная кавказская шашка, которая придавала ему воинственный и бравый вид. Другие предпочитали небольшие портативные браунинги, которые легко можно было спрятать и носить в кармане. На охране нашего комиссариата постоянно стояли два взвода латышских стрелков во главе с начальником их и нашим комендантом, членом партии, тов. Андерсоном. В случае прямого нападения мы могли постоять за себя. Но ведь враги наши не брезгали и предательскими нападениями из-за угла. В этом отношении первой жертвой сделался Петроградский комиссар печати, пропаганды и агитации В. М. Володарский. В последние дни жизни т. Володарского мне пришлось довольно часто встречаться с ним. Об этом я и хочу сейчас рассказать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ослабление партийной работы. — Положение нашего коллектива. — Циркуляр ЦК об укреплении партийных рядов. — Я получаю партийную нагрузку. — «Красная газета». — Тов. Володарский. — Перевыборы Петроградского совета. — Разрешение выхода буржуазных газет. — Убийство Володарского. — У Зиновьева. — Как откликнулась буржуазная печать на смерть Володарского. — Как откликнулись мы на смерть Володарского. — Офицерство и советская власть. — Массовый арест бывших офицеров. — Урицкий, как человек. — Убийство Урицкого. — Покушение на Ленина. — Мы вступили в полосу красного террора.

Нужно сказать, что участие ответственных партийных работников в советском строительстве сильно ослабило нашу партийную организацию. В то время мы еще не додумались до того, чтобы возлагать на советских работников, членов партии, те или иные партийные обязанности в порядке «нагрузки». Термин «нагрузка» вообще появился значительно позже. Тогда, как правило, члены партии, занятые на советской работе, не несли никаких партийных обязанностей. В то же время партийные работники, кроме своей узко-партийной работы, ничего другого не знали. Мыслили мы тогда так, что и советская работа является по существу ничем иным, как партийной работой. Я, как сейчас помню, что в многочисленных анкетах, которые мне тогда приходилось заполнять в графе «Какие партийные обязанности вы несете», я нисколько не задумываясь пи-

сал: «Управляющий делами Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны».

Такое положение создавало двоякого рода ненормальности. С одной стороны, получался на местах некоторый разрыв между властью и партией. С другой стороны, наиболее сильные работники ушли на советскую работу, и партийные организации оказались в значительной степени обескровленными. У многих членов партии создавался даже взгляд на партийную работу как на какую-то второстепенную работу. Взять хотя бы историю со Стамбо, о которой я только что рассказывал. Ведь если бы все наши ответственные работники комиссариата во главе с Позерном и Богатыным приняли активное участие в работе коллектива, то, конечно, Стамбо очень скоро был бы расшифрован, и его влияние на коллектив было бы сведено к нулю. Но, как правило, они являлись в коллектив только для того, чтобы сделать тот или иной доклад, а повседневная работа коллектива почти вовсе ускользала от их внимания. Когда я, бывало, приходил к Богатыну и сообщал ему, что во столько-то часов у нас назначено собрание коллектива, он обыкновенно только отмахивался. «Помилуйте, да у меня столько работы, вы потом расскажете, что там было». В оправдание т. Богатыну нужно сказать, что работа, которую мы тогда выполняли, носила прямо-таки нечеловеческий по своей тяжести характер. Наш рабочий день начинался обыкновенно с раннего утра и кончался в 12 — 1 час ночи. Иногда же мы засиживались и до 3 часов ночи. Притом вопросы, которые стояли у нас в порядке разрешения, были, конечно, несравненно важнее тех мелких и зачастую склочных дел, которыми обычно был забит порядок дня нашего коллектива.

В результате такого положения на собрании коллектива обыкновенно в большинстве присутствовал наш младший служебный персонал, в глазах которого Стамбо, обра-

зованный человек и хороший оратор, был конечно, непре-
рекаемым авторитетом.

Положение, в котором находился тогда наш коллектив, не являлось каким-то исключительным по сравнению с остальными нашими партийными организациями. Вся наша партия переживала в то время серьезный внутренний кризис. Об этом кризисе и его причинах очень ясно и обстоятельно говорит следующее обращение Центрального комитета нашей партии. В виду особенного интереса этого документа, живо рисующего положение партийной организации того времени, я привожу его целиком:

ВСЕМ КОМИТЕТАМ, ГРУППАМ, ЧЛЕНАМ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ).¹

Дорогие товарищи!

В предшествующем циркулярном письме мы писали о критическом моменте, переживаемом советской властью. В настоящем мы указываем на кризис, переживаемый нашей партией. Этот кризис очень и очень силен. Лишь при ясном понимании его причин и мер к его ликвидации мы сможем с ним покончить.

Всякий активный работник должен был обратить внимание на уменьшение числа членов нашей партии, в более крупных центрах численному упадку сопутствовал и упадок качественный. Участились случаи внутренних конфликтов в наших партийных организациях. Нередки конфликты между партийными организациями и функциями нашей партии в Советах и Исполнительных комитетах. Стройность и цельность партийного аппарата нарушены, нет прежнего единства действий. Дисциплина, столь крепкая всегда в нашей партии, ослабела. Общий упадок партийной работы, распад в организациях безусловны.

Все указанные явления, несомненно, связаны теснейшим образом с общей разрухой, переживаемой Советской республикой. Экономическая разруха, безработица, голод, дезорганизация хозяйственной жизни отразились на широких слоях рабочего класса. Наша партия массовая пролетарская партия, отразила на себе все эти последствия мировой империалистической бойни, доставшиеся нам в наследство.

¹ «Петроградская правда», № 112 (338) от 1 июня (19 мая) 1918 г., стр. 1.

Господство кадетов и соглашателей, меньшевиков и эсеров толкнуло в нашу партию, — единственную действительно революционную не на словах, а на деле, — всех угнетенных. В переходе власти к нашей партии все беднейшие слои города и деревни вместе со всем рабочим классом видели выход из безысходного тупика. Господство нашей партии сулило спасение от грозящей полной катастрофы. В силу этого в нашу партию влилось много элементов, чуждых ей по своему классовому положению, своей психологии, — элементов, мало подготовленных для восприятия пролетарского миросозерцания, пролетарской дисциплинированности и способности к стройной организации.

Многим малосознательным членам партии, как и примыкавшим к партии слоям, переход от капитализма к социализму казался делом легким и быстрым. Трудности же переходного периода заставляют эти шаткие слои колебаться, порождают в некоторых из них недоверие к силам партии, к собственным силам преодолеть необычайно тяжелый кризис, переживаемый нами. Эти элементы вносят расстройство в сплоченные ряды партии.

На ослабление, упадок партийных организаций оказал влияние и массовый переход наиболее активных, ответственных работников от партийных организаций к советским. Такой переход был неизбежен в период Октябрьской революции и в первые месяцы, последовавшие за нею. Партия, стоявшая во главе Советов, вынуждена была своим положением руководящей партии выдвинуть туда широкие кадры активных работников из своей среды.

Все указанные явления послужили главнейшими причинами дезорганизованности в рядах нашей партии.

Необходимо положить этому предел. Мы должны поднять наши партийные организации на прежнюю высоту.

В настоящее время, когда государственное устройство на советских началах можно считать до известной степени налаженным, мы можем несколько передвинуть центр тяжести нашей деятельности, передвинуть в партийное строительство.

Да и сама советская работа требует от нас создания крепкого, сплоченного партийного организма.

Наша партия стоит во главе советской власти. Декреты, мероприятия советской власти исходят, главным образом, от нашей партии. Все они направлены к осуществлению конечных идеалов рабочего класса, к полному уничтожению классового неравенства, эксплуатации, к торжеству коммунизма.

Все эти мероприятия могут быть проведены в жизнь путем суро-

вой диктатуры над буржуазией. Но диктатура требует от рабочего класса, от нашей партии, как его авангарда, в первую очередь крепкой, стройной организации. Вне этого последнего условия железная диктатура, могущая подавить буржуазию, превращается в бумажную.

Наша партия должна снова стать цельной, литой из единого куска. Она должна очиститься от посторонних элементов, вносящих разложение в ее ряды. В нашей партии не должно быть места бездельникам, хулиганам, авантюристам, пьяницам и ворам. Не место в нашей партии колеблющимся и шатающимся. Строжайшая дисциплина и единство действий должны царить в нашей партии. Железной метлой должны мы очистить ее от вредных, негодных элементов. Пусть партия потеряет в количестве, она выиграет в качестве. Выиграет партия и в силе.

Тяжелый кризис переживает наша партия. Мы изживем его. Трудные, великие задачи стоят перед нашей партией. Мы выйдем победителями из борьбы.

Чем тяжелее борьба, тем больше энергии должны мы проявить.

Товарищи! Мы уверены, что всем нам, всем членам коммунистической партии, дороже всего торжество нашего дела. Мы уверены, что члены нашей партии не утратили способности к самопожертвованию. Мы уверены, что все члены партии проявят всю свою энергию, отдадут все свои силы на воссоздание мощной, единой волей, единым стремлением скованной партии.

Товарищи! Дело торжества коммунизма, дело мировой коммунистической партии в ваших руках!

Все за работу! Нет члена партии без партийных обязанностей! Нет члена партии, не выполняющего директив партийных центров!

Строжайшей дисциплины, единства действий требуем мы от всех членов партии!

Центр. Ком. Российской Коммунистич. партии (большевиков).

В этом обращении указывается, с одной стороны, на присутствие в нашей партии примазавшихся, чуждых нам элементов, с другой стороны, на отрыв значительного числа наших советских работников от какой бы то ни было партийной работы. Заключительная часть обращения является уже прямым директивным указанием. Не должно быть члена партии без партийных обязанностей! Все члены партии, советские работники, должны в той или иной форме содей-

ствовать строительству и укреплению наших партийных рядов!

Это обращение немедленно же получило свой отклик и в нашей петербургской партийной организации. Помню собрание ответственных работников нашей партии, созванное по этому поводу. Было ли это заседание Петроградского комитета партии или какое-либо другое, не могу вспомнить. Во всяком случае я, не будучи членом Петроградского комитета, на нем присутствовал. Где происходило это собрание, я тоже не помню. В моей памяти только ярко встает небольшая, слабо освещенная комната и человек пятьдесят присутствующих. Я пришел с Позерном несколько позднее и, так как места не было, устроился на подоконнике вправо от трибуны. Докладчиком был Г. Е. Зиновьев. В кратких словах обрисовал он такую же приблизительно картину состояния партийной организации, которая дается и в приведенном выше обращении ЦК. Вывод же его был таков: все наши ответственные партийные работники, включая и наркомов, должны, помимо своей основной, так сказать служебной работы, принять на себя те или иные обязанности партийного порядка. Теперь это звучит трюизмом, вещь само собой подразумевающейся. Сейчас мы не мыслим себе ответственного работника без соответствующей партийной нагрузки. А тогда это было совершенно новой и для некоторых неожиданной постановкой вопроса.

«Конечно, — говорил Зиновьев, — не нужно закрывать глаза на то, что это будет очень тяжело, так как все мы перегружены работой, но это необходимо — мы должны поднять и укрепить нашу партийную организацию».

Доклад Зиновьева, конечно, не встретил никаких возражений. Все мы сознавали, что иного выхода из положения быть не может. И мы тут же, без долгих прений, выделили комиссию из трех для реального проведения этого меро-

приятия в жизнь. В состав этой комиссии вошли: Е. Д. Ста-
сова, кажется, С. Н. Равич и еще кто-то.

Комиссия деятельно приступила к работе. Чуть ли не на
другой же день я получил от нее следующее отношение:

РОССИЙСКАЯ
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ).

ПЕТРОГРАДСКОЕ БЮРО
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА.
СМОЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ.

№ 1087.
ЛИТЕЙНЫЙ 48.¹

Печать.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ
ПЕТРОГРАД, 2 ИЮНЯ 1918 Г.

Товарищу Женевскому.

Уважаемый товарищ!

Комиссия из 3-х по распределению сил
постановила, чтобы вы отдали свои силы
газетной работе в «Красной газете».

С коммунистическим приветом

Секретарь ЦК Елена Стасова.

Конечно, работа в «Красной газете» не являлась в полном смысле этого слова партийной работой, так как и сама-то «Красная газета» была не партийным органом, а органом Петроградского совета. Однако нельзя не признать, что это назначение было вполне разумным. Все-таки у меня был некоторый литературный опыт, который я мог приложить на деле. В то же время по времени газетная работа могла у меня отнять только поздний вечер, т. е. нанести сравнительно малый ущерб моим непосредственным служебным обязанностям.

На другой же день я взгромоздился на мой маленький, военного образца, велосипед, который был моим верным товарищем во всякого рода поездках, и отправился на Галерную улицу, где тогда помещалась «Красная газета».

---

¹ Судя по этому бланку, я предполагаю, что собрание, о котором я только что говорил, состоялось на Литейном проспекте в доме № 48 и представляло собою расширенное заседание Петроградского бюро Центрального комитета.

Первые впечатления моей поездки были довольно безрадостными. Прежде всего, Галерная улица, и без того довольно темная и мрачная, в то время, благодаря общей разрухе, почти вовсе не освещалась, и я с большим трудом отыскивал требуемое мне здание.

Но главные мытарства начались в самом здании. Для того чтобы проникнуть в редакционное помещение, нужно было подыматься по каким-то грязным лестницам, тускло освещаемым керосиновыми лампочками, проходить через наборную и, только сделав, таким образом, большое путешествие, добраться до помещения редакции. Мне это было вдвойне тяжело, так как оставить велосипед где-нибудь на улице я не мог и тащил его на себе, еле поворачиваясь в пролетах лестницы, с трудом пролезая в двери и поминутно наталкиваясь на те или иные предметы.

Наконец, я добрался до маленькой комнатушки, которая заключала в себе редакционный аппарат. В этой комнате, почти касаясь один другого, стояли четыре письменных стола. За одним сидел Володарский, за другими какие-то два неизвестных мне товарища.

Володарский очень обрадовался, увидев меня:

«Наконец-то вы приехали, а то я уже давно поджидаю вас. Теперь вы меня несколько разгрузите».

Из дальнейших слов т. Володарского я понял, что он неправильно представлял себе характер моего назначения в «Красную газету». Он полагал, что я освобожден от всех других обязанностей и потому с головой могу войти в газету, избавив его от необходимости каждый день приезжать в редакцию.

«Понимаете, у меня столько дела в Комиссариате печати и агитации,—говорил он:—что мне чрезвычайно трудно ежедневно бывать в газете».

К сожалению, мне сильно пришлось разочаровать т. Володарского. Я тоже не мог уделять газете много времени. Мы

условились, что я буду бывать в газете от 11 до 2 — 3 часов ночи ежедневно, помогая Володарскому в его редакционной работе, а в его отсутствие принимая на себя ответственность за выпускаемый номер.

Тут же т. Володарский познакомил меня с находившимися в комнате сотрудниками. Один из них был Михаил Степанович Пруссак, бывший сотрудник суворинской газеты «Вечернее время», ныне добросовестно и честно служивший нам, другой — заведующий редакцией — журналист Дмитрий Иванович Бразуль-Брушковский (умер в Москве 21 июля 1927 г.).

Помню, в тот же день я, заняв единственный свободный в комнате столик, написал статью.

С этого дня я каждый вечер неуклонно проводил в «Красной газете».

Одним из самых злободневных вопросов того времени был вопрос о проведении первых после Октябрьской революции перевыборов в Петроградский совет. Этот вопрос глубоко затрагивал и волновал т. Володарского. Неоднократно приезжая вечером в газету усталый и измученный после трудового дня, он делился с нами своими впечатлениями и предположениями.

Один раз он приехал, особенно возбужденный, и с сияющими глазами сообщил:

«Знаете, я хочу на время перевыборов разрешить к изданию газеты всех направлений. Мы теперь настолько сильны, наша работа настолько у всех на виду, что эсеровская и меньшевистская критика нам не страшна».

И, действительно, через некоторое время, с разрешения Володарского, стали выходить буржуазные и эсеро-меньшевистские газеты. Но какие потоки грязи и клеветы полились оттуда! Хроника подбиралась специально, чтобы показать общую разруху и неумение советской власти справиться со стоящими перед ней задачами. Иногда помещались и за-

ведомо ложные сообщения со специальной целью вызвать в населении панику. Статьи же без всякого стеснения призывали к прямому выступлению против советской власти. Красивый поступок Володарского не был оценен его врагами. Мало того, предательская пуля эсера, пущенная из-за угла, скоро прервала жизнь этого выдающегося трибуна и революционера. Вместо благодарности он получил смерть. Таков жестокий закон классовой борьбы.

Последние дни своей жизни Володарский был необычайно бодрым и жизнерадостным. Перевыборы Петроградского совета, которым он отдавал все свое время и силы, проходили блестящим образом. Почти все фабрики и заводы выбирали в новый совет членов нашей партии. Большевики и эсеры, пытавшиеся противостать нам на перевыборных собраниях, были жестоким образом разбиты. Понятно, что злоба и ненависть побежденного врага обрушилась прежде всего на любимца петроградских рабочих, т. Володарского.

Первые слухи об убийстве т. Володарского дошли до нас в несколько искаженном виде. Говорили, что обстрелу белогвардейских террористов подверглись не только т. Володарский, но и т. Зиновьев. Рассказывали, что один из них убит, другой ранен. Вне себя вскочили мы в автомобиль и помчались к Смольному. Здесь на широкой входной лестнице я встретил жену т. Володарского, т. Богословскую. Слезы катились у нее из глаз. От нее я узнал, что т. Зиновьев жив. Нападению подвергнулся один т. Володарский—и он был убит.

Большой Екатерининский зал Таврического дворца. На возвышении стоит гроб. В гробу вечным сном покоится т. Володарский. Такие знакомые, крупные черты лица. Большой лоб. Характерный нос. Можно подумать, что он спит. Но нет, никогда уже не взойдет он на трибуну, и никогда не прозвучит его горячая, страстная речь. Руки невольно сжимаются в кулаки. Нет! Эта смерть не может остаться безнаказанной.

Вечером я зашел к т. Зиновьеву. Он тоже жил в Доме Петроградского совета, в комнате № 218, двумя этажами ниже меня. После только что пережитых волнений и страхов за его судьбу так приятно было видеть его здоровым и невредимым. Кроме того, в комнате были Лашевич, Зорин и целый ряд наших товарищей. Все были сумрачны и молчаливы. Разговор как-то не клеился. Чувствовалась некоторая подавленность и растерянность.

«Вот, что они делают, — прервал молчание Зиновьев: — они не стесняются в средствах. А мы-то церемонимся с ними, мы-то миндальничаем».

Действительно, несоответствие в этом отношении било в глаза. Мы предоставили нашим политическим врагам все возможности борьбы с нами во время перевыборов Петроградского совета. Мы разрешили к выходу все их газеты. Мы спокойно выслушивали все их демагогические и клеветнические речи на рабочих собраниях. Мы так боялись, как бы не ущемить их чем-нибудь в их «гражданских правах», И вот достойный ответ.

А как откликнулась буржуазная печать на смерть тов. Володарского?

Вот в моих руках номер газетки под веселым названием «Кабаре». В списке сотрудников газетки перечислен целый ряд крупных литературных имен. На первой странице небольшой, изуродованный рукой художника портрет т. Володарского, а над ним надпись: «Кто убийца?» Только таким чисто спортивного интереса вопросом откликнулась газета на смерть т. Володарского. Но это еще не все. Сейчас же под портретом т. Володарского, непосредственно примыкая к нему, помещена статья некоего «NN» под названием «Журналист-провокатор». В этой статье говорится о каком-то журналисте, которого, якобы, ныне все знают и который в дореволюционное время служил в охранном отделении. Фамилии этого журналиста в статье не указано.

Заканчивается же эта статья следующим образом: «Вообще много интересного могу я рассказать об этом господине, а равно и целом ряде фактов из недавнего прошлого, рисующих с определенной стороны целый ряд лиц, ныне благополучно здравствующих и благоденствующих».

Если взять эту полную каких-то намеков статью отдельно, то она покажется просто глупой и неинтересной статьей, по какому-то недоразумению попавшей в газету. Но если сопоставить ее с портретом т. Володарского, к которому она непосредственно примыкает, то становится понятным и ее стиль и то, почему она так назойливо вылезла на первую страницу. Задачей этой статьи было бросить какую-то тень на покойного т. Володарского. Трудно представить себе большую гнусность и мерзость. В стане наших врагов не чувствовалось человеческого лица. Только звериный рев слышался оттуда. О какой же жалости могли говорить мы?

У нас в «Красной», после смерти Володарского, нашего любимого товарища и руководителя, все пришло в движение. Негодование, злоба, жажда мести наполнили сердца работников газеты. На смену т. Володарского была назначена редакционная коллегия в составе: Моисея Ионовича Лисовского, Моисея Марковича Харитонов и меня. И на первом же заседании нашей коллегии мы решили открыть кампанию за энергичную борьбу против поднимавшей голову контр-революции. На убийство наших вождей наш ответ — массовый террор.

В эти дни «Красная газета» была боевым набатом, который будил и поднимал на борьбу рабочий класс. Много времени прошло с тех пор, но эти дни, насыщенные горечью тяжелой утраты и пламенем борьбы, ярко стоят в моей памяти.

* * *

Убийство т. Володарского толкнуло нашу партию на усиление репрессий против поднимающей голову контр-рево-

люции. Обыски и аресты участились. Надо было, с одной стороны, раскрыть виновников убийства Володарского, с другой стороны, предупредить возможность повторения таких покушений в будущем. На Петроградскую чрезвычайную комиссию и в частности на ее председателя Моисея Соломоновича Урицкого легла тяжелая задача. И нужно сказать, что Урицкий проявлял в этом отношении огромную энергию.

Практика работы показала, что значительная часть заговоров и попыток к перевороту зарождалась в бывшей офицерской среде. Только небольшая часть бывших офицеров честно и преданно служила нам. Большинство же их являлось самыми непримиримыми нашими врагами.

В начале июля мы произвели учет и регистрацию бывших офицеров, проживающих в Ленинграде. Присутствуя на этой регистрации, можно было воочию убедиться, что из себя представляет эта «высокообразованная» публика.

«Стоя в очереди в одном из районных комиссариатов» — пишет некий Алексей В-р,¹ — я с нескрываемым изумлением наблюдал за тем, что происходило вокруг меня. С удивлением слушал я эти попрежнему дерзкие и нелепые разговоры: тут и «жиды, погубившие Россию», «дураки, играющие в солдаты» и т. д. и т. д. Все та же, прожужжавшая уши контр-революционная ругань! Все те же навязшие в зубах буржуазные «словечки»!

Сколько в этих разговорах прежней мерзости, заносчивости и преле... глупости!

Вызывающие фразы вроде: «Ну, меня-то уж не заберут! Плевать мне на их регистрацию!» чередовались с презрительными взглядами в сторону тут же работающих или проходящих мимо красноармейцев.

Повидимому, ни время, ни испытания ничему этих господ не научили. Все та же кастовая слепота, все то же упорное нежелание считаться с действительностью».

После этой регистрации для всех нас стало ясно, что бывшее офицерство мы должны держать под самым строгим и неусыпным нашим наблюдением.

¹ Статья «Среди бывших» в № 142 (368) от 7 июля 1918 г. «Петроградской правды».

Но Урицкий сделал еще лучше. В один прекрасный день он произвел массовый арест всех проживающих в Петрограде бывших офицеров. Я узнал об этом потому, что, придя утром в комиссариат, обнаружил отсутствие целого ряда своих сотрудников. От родственников же их я узнал, что все они арестованы Урицким. Я немедленно позвонил Урицкому. «Что же это, вы скоро меня совсем без сотрудников оставите?» — спросил я. — «Подождите, — смеясь ответил Урицкий: — я и до вас доберусь. Вы ведь тоже бывший офицер». — «Нет, кроме шуток, освободите вы их или нет?» — «Освобожу, освобожу, успокойтесь. Они просто в общую массу попали. Представьте мне список тех, которые у вас работают, и я их немедленно выпущу».

В тот же день арестованные наши сотрудники благополучно вернулись к исполнению своих обязанностей.

* * *

Арест бывших офицеров взбудоражил всю контр-революционную клоаку Петрограда. Видно было, что Урицкий наступил ей на самую любимую мозоль. Вскоре не стало в Петрограде для белогвардейцев более ненавистного имени, чем имя т. Урицкого.

Среди обывателей начали распространяться слухи о том, что Урицкий, якобы, является в высшей степени жестокосердным и кровожадным человеком, что он чуть ли не самолично пытается заключенных.

Все это, конечно, в глубочайшей степени вздор. Кто знал т. Урицкого, может подтвердить, что не было человека более мягкого и отзывчивого, чем т. Урицкий. Когда он еще вступал в обязанности комиссара внутренних дел Петроградской трудовой коммуны и председателя Петроградской чрезвычайной комиссии, он мечтал о том, что в Петрограде не будет произведено ни одного расстрела. В марте

1918 г. по его предложению Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны вынес постановление, что никакие расстрелы на территории Петрограда недопустимы — даже в отношении к тяжким преступникам. Жестокая действительность заставила его перейти на путь репрессий. Но и тогда он всячески стремился избежать пролития крови и в целом ряде случаев отстаивал применение более мягких способов наказания. В обыденной же жизни Урицкий был славным и добрым товарищем.

Но предательская пуля ослепленного ненавистью белогвардейца не знает пощады. Урицкому пришлось быть второй после Володарского жертвой, павшей на своем боевом посту.

Любопытно, что Урицкий сам отчасти способствовал успеху произведенного на него нападения. Как раз незадолго до убийства он снял наружную охрану, которая стояла на страже у помещения Комиссариата по внутренним делам. Он заявил, что к нему, как представителю советской власти, должен быть открыт свободный доступ для всех желающих его видеть. О личной же своей безопасности он нисколько не заботился. И как же он был наказан!

В день убийства я, как всегда, довольно рано пришел в помещение комиссариата. Но не успел я развернуть лежащие на столе бумаги, как в кабинет ко мне ворвался какой-то взволнованный человек: «Ради бога! — закричал он: — Нет ли у вас врача? Сейчас стреляли в Урицкого. Он ранен!»

Я вскочил с кресла: «Как? Урицкий?» Слова застряли у меня в горле.

Как раз незадолго до этого происшествия я установил в нашем комиссариате постоянное дежурство врача. Теперь это оказалось как нельзя более кстати. Через две секунды дежурный врач был уже у меня, а еще через мгновение он вместе с посланцом бегом направился в находящийся рядом с нами Комиссариат внутренних дел.

Однако наша спешка ничему уже помочь не могла. Пу-

ля убийцы пробила голову т. Урицкому, и наш врач пришел только для того, чтобы констатировать его смерть.

Заведующий агентурой военного контроля Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны И. В. Духвинский-Осипов.

(Фотография 1918 г. А. Ф. Ильина-Женевского.)

Что же случилось с убийцей? Совершив свое злодеяние, он вскочил на заранее приготовленный велосипед и попытался скрыться. Это заметил наш заведующий агентурой военного контроля т. И. В. Духвинский-Осипов. Он остановил ка-

кой-то проезжавший мимо автомобиль и бросился в погоню. Вскоре число преследователей увеличилось. Спасаясь, убийца бросился в дом, принадлежавший Петроградскому английскому обществу. Здесь он был окружен и после короткой перестрелки арестован. Он оказался членом партии эсеров студентом Канегиссером.

Арест убийцы еще раз подтвердил, что партия эсеров вступила на путь прямой вооруженной борьбы с нами. С другой стороны, было ясно участие в этом деле английского империализма. Не случайно убийца пытался скрыться в доме, находившемся под протекторатом английской миссии, и не случайно в этом доме на него была накинута солдатская шинель, которая должна была помочь ему скрыться. Чувствовалось, что организацией убийства руководили чьи-то опытные руки.

Вечером этого дня к нам пришло еще более потрясающее известие. В Москве было произведено покушение на Ленина. Владимир Ильич ранен! От этого известия у нас буквально захватило дух. Куда было дальше идти? Нужно себе представить ту огромную, благоговейную любовь, которую все мы чувствовали по отношению к нашему вождю т. Ленину. Ленин! Это имя светило нам и вдохновляло нас на нашу трудную работу. Под знаменем Ленина мы свергли власть буржуазии, власть денежного мешка, и приступили к построению социалистического строя. И вот на такого человека поднялась рука эсеровского белобандита!

Смерть! Беспощадная смерть всей белогвардейщине должна быть нашим ответом на эти злодеяния. На белый террор контр-революции мы должны ответить красным террором! Они убивают наших вождей, мы вырвем с корнем весь их подлый класс! Такие лозунги засверкали во всех резолюциях рабочих собраний, на всех знаменах рабочих демонстраций.

Приговор был произнесен. То, чего так не хотел и против

чего так усиленно боролся т. Урицкий, стало реальным фактом. Мы вступили в полосу красного террора.

Первым шагом Петроградской чрезвычайной комиссии в ответ на убийство т. Урицкого был расстрел 512 белогвардейцев. Но этого мало. Надо было как-то предупредить возможность повторения подобных покушений в будущем. Для этого Петроградская чрезвычайная комиссия опубликовала огромный список арестованных великих князей, сановников старого режима и просто белогвардейцев, которые объявлялись заложниками. «Мы заявляем,—писалось в обращении Петроградской ЧК,— что, если правыми эсерами и белогвардейцами будет убит еще хоть один из советских работников, нижеперечисленные заложники будут расстреляны». Нужно сказать, что это, повидимому, возымело свое действие. Работа всякого рода тайных белогвардейских организаций продолжалась, но террористических актов уже не было.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Левые эсеры и большевики. — Убийство графа Мирбаха. — Восстание левых эсеров. — Левые эсеры в нашем комиссариате. — Перов. — Провокация печати. — Тревожные дни. — Восстание в Ярославле. — Убийство т. Нахимсона. — Первая мобилизация коммунистов. — Подготовка общей мобилизации. — Ее противники. — Мобилизация объявлена. — Я тоже призываюсь. — Наш демократизм. — Выступление мобилизованных моряков. — Мы обороняем наш комиссариат. — Чуть не расстреляли китайцев. — Ликвидация выступления.

Помимо террористических актов, были и отдельные вооруженные выступления, с которыми нашему комиссариату приходилось сталкиваться.

Одним из таких выступлений явилось восстание левых эсеров, принявшее довольно крупные размеры в Москве и лишь отчасти у нас. После заключения Брестского мира противники его и, в первую очередь, левые эсеры далеко не успокоились. В Брестском мире они видели прямое предательство советской власти по отношению к западно-европейскому пролетариату. Они полагали, что, продолжая войну с империалистической Германией, Советская Россия еще больше осложнит международное положение и поможет развязыванию пролетарской революции в Европе и прежде всего в Германии. Такой взгляд был, конечно, в корне ошибочным. Они не учитывали того, что уже одно существование Советской республики является крупнейшим ре-

волюционным фактором. Нашей задачей должно было являться укрепление этой Республики, а не ослабление ее. Между тем, война, которую мы в силу экономических причин не в состоянии были вести, вызвала бы окончательное разложение и распад нашей страны и привела бы в конечном итоге к крушению советской власти, а вместе с нею и надежд на скорое приближение мирового Октября.

Дальнейшее разворачивание событий показало, насколько прав был тогда Центральный комитет нашей партии во главе с т. Лениным. Но в то время точка зрения левых эсеров находила еще своих сторонников. Из небольшой сравнительно группы левые эсеры после Октябрьского переворота выросли в довольно значительную по количеству членов политическую партию. Мы сами немало содействовали укреплению влияния левых эсеров, предоставляя им места в правительстве и всячески привлекая их к нашей советской и общественной работе. В своих воззваниях мы называли левых эсеров партией деревенской бедноты, подымая этим ее общественное значение. Между тем, это далеко не соответствовало действительному положению вещей. По существу, партия левых эсеров была насквозь интеллигентской партией. Она отражала собою психологию колебнувшегося в сторону революции мелкого буржуа.

Кажущиеся успехи партии левых эсеров вскружили голову ее руководителям. Они возомнили себя своего рода мессиями, которым суждено спасти революционную честь российского пролетариата, а именно бросить его в вооруженную борьбу с западно-европейским империализмом. Для этого, думали они, все средства хороши. И, не считаясь с реальной обстановкой, они вступили на путь прямого авантюризма.

Первым шагом в этом направлении было убийство в Москве 7 июля 1918 г. германского посла графа Мирбаха. Этот факт должен был явиться своего рода зажженной спичкой, брошенной в пороховой погреб войны.

Но левые эсеры не ограничились этим. В тот же день они подняли вооруженное восстание, используя при этом все те средства, которые предоставила им советская власть и наша партия. Это было ничем не прикрытым предательством, за которое впоследствии партия левых эсеров заплатила своим собственным существованием. Политическая смерть — таков был ее дальнейший удел. Прошло каких-нибудь полгода и от партии левых эсеров не осталось и следа. Как будто железная метла вымела ее с политической арены.

* * *

У нас в Петрограде восстание левых эсеров приняло значительно меньший размах, чем в Москве. Причиной этому явилась наша быстрота и решительность. Едва мы получили из Москвы по прямому проводу сведения о начавшемся там восстании, мы поняли, что нам надо делать. Конечно, петроградские левые эсеры попытаются поддержать своих московских товарищей! Их выступления можно ожидать с минуты на минуту. Мы должны во что бы то ни стало опередить их. Нельзя терять ни одного мгновения. Сейчас же нами был вызван военный комиссар одного из районов, Миничев, на которого мы возложили руководство всей операцией. В его распоряжение были переданы надежные наши части. И не успели левые эсеры моргнуть глазом, как их центральный штаб — Пажеский корпус — оказался в плотном кольце наших войск.

Промедли мы немного — и выступление левых эсеров могло бы состояться. Их отряды были в полной боевой готовности. На наше предложение сдаться они ответили не только ружейным, но и артиллерийским огнем. От огня левых эсеров больше всего пострадали революционные печатники 5-го номерного батальона. Всего при осаде Пажеского корпуса убито было около 10 и ранено около 40

красноармейцев. Со стороны же левых эсеров убитых не было. Было только двое раненых.

Через полчаса после начала перестрелки левые эсеры выбросили белый флаг и заявили, что, если им будет гарантирована личная неприкосновенность, они сдаются. Условия эти были приняты, и левые эсеры сдались. Так закончилась эта печальная страница революционных событий того времени.

* * *

После ликвидации мятежа левых эсеров Петроградский совет 10 июля, по предложению военной секции, постановил, что «те красноармейцы и матросы, которые совершенно определенно не осудят лево-эсеровского мятежа, считаются исключенными из рядов армии и флота».

В связи с этим перед нашим комиссариатом встал вопрос, как быть с нашими сотрудниками, принадлежащими к партии левых эсеров. Увольнять их или нет? Все они, нужно сказать, никакого участия в мятеже левых эсеров не принимали. В результате было решено опросить каждого из них лично и уволить только тех, которые проявят в достаточной степени враждебное к нам отношение. Тех же, которые осудят лево-эсеровскую авантюру, оставить в числе сотрудников. Так и было сделано.

При опросе почти все наши левые эсеры самым решительным образом заклеили образ действий своего ЦК, а некоторые из них даже выступили из партии и подали заявление о своем желании вступить в ряды РКП(б).

Было однако и непримиримые.

В особенности запомнился мне один из них, некто В. Н. Перов. Мы с ним были в приятельских отношениях, и он зачастую заходил ко мне побеседовать по тому или иному вопросу. Теперь же он был в очень возбужденном состоянии. В ответ на вопрос об его отношении к мятежу левых эсеров

он сунул мне под нос газету и сказал: «Прочтите-ка это сообщение!» Я прочел. В газете стояло:

«Об охране немецкого посольства.

Сегодня состоялось первое заседание ЦИК нового созыва.

С заявлением выступил председатель Совета народных комиссаров Ленин, заявивший, что германским правительством предъявлено советскому правительству требование о вводе в Москву германского батальона для внутренней охраны германского посольства.

Ленин просил санкции ЦИК.

Санкция была дана единогласно».¹

«Видите, до чего вы дошли! — воскликнул Перов, тыкая пальцем в газету: — Вы уже немцев к себе пускаете. Немецкий отряд в Москве! Этого еще не хватало! Нет, видно, нам с вами не по дороге!» И он выбежал из кабинета, хлопнув дверью.

После его ухода я протер глаза и еще раз перечел сообщение. Да, я не ошибся, в газете черным по белому было напечатано, что советское правительство согласилось на введение в Москву немецкого отряда. Сильное волнение охватило меня. Я знал, что охрана иностранными войсками своих посольств существует только в такой порабощенной иностранным империализмом стране, как Китай. Неужели мы дожили до такого унижения? Неужели мы так слабы, что принуждены подчиняться даже таким наглым требованиям германских разбойников? Весь этот день я ходил как в тумане.

Только на следующий день я получил разъяснение. Телеграмма оказалась провокационной. Каким образом она попала в советскую печать, для меня до сих пор продолжает оставаться загадкой. Дело было как раз наоборот. На требование германского правительства ввести в Москву свой отряд советская власть ответила решительным отказом. У всех отлегло от сердца. Но опять

¹ «Петроградская правда» № 143 (375) от 16 июля 1918 г.

возник вопрос,— не явится ли этот отказ, равно как и убийство графа Мирбаха, поводом для объявления нам Германией войны? Судьба нашей республики снова начала висеть на волоске.

Каждый день мы переходили от опасения к надежде. Неужели злой рок опять ввергнет в войну нашу измученную, израненную страну? Неужели мы так и не получим передышки для мирного строительства?

Вскоре пришли успокоительные известия. Германии в это время, видимо, было не до нас. Все ее взоры устремлялись на франко-английский фронт, где она напрягала последние усилия, чтобы не оказаться побежденной. И, услышав наш ответ, она свое требование о посылке отряда в Москву спрятала в карман. Она отказалась от этого требования. Узнав об этом, мы воспрянули духом.

* * *

Почти одновременно с выступлением левых эсеров вспыхнуло уже неприкрытое белогвардейское восстание в Ярославле. Мятежникам удалось на несколько дней завладеть городом. Для ликвидации этого восстания пришлось отправить туда довольно значительные военные силы. Город был осажден, и белогвардейская клика при помощи ураганного артиллерийского огня принуждена была к сдаче. Быстрая ликвидация восстания обязана, главным образом, энергичному поведению нашего военного командования. Здесь мы уже не церемонились так, как раньше. Мы понимали, что каждый день проволоочки грозит неисчислимыми бедствиями нашей Республике. И наша артиллерия билась и по церквям и по зданиям — всюду, где засела хотя бы группа восставших контр-революционеров. Когда наши войска вступили в город, они могли убедиться в меткости нашего артиллерийского огня. Улицы тех мест, которые являлись центром восстания, представляли собою груды развалин.

В Ярославле во время восстания был убит ярославский окружной военный комиссар, старый питерский работник, доктор Семен Михайлович Нахимсон. Согласно постановлению партийных организаций, тело его было отправлено в Петроград для предания земле на Марсовом поле, рядом с другими нашими погибшими товарищами. Мы все знали и любили т. Нахимсона, и потому провожать его собралось огромное количество народа. Похоронная процессия растянулась на целую версту. Над открытой могилой по общей нашей традиции были произнесены надгробные речи. Особенно блестящую, незабываемую речь произнес т. М. М. Лашевич. Он заметил, что родственники покойного горько плачут. И, обращаясь к ним, он сказал: «Не плачь, отец, не плачь, мать!¹ Не плакать вы должны, а радоваться. Ваш сын умер завидной смертью подлинного бойца-революционера, в борьбе за то великое дело, которому он служил всю свою жизнь. Завтра я отправляюсь на фронт. И я даю здесь Аннибалову клятву, что не одна белогвардейская голова свалится за голову вашего сына».

Эти слова пламенной речи т. Лашевича как-то особенно врезались в память. Мы стояли перед открытой могилой т. Нахимсона и думали о том, сколько жизней наших дорогих товарищей унесет еще с собою беспощадная смерть. Гражданская война разгоралась, и фронт требовал пополнений и рядовыми красноармейцами и ответственными работниками. Т. Лашевич над могилой убитого Нахимсона сказал, что завтра он отправляется на фронт. Это была первая наша мобилизация коммунистов, ответственных работников. Вместе с М. М. Лашевичем Петроградский комитет отправлял на фронт около 300 человек ответственных работников, членов партии. Для фронта надо было жертвовать лучшими нашими силами.

---

¹ За отца Нахимсона т. Лашевич, очевидно, принял его старшего брата, присутствовавшего на похоронах. Отец его умер еще в 1908 г.

Помню, как в эту же ночь я был разбужен звуками военного оркестра. Я соскочил с кровати и подбежал к окну. Было еще совсем темно. Пустынные улицы спали предутренним сном. По Морской, медленно сворачивая на Вознесенский проспект, двигалась небольшая колонна войск. Это были товарищи, отправляющиеся на фронт. Звуки марша гулко нарушали ночную тишину. Затем колонна стала удаляться. Все тише и тише слышны были голоса медных труб оркестра, пока, наконец, совсем не потонули в предрассветной мгле. Мне стало так грустно, грустно. Казалось, что какая-то частица моего сердца оторвалась и унеслась туда, куда шли на подвиг и, быть может, на смерть мои товарищи.

* * *

Наряду с мобилизацией коммунистов было решено перейти и к общей мобилизации всех трудящихся. Добровольческий принцип не оправдал себя. Он не давал возможности построить такую армию, которая была нам нужна. Если первое время приток добровольцев был велик, то впоследствии он начал становиться все меньше и меньше. Между тем, фронт усиленно требовал пополнений.

К проведению мобилизации мы стали готовиться заранее. В той обстановке это было очень трудное и сложное дело. Прежде всего надо было подготовить к нему общественное мнение. Это было тем более трудно, что некоторые, даже ответственные работники, категорически высказывались против введения воинской повинности, считая ее буржуазной, недопустимой для пролетарского государства мерой. Приведу, например, такой отрывок из статьи т. С. И. Гусева, написанной им в середине апреля, т. е. незадолго до введения воинской повинности.¹

---

¹ Статья «О социалистической дисциплине» в газете «Рабочая и крестьянская Красная армия и флот» № 64 (109) от 18 апреля 1918 г.

«Не курьез ли, в самом деле,— пишет т. Гусев:— что по всем этим (буржуазным. А. И.-Ж.) газетам на днях разгуливало сообщение о том, будто Совет народных комиссаров решил ввести принудительную воинскую повинность. «Речь» по этому случаю размечталась даже на целую передовицу о «воссоздании» армии и, тряхнув стариной, провозгласила, что целью всякой армии является «защита отечества», «общего для всех отечества». Всеобщее обязательное обучение военному делу на началах народной милиции «Речь» смешала с буржуазной (подчеркнуто мною. А. И.-Ж.) принудительной воинской повинностью, создание новой социалистической армии спутала с «воссозданием» буржуазной армии».

Здесь т. Гусев обнаружил не только неосведомленность, но и резко отрицательное отношение к принудительной воинской повинности, которая вскоре стала для нас очередной задачей дня. Такое отношение к введению воинской повинности встречали мы у целого ряда товарищей. Необходимо было преодолеть эту точку зрения. Но главная трудность была в том, чтобы объяснить населению и в особенности крестьянству необходимость и неизбежность мобилизации. Здесь мы наталкивались на огромное сопротивление. Все были утомлены войной и военной службой. Только сознательная часть пролетариата понимала необходимость и неизбежность этой меры.

Наконец, к введению воинской повинности нужно было подготовиться и организационно. Мало было объявить призыв определенных годов. Надо было обеспечить явку призываемых. А для этого произвести предварительный учет, организовать призывные пункты, привлечь врачебный состав для медицинского освидетельствования призываемых и т. п.

Все это потребовало организации у нас специального отдела — мобилизационного, заведывать которым был приглашен знаток мобилизационного дела, военный специалист, по фамилии, если не ошибаюсь, Быков. Работа этого отдела протекала под непосредственным руководством т. Позерна,

который почти каждый день вызывал к себе т. Быкова для доклада.

Наконец, 5 июля в петроградских газетах был объявлен декрет Совнаркома о призыве петроградских рабочих, родившихся в 1896 и 1897 гг. Такого же рода призыв был произведен незадолго до того в Москве.

В развитие этого декрета, мы опубликовали свой приказ, в котором первым днем призыва был назначен день 17 июля.

Наконец, наступил и этот знаменательный для нас день. С раннего утра на призывные пункты потянулись вереницы рабочих. У столов, за которыми происходила запись призываемых, быстро образовались длинные очереди. Однако ни шума, ни суеты не было. Чувствовалось сознание рабочими важности исполняемого долга.

Судя по количеству пришедших на призыв, можно было считать, что мобилизация прошла успешно. Определить же точный процент явившихся мы не могли, так как предварительный учет не был нами закончен.

Приблизительно через месяц мы объявили призыв трех следующих возрастов—1895, 1894 и 1893 гг. Днем явки было назначено 12 августа. Этот призыв непосредственно коснулся и меня, как родившегося в 1894 г. И хотя я и состоял ответственным сотрудником Военного комиссариата, но, согласно нашему приказу, обязан был явиться на сборный пункт. Получалась курьезная вещь. Я должен был явиться на сборный пункт, подчиняясь мною же подписанному приказу.

По существу явка моя на призыв была пустой тратой времени, так как районный комиссариат без согласия т. Позерна ничего не мог со мной сделать. Выполнить же все необходимые формальности я мог и у себя в комиссариате, не вставая с кресла. Тем не менее я, исходя из этических соображений, считал себя обязанным явиться на призыв. Раз это общегражданская повинность, никаких исклю-

чений быть не должно. Являются все — и я должен явиться.

Так рассуждал не только один я, но и все мы. Я уверен, что если бы был объявлен призыв года рождения Позерна, то явился бы и Позерн. Насколько мы тогда считали себя обязанными подчиняться общим правилам, показывает следующий случай.

Как-то Позерн забыл дома свой пропуск для входа в комиссариат. Часовой внизу отказался его пропустить. «Что вы, товарищ! — воскликнул Позерн: — Разве вы меня не знаете? Ведь я же Позерн!» — «Я вас прекрасно знаю, товарищ Позерн, — ответил часовой: — но согласно инструкции без пропуска пропустить не могу». Потребовалось специальное мое вмешательство, чтобы Позерн был пропущен в комиссариат. Несмотря на то, что Позерну пришлось простоять некоторое время внизу, он несколько не был в обиде. Наоборот, он очень хвалил часового за знание инструкции и исполнительность.

Итак, я вместе со всеми трудящимися Петрограда явился на призывной пункт. Здесь я мог воочию убедиться и в большом количестве явившихся на призыв, и в том, что организационная сторона налажена более или менее удовлетворительно. Несколько поверхностным показался мне медицинский осмотр, зато вся процедура, вместе со стоянием в очереди, отняла у меня времени немного более часу.

Как работник Военного комиссариата, я был освобожден от явки в казармы. Комиссия по приему отметила только на моем удостоверении, что я принят на учет, как военнообязанный, и должен в дальнейшем продолжать свою службу в Военном комиссариате в обязательном порядке. Я невольно улыбнулся, прочтя эту надпись. Из партийно-обязанного я превратился в военнообязанного. Какая «огромная» разница!

* * *

Восстание левых эсеров, о котором я только что говорил, имело еще свой отклик, но уже значительно позднее — 14 октября 1918 г. В этот день состоялось выступление мобилизованных моряков 2-го Балтийского флотского экипажа.

Лево-эсеровская организация решила воспользоваться большим скоплением мобилизованных моряков в помещении казарм 2-го флотского экипажа и повела среди них агитацию за поднятие нового мятежа против советской власти. Агитация велась очень умело. Нападки велись не против общего принципа советовластия, а против Совета народных комиссаров, который, дескать, ведет неправильную политику.

14 октября на площади перед Мариинским театром (ныне Государственный театр оперы и балета) состоялся самоchinный митинг мобилизованных матросов в количестве около трех тысяч человек, на котором была принята следующая любопытная резолюция:

Мы, мобилизованные моряки 2-го Балтийского экипажа, принимая во внимание серьезность переживаемого момента, когда хищники мирового империализма извне и контр-революция изнутри стремятся задушить социальную революцию, все как один человек с оружием в руках готовы встать на ее защиту. Вот почему мы, революционные моряки, шедшие всегда в авангарде революции, требуем вооружения и объединения всех военных моряков в единую мощную боевую силу для отпора наглým контр-революционерам. Но мы хотим быть уверены, что наши жертвы пойдут на алтарь революции, на благо всех трудящихся, что нас не постигнет судьба Черноморского флота, благодаря соглашательству выданного германскому империализму. Мы требуем немедленного разрыва позорного для революционного народа Брестского договора. Мы требуем отказа от уплаты миллиардных контрибуций натурой и деньгами. Мы считаем своей обязанностью идти на помощь восставшей Украине и вырвать из рук германских хищников хлеб, уголь и нефть. Ибо в Советской России царит голод, нет хлеба, фабрики и заводы закрываются за неимением угля и нефти. Отзыв же значительной части оккупационных войск из Украины дает все шансы на победу советских партий и будет большим преступлением пред трудящимися Украины и перед народным социа-

листическим движением, если изгнание германских войск из Украины и их ставленника Скоропадского возьмут на себя и осуществят в интересах закрепления буржуазной революции правые социалистические партии при помощи англо-французских штыков. Вместе с тем, мы, моряки, только что вернувшиеся от плуга и станка, не можем умолчать о том, как стонет всюду трудовой народ от произвола и насилия наемных чиновников-комиссаров. Мы на себе испытали разгон съездов рабочих и крестьянских советов и арестов. Мы видели избияния зачастую невинных рабочих, крестьян и матросов и расстрелы. Власть комиссаров не доверяет трудовому народу — крестьянству и рабочим, разгоняет их трудовые советы, заменяя их своими назначенцами. Мы требуем прекращения разгонов подлинных рабочих и крестьянских советов. Мы требуем прекращения гонений против наших избранных. Мы требуем восстановления истинной власти Советов. Мы требуем предоставления крестьянам и рабочим свободного выбора представителей в свои трудовые органы. Мы требуем немедленного освобождения всех наших товарищей моряков, безвинно томящихся в тюрьмах. Мы требуем, чтобы виновных моряков судил Военно-морской трибунал, избранный из нашей собственной среды. Для объединения всех военных моряков и для защиты их интересов мы требуем немедленного созыва VI военно-морского съезда. Мы требуем, чтобы наши силы не были распялены на отдельные мелкие отряды, но чтобы все военные моряки были отправлены на фронт как единая, целая боевая единица. Да здравствует подлинная власть крестьянских и рабочих Советов. Да здравствует единение трудящихся всех стран! Долой Брестскую петлю! Да здравствует международная социальная революция!

Подписал председатель данного митинга *Шокли*.

За секретаря *Осокин*.

Лево-эсеровский характер этой резолюции особенно ярко проявляется в ее постановке вопроса о Брестском мире. Здесь мы видим тот же лозунг разрыва Брестского договора и объявления «священной» войны германским империалистам, который являлся постоянным коньком партии левых эсеров. Фраза о «произволе и насилии наемных чиновников-комиссаров» носит уже прямо погромный, контрреволюционный характер.

Приняв эту резолюцию, моряки ворвались в помещение

Мариинского театра, где в это время шла опера Вагнера «Валкирия», и потребовали прекращения спектакля. Они заявили, что берут с собою часть оркестра, который им нужен для демонстрации против Совета народных комиссаров. Духовой оркестр в составе 18 человек подчинился требованию и вышел на площадь. Имея, таким образом, впереди себя оркестр, демонстрация двинулась по направлению к Морской улице.

Мы в нашем Военном комиссариате долгое время ничего об этом не знали. Никого из членов коллегии в комиссариате не было. Я, закончив часов около 9 свои текущие дела, пошел домой перекусить что-нибудь. Все было тихо, и ничто как будто не предвещало собирающихся над нами туч. Идя по Морской, я услышал отдаленные звуки оркестра. В этом также не было ничего странного или необычного. Вероятно, какой-нибудь отряд отправляется на фронт, подумал я.

Но на углу Морской и Гороховой улиц я неожиданно встретил одного из наших сотрудников, Конге, брата заместителя начальника канцелярии. Он стремглав мчался мне навстречу. Увидев меня, он сейчас же подбежал ко мне и в волнении сообщил о начавшемся выступлении моряков. Оказывается, он был в Мариинском театре на опере, и захват демонстрантами оркестра произошел на его глазах.

Нужно было предпринимать какие-то меры. Бегом мы побежали в комиссариат и в какие-нибудь 2 — 3 минуты были уже там. Ни Позерна, ни Богатина попрежнему нигде не было. Я посадил дежурного по комиссариату за телефон и сказал ему, чтобы он не вставал до тех пор, пока не разыщет кого-нибудь из них. Затем я позвонил в Военный комиссариат 2-го городского района, на территории которого произошло выступление, и спросил, знают ли они что-нибудь о происходящем. Военный комиссар был уже в курсе дела и сообщил мне некоторые подробности. «Что предпринимать?»—

спросил он меня. «Поставьте под ружье некоторые наиболее надежные части и вышлите разведку и агитаторов. Пусть разведка определит характер этого выступления и намерение его руководителей. Когда эти сведения к вам поступят, немедленно сообщите их мне. К активным действиям прибегайте только в случае явного нападения».

Мое распоряжение было проникнуто духом осторожности. Применять сразу крутые меры мне казалось нецелесообразным. Быть может, думал я, нам еще удастся ликвидировать это дело мирным порядком.

Однако надо было на всякий случай принять меры и к защите нашего комиссариата. Вместе с комендантом т. Андерсоном я мобилизовал нашу охрану. Стрелки заняли удобные для обстрела позиции. В окнах нижнего этажа были расставлены готовые к действию пулеметы. Я подумывал и о том, не поставить ли парочку пулеметов на крыше, но потом отказался от этого намерения. Пулеметы на крыше не оправдали себя в момент Февральской революции. Получается слишком малый угол обстрела. Городовые, которые тогда по распоряжению министра внутренних дел Протопопова заняли чердаки во многих пунктах города, не могли причинить своим пулеметным огнем серьезного ущерба восставшим частям гарнизона.

Для того, чтобы усилить нашу охрану, я предпринял еще следующее. Собрав коммунистов, наших сотрудников, которые случайно оказались у нас в комиссариате, я распределил их по количеству имеющихся у нас пулеметов, с таким расчетом, чтобы у каждого пулемета, помимо красноармейца, находился один коммунист. В задачу этого коммуниста входило — до начала боя побеседовать с пулеметчиком, разъяснить ему смысл совершающихся событий и поднять его настроение; во время боя — принять на себя некоторую долю руководства. Когда я в последний раз лично обошел

все пулеметные установки, все люди уже были на своих местах и готовы к отражению неприятеля.

В это время мне сообщили, что меня к телефону вызывает т. Зиновьев.

«Где Позерн и Богатин?» — спросил он меня взволнованным голосом. «Не знаю. Их здесь нет». — «А вы знаете, что в городе восстание?» — «Пока мы выясняем обстановку». Зиновьев вскипел: «Да здесь не выяснять надо, а действовать оружием!» — закричал он нервно-повышенным тоном.

В этот момент в мой кабинет быстро вошел Богатин. Он запыхался. Видно было, что он тоже буквально прибежал сюда бегом. Дежурный по комиссариату в конце концов разыскал его и вызвал в комиссариат. «Вот кстати здесь Богатин, — сказал я Зиновьеву: — сейчас я передаю ему трубку».

Богатин плюхнулся в кресло и схватил трубку: «Да, да, — проговорил он через минуту: — подавить это мы можем. Но надо только предварительно связаться с морским командованием. Начать активные операции без согласия с ними неудобно. Ведь там матросы. Вы не знаете, где сейчас Флеровский?» Флеровский, Иван Петрович, был в это время комиссаром Балтийского флота. Но ни Зиновьев, ни кто другой не знал, где в это время находился Флеровский. Мы тщетно звонили ему, разыскивая его по всему городу.

Только позднее я узнал, что делал Флеровский в это время. Он пытался выступать перед бунтовщиками, но был схвачен ими, арестован и едва не расстрелян. Спас его случайный выстрел, который раздался поблизости. Толпа разбежалась, и Флеровский получил свободу.

Пока Богатин разговаривал с Зиновьевым, ко мне прибежал красноармеец нашей караульной команды и сообщил потрясающую новость: по Миллионной улице, направляясь в нашу сторону, движется вооруженный отряд красноармейцев-китайцев. Кто дал им распоряжение двигаться к

нам? Запросили оперативную часть, потом Богатина — никто. Очевидно, это тоже восставший отряд, который заходит с тыла, имея намерение захватить наш комиссариат. Итак, мы сейчас подвергнемся нападению. Был отдан приказ — готовься к бою. Стрелки схватились за винтовки, пулеметчики припали к пулеметным станкам. Кто-то принес груды винтовок, и мы немедленно распределили их по количеству свободных сотрудников комиссариата. Еще мгновение — и мы открыли бы убийственный огонь, превратив китайский отряд в груды крови и мяса.

Но в этот момент кому-то пришла счастливая мысль позвонить в штаб северного фронта, и там мы узнали, что это *их* отряд и движется он по *их* приказанию. Все военные приготовления были немедленно отменены. Оказывается, узнав о выступлении моряков, штаб Парского тоже заволновался и решил усилить свою охрану. Но так как этому штабу были подчинены исключительно части, находящиеся на фронте, то он вызвал то, что находилось в данный момент у него под руками — понтонный батальон китайцев. Нас же он не нашел нужным уведомить об этом. Мы ругали Парского и его штаб самыми последними словами; благодаря несогласованности его действий с нами могло получиться самое нелепое, кровавое побоище.

Когда этот инцидент оказался исчерпанным, Богатин решил поехать в военный комиссариат 2-го городского района, чтобы оттуда лично руководить операцией против мятежников. Мы установили с ним связь и почти каждые полчаса обменивались информацией. Сведения, которые он сообщил нам, носили все более и более успокоительный характер. Выступившие матросы, увидев, что против них мобилизуются военные силы, сами вернулись в свои казармы. Делегации, которые были посланы ими на военные корабли за поддержкой, вернулись ни с чем. Сочувствующих их выступлению было очень мало.

Без труда удалось оцепить их казармы. Революционный отряд моряков вступил внутрь и здесь наткнулся на забавную картину. Как нашалившие школьники, матросы улеглись в кровати и притворились спящими. Без сопротивления отдали они свое оружие и не заявили никакого протеста, когда их лево-эсеровские главари были арестованы.

Так закончилась эта история, взбудоражившая нас на один лишь день.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Что значила передышка. — Первый парад Красной Армии. — Революция в Германии. — Дежурства ответственных работников нашего комиссариата. — Учреждение инспекции. — Инспектор пехоты — предатель. — Военные специалисты двойного рода. — Комиссары отделов. — Лазарев. — Организация бюро военных комиссаров. — Мой конфликт с ним. — Организация юридического отдела и отдела печати. — Предатель Смильг. — Мобилизация буржуазии. — Бегство Смильга в Германию.

Матросы, вдохновляемые левыми эсерами, требовали разрыва позорного Брестского мира и объявления новой войны кровожадному германскому империализму. Мысль о тяжести Бреста нас тоже угнетала. Но ведь зато Брест давал нам передышку. А передышка нужна была нам как воздух, как хлеб. Никто лучше нас не сознавал этого. Пользуясь передышкой, мы незаметно, камень за камнем, строили новую вооруженную силу нашей республики. Как обессиленный, израненный зверь, поправляясь, обрастает новой шерстью, так мы обрастали штыками, приобретая все более и более грозный для наших противников вид. Кровь начинала быстрее бежать в наших жилах.

Помню особенно радостный и праздничный для нас в этом отношении день. Первый парад наших революционных войск.

Сидя у себя в кабинете и канцеляриях среди бумаг и чернил, мы как-то слишком абстрактно мыслили о нашей но-

вой революционной Красной армии. Мы знали, что существуют такие-то полки и батальоны, знали их местоположение, знали их командный состав, знали отдельных красноармейцев, но все это не давало нам реального, осязательного ощущения нашей военной мощи. Впервые мы осознали это и почувствовали себя подлинными именинниками в этот счастливый и торжественный день.

Яркий солнечный день. Позерн и Гиттис вышли на площадь Урицкого встречать войска. Мы с Богатыным остались в комиссариате, но при первых звуках музыки не могли удержаться и бросились к окну, из которого вся площадь Урицкого видна как на ладони. Незабываемое зрелище представилось нашим глазам. С оркестрами музыки и развернутыми знаменами стройно двигались войска, постепенно заполняя собою площадь. Бесконечной чередой шли они. Мерный шаг пехоты сменила волнующаяся лента кавалерии, затем загромыхали пушки. Казалось, не было звука, который мог бы сильнее взволновать нас. Хотелось кричать и прыгать от радости. Вот она — наша армия! Вот то, чего у нас не было и без чего мы должны были бы погибнуть. Она здесь перед нами, мы видим ее, мы чувствуем ее грозное дыхание.

«Да, это — передышка» — задумчиво сказал Богатин. И я подумал: пусть те, кто высказывался против передышки, кто считал, что игра не стоит свеч, придут сюда и посмотрят. Эти бесчисленные колонны полков, которые родились, как феникс из пепла, лучше всяких слов скажут им, нужна ли была нам передышка и что она нам принесла.

В особенности радовал глаз аккуратный внешний вид полков. Как мы отвыкли от этого! При слове «солдат» нам обычно рисовался грязный, растрепанный человек в расстегнутой шинели с болтающимся хлястиком. Таково было военное наследие, доставшееся нам от старой армии. Теперь картина

была уже совершенно другая. Как очарованные, стояли мы у окна, не в силах оторваться от волнующего зрелища.

* * *

Этот момент может сравниться только с другим, еще более радостным моментом. Как сейчас помню его. В один из вечеров, пользуясь свободным временем, я решил развлечься и пошел в театр. Все было как всегда, и ничто не предвещало наступления великого события. Перед началом одного из действий на сцену вышел какой-то человек в куртке и высоких сапогах и сказал: «Товарищи! Сейчас пришли сообщения из Германии. В Германии революция. Вильгельм свергнут. В Берлине образовался Совет рабочих депутатов, который прислал нам приветственную телеграмму».

Трудно передать то, что произошло в театре. Какой-то рев был ответом на слова говорившего. Бешеные аплодисменты несколько минут потрясали театр. Все зашумели, задвигались. Хотелось говорить, говорить без конца. Вот она — поддержка западно-европейского пролетариата. То, во что многие не верили, что казалось таким несбыточным, наконец, стало реальным фактом. Казалось, что все теперь пойдет по-иному. Интерес к спектаклю был как-то сразу потерян. На сцене еще что-то говорили, двигались, пели, но мысли уже были далеко, там, в Берлине, где на улицах красные флаги, где заседает Совет рабочих депутатов, где завязался новый узел мировой пролетарской революции.

И радостно и горько писать об этом. Недолго продолжались красные дни революционного подъема Германии. Предательство социал-демократов сыграло свою подлую роль. Германская революция увяла, не успев расцвести. На смену Германии Вильгельма пришла Германия Гинденбурга. Сменились только одежды, существо же осталось прежним.

* * *

Мятеж мобилизованных матросов заставил нас еще более усилить нашу бдительность. Опыт показал, что у нас в этом отношении не все обстоит благополучно. Ведь когда начался мятеж, в комиссариате не оказалось никого из ответственных работников. Был, правда, дежурный по комиссариату, но он не мог взять на себя такое ответственное дело, как подавление начавшегося восстания. Только случайно т. Конге встретился со мной, и я смог предпринять некоторые первоначальные меры.

Для того, чтобы такие явления в дальнейшем не повторялись, мы решили учредить дежурство ответственных работников. Позерн, Богатин и я по-очереди оставались в помещении комиссариата не только целый день, но и ночь.

Эти ночи дежурства ярко стоят в моей памяти. Шумный днем комиссариат постепенно затихал и успокаивался. Так хорошо и странно было разгуливать по пустым комнатам, где еще недавно кипела и клокотала жизнь. Вместе с людьми куда-то уходили треволнения и заботы минувшего дня. Нервы успокаивались. Организм погружался в состояние блаженного покоя. И как хорошо думалось в это время! Какие приходили интересные и полезные мысли. То, о чем совершенно некогда было думать днем, или что казалось непреодолимо трудным, неожиданно получало свое правильное и логичное разрешение. Сколько раз ночь, проведенная в комиссариате, самым благотворным образом влияла на мою работу следующего дня. Обычно дежурному полагалось своеобразное «угощение»: чай, кусок хлеба и коробка великолепных французских сардин. Этих сардин у нас в комиссариате был большой запас. Они остались нам в наследство от старого, дореволюционного времени. Обычно за работой, чтением и закуской я просиживал до глубокой ночи и только тогда, когда начинали слипаться глаза, подумывал уже и о ночлеге. Ночлег был довольно примитивный. Ложем служил большой кожаный диван

Позерна, привезенный мною в свое время из Главного военно-судного управления. Как он теперь пригодился! Вместо одеяла я употреблял большой кусок красного сукна, закрывавший в обычное время стол Позерна. Он был огромной величины и превосходно грел. Раздеваться, конечно, не приходилось, да это во время дежурства и не полагалось. Чудные, незабываемые ночи!

* * *

Вскоре в организации нашего комиссаритета произошли некоторые изменения. Для усиления руководства нашими, теперь уже довольно многочисленными воинскими частями были учреждены специальные инспекции: пехотная, кавалерии, артиллерии и инженерных войск. Во главе этих инспекций встали опытные военные специалисты. Своим личным объездом и работой сотрудников, состоящих у них для поручений, они выясняли нужды и потребности воинских частей и этим значительно облегчали задачи, стоящие перед нашими отделами формирования и снабжения.

Первым инспектором пехоты был назначен некто Борис Евгениевич Главацкий, бывший полковник или генерал. Его рекомендовал наш военный руководитель В. М. Гитис. Брюнет, среднего роста, с рукой, висящей на перевязи, он производил впечатление энергичного и расторопного человека. Сейчас его уже нет в живых. По сведениям, которые ко мне позднее дошли, он, как и многие другие, о которых я писал уже выше, оказался предателем. Петроградская ЧК установила его связь с белогвардейцами. Он был арестован и вскоре расстрелян.

Во главе инспекции кавалерии встал бывший есаул казачьих войск, Николай Ерофеевич Кирьянов. Он производил очень симпатичное впечатление. Тихий и скромный, он хорошо знал кавалерийское дело и с большим интересом и любовью относился к своей работе. Его выгодно выделяло

среди прочих специалистов то, что он, так же как и Гиттис, никогда не считался с часами своей работы. До позднего времени обыкновенно засиживался он у нас в комиссариате, совершенно не думая о своей личной жизни. А нужно сказать, что это явление у тогдашних военных специалистов было весьма редким. Сколько военных специалистов прошло перед моими глазами, и всегда я наблюдал одно и то же явление. Первым вопросом военспеца, которого мы приглашали на работу, был вопрос об окладе содержания, вторым — о служебных часах. Все они указывали на свое семейное положение и не хотели жертвовать для работы своими удобствами. Некоторые ставили даже в этом отношении специальные условия. Помню, например, как мы приглашали на работу одного видного специалиста, который занял потом в нашем комиссариате высокое положение. Фамилии его я называть не хочу. Он поставил категорическое условие, чтобы его каждый день в определенный, довольно ранний час освобождали, чтобы он мог во-время поспеть к своей семье на дачу. Также и воскресенье он предполагал уделять исключительно своему дачному отдыху. Теперь это требование не кажется чрезмерным, так как жизнь вошла в свою нормальную, мирную колею. Но в то время, время величайшей разрухи и голода, когда мы, окруженные врагами, со стиснутыми зубами, боясь упустить каждый момент, из ничего по частям строили нашу вооруженную силу, это требование звучало как насмешка, как издевательство над нами. Как будто в патетическую симфонию Бетховена ворвался какой-то пошленький, мещанский мотив.

Но специалист был нам очень нужен, и мы, конечно, нисколько не задумываясь, удовлетворили его требование.

Кириянов, конечно, был человек совершенно другого склада, и потому, естественно, что, когда Гиттис от нас ушел на должность военного руководителя, прежде всего была

выдвинута его кандидатура. Впрочем, об этом речь будет еще впереди.

Инспектор инженерных войск, Константин Степанович Раткевич, значительно отличался от других наших инспекторов. Не знаю, насколько он был высоким специалистом, но он был коммунист и с довольно большим партийным стажем. Думаю, что это и являлось решающим фактором при назначении его на должность инспектора инженерных войск. Сталкиваясь по службе мне с ним приходилось довольно редко, но зато я довольно часто встерчался с ним в Астории, где мы жили по соседству в одном этаже. Он был разносторонне образованный человек, любил искусство, сам рисовал. В старой армии он занимал высокие выборные должности вплоть до командира корпуса.

Кто являлся у нас инспектором артиллерии, я не помню. Возможно, что на этой должности, за ненахождением подходящего кандидата, у нас вообще никого не было.

Затем во все наши крупные отделы и управления были назначены комиссары. В отдел военных сообщений комиссаром был назначен М. Я. Лазарев, в Военно-хозяйственное управление — Л. Малаховский и М. О. Стакун, в Артиллерийское управление — З. А. Закупнев, в Военно-техническое управление — Харламов. Были и другие комиссары, но фамилии их я не помню.

Помню только, что в Управление военно-хозяйственного надзора, которое у нас существовало, Позерн почему-то назначил беспартийного человека, бывшего священника, по фамилии не то Воскресенский, не то Вознесенский. Он держался очень скромно и тихо и особенной энергии в своей работе не проявлял.

Наиболее зубастым из всех комиссаров оказался комиссар отдела военных сообщений Лазарев. Это был рабочий, здоровенный детина, смелый и решительный в действиях. Едва он появился в отделе, как начальник отдела военных

сообщений, военный специалист Аплаксин, оказался арестованным Петроградской ЧК. Полагаю, что это произошло не без участия комиссара отдела. Арест был произведен в самом помещении комиссариата, и я при нем присутствовал.

Как сейчас помню эту картину. В углу своего кабинета под охраной двух красноармейцев стоит взволнованный Аплаксин, а двое агентов ЧК роются в его столах и бумагах. Должен сказать, что агенты ЧК, производившие обыск, были далеко не на высоте своего положения. Вместо того, чтобы соблюдать необходимые в этом случае спокойствие и объективность, они позволяли себе обмениваться различными репликами и шутками. Так, например, когда один агент наткнулся в бумагах Аплаксина на какие-то материальные ведомости, он, смеясь, воскликнул: «Батюшки! Да тут не только контр-революция, тут и спекуляция! Чорт возьми! Чего только тут нет!» Можно было подумать, что Аплаксину грозит по меньшей мере расстрел. Между тем, сидеть ему пришлось очень недолго. Скоро он был освобожден без всяких для него последствий. Однако к исполнению своих прежних обязанностей он уже не вернулся. За время его ареста мы назначили нового заведующего отделом военных сообщений — коммуниста, т. Араратова. Лазарев же остался попрежнему на положении комиссара отдела.

* * *

Энергия и предприимчивость Лазарева вскоре поставили его в состояние некоторого конфликта со мной. Как-то Лазарев решил собрать всех комиссаров отделов и пригласил на это собрание и меня. Я, конечно, явился. Комиссары рассказывали о работе своих отделов и делились своими впечатлениями. Было решено такие собрания устраивать периодически, а созыв их поручить особому президиуму, который тут же был избран в составе Лазарева, Харламова

и Раткевича.¹ Ко всему этому я относился с полным сочувствием. Комиссарам, конечно, очень полезно было собираться для обмена опытом. И в создании постоянного президиума я не видел ничего худого. Но Лазареву этого было мало.

Когда возник вопрос о правах и обязанностях этого президиума, который был назван «Президиумом бюро военных комиссаров Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны», Лазарев произнес очень горячую речь. Он указывал на недостатки работы нашего комиссариата и считал, что бюро и его президиум призваны эти недостатки устранить. Вывод же был такой — бюро должно быть наделено целым рядом административных функций. Я взял слово и стал решительно возражать ему. Я сказал, что, по моему мнению, бюро должно иметь совещательный характер, представлять собою партийное мнение, административные же функции коллегией комиссариата возложены на меня. Создавать двоевластие — это значит разрушать работу. Вопрос может быть решен только так — или я остаюсь управляющим делами, и тогда бюро должно ограничиться совещательными функциями, или пусть бюро принимает на себя управление комиссариатом, и тогда мне в комиссариате делать будет нечего.

Однако моя речь не встретила сочувствия товарищей комиссаров. Они тоже были склонны распоряжаться внутренней жизнью комиссариата. И в результате прений собрание, в числе других постановлений, приняло следующее, которое я привожу здесь целиком:

«Просить управляющего делами Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны, чтобы он немедленно разослал телефонограммы во все управления и отделы (находящиеся на положении управлений) Военного комиссариата о том, что все запросы

---

¹ Хотя Раткевич был инспектором инженерных формирований, но, как коммунист, считался нами одновременно и комиссаром своей инспекции.

и распоряжения (подчеркнуто мною. А. И.-Ж.) Бюро военных комиссаров или президиума его должны безотлагательно исполняться». ¹

Исполнение мною этого постановления фактически создавало бы в комиссариате новую власть.

Вся эта история меня довольно сильно взволновала. Ведь это постановление вынесла не какая-нибудь малосознательная группа партийцев, руководимая демагогом Стамбо, а собрание очень ответственных работников, комиссаров наших важнейших управлений и отделов, товарищей, которые должны отвечать за свои слова и поступки.

Я немедленно пошел к Позерну и рассказал ему о состоявшемся собрании и постановлении бюро военных комиссаров. Я уже приготовился, в случае, если бы Позерн отнесся сочувственно к этому постановлению, подать ему заявление об отставке. Но Позерн только расхохотался. «Я не понимаю, чего вы волнуетесь? — сказал он. — Ясное дело — ерунду постановили. Плюньте вы на это дело и не волнуйтесь по пустякам».

Я так и сделал.

После этого пыл у т. Лазарева как-то немного охладел. Хорошее по своей основе начинание — объединение военных комиссаров — стало разваливаться и постепенно совсем заглохло.

* * *

Бюро военных комиссаров, просуществовавшее недолгий срок, являлось как бы частной организацией, общее же руководство всеми назначенными нами комиссарами лежало на организационном отделе, во главе которого, как я уже писал, стоял т. Клинов. Однако, должен сказать, что этот

---

¹ Протокол заседания бюро военных комиссаров Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны от 19 сентября 1918 г. Подлинник протокола хранится у меня в моем личном архиве.

отдел не пользовался необходимым для такого рода работы авторитетом. Он фактически вел только регистрацию и учет военных комиссаров, но руководить ими был не в состоянии. Впоследствии, при обследовании работы нашего комиссариата комиссией высшей военной инспекции, которое происходило от 22 ноября до 8 декабря 1918 г., было вынесено следующее постановление: «Указано т. Женевскому на желательность замены т. Клинова более квалифицированным партийным работником с большим образовательным цензом». ¹

* * *

Кроме учреждения инспекции и назначения комиссаров в управления и важнейшие отделы, в нашем комиссариате были организованы и некоторые новые отделы, как то: юридический и бюро печати. Оба эти отдела являлись подсобными нам в нашей работе. Юридический отдел отчасти представлял собою нашу юрисконсульскую часть, отчасти пытался руководить существующими в частях дисциплинарными судами. Кроме того, он был завален разного рода следственными делами, которые, по выяснении виновности того или иного лица, передавались им в соответствующие судебные органы. Начальником этого отдела был молодой юрист Орсич, светлый блондин невысокого роста. Его рекомендовал Позерну кто-то из наших ответственных партийных работников. Орсич постоянно носился с разного рода широкими проектами и планами, но, как человек беспартийный, боялся проводить их в жизнь, и отдел, который первоначально претендовал на очень многое, фактически выполнял довольно скромную роль в нашем комиссариате.

---

¹ «Состояние Петроградского военного округа к 15 декабря 1918 г. Петроград» (Доклад Совету, рабочей и крестьянской обороны и Революционному военному совету Республики), Москва, январь 1919 г. (секретно), стр. 8.

В отдел печати мы направляли все важнейшие доклады и сообщения. Из них он выработывал секретные сводки, которые ежедневно рассылались наиболее ответственным работникам нашего комиссариата.

* * *

К этому же времени относится появление в нашем комиссариате нового сотрудника, некоего М. Смильга. Я хочу несколько подробнее остановиться на нем, так как впоследствии, бежав за границу, он написал в III сборнике белогвардейского «Архива русской революции», издаваемого в Берлине И. В. Гессеном, большую статью, в которой в самых неприглядных тонах обрисовал работу нашего комиссариата. Досталось в этой статье и мне, как управляющему делами комиссариата. Основная идея этой статьи та, что честные люди не могут работать с большевиками. Он-де пытался сделать это, но самодурство и жестокосердие большевиков заставило его бежать за границу. Посмотрим, так ли плохи были большевики в то время и так ли действительно честен был сам «товарищ» Смильг.

Смильг явился к нам с предложением своих услуг из Народного комиссариата юстиции с хорошей рекомендацией от кого-то из членов коллегии наркомата. Он назвал себя социал-демократом-интернационалистом и человеком, сочувствующим советской власти. Первое впечатление от него было весьма благоприятное. Главное, что к нему располагало, это его кажущаяся искренность и простодушие. Говорил он с большой горячностью и обрисовывал себя нашим искренним другом.

Смильг сразу был принят нами в число сотрудников комиссариата и получил назначение состоять для особых поручений при Позерне. Некоторое время он выполнял отдельные мелкие поручения Позерна, а затем был командирован им в качестве представителя Военного комиссариата

на общегородское совещание районных комиссий по трудовой повинности. Здесь Смильг получил неожиданное выдвигание.

Комиссии по трудовой повинности тогда только начинали свою деятельность. Это были любопытнейшие учреждения — яркий продукт революционной обстановки того времени.

Дело в том, что мобилизации в Красную армию, которые мы время от времени проводили, касались только трудящихся, но ни в коем случае не лиц зажиточных классов. Это было, конечно, вполне правильно, так как наша армия носила классово-пролетарский характер и буржуазии в ней делать было нечего. Но, с другой стороны, для буржуазии создавалось какое-то привилегированное положение. Рабочий класс переносил все тяготы гражданской войны, жертвовал для Республики своими привычными занятиями, своей семьей, наконец, своей жизнью, в то время как буржуазия могла спокойно продолжать свое мирное существование.

Учитывая это, у нас давно уже родилась мысль об использовании буржуазии для тыловых работ. И не только родилась, но и получила свое практическое осуществление. Отдельные районы по своей собственной инициативе проводили мобилизацию буржуазии и отправляли ее для производства земляных и всякого рода иных работ. Делалось это без всякого плана, спорадически, от случая к случаю.

Теперь было решено объединить эту работу в общегородском масштабе и поставить ее на строгие организационные рельсы. Для этого и было созвано общегородское совещание районных комиссий по трудовой повинности, на которое мы послали Смильга в качестве нашего представителя.

Результатом работ этого совещания было учреждение общегородской комиссии по трудовой повинности, председателем же этой комиссии был избран... т. Смильг. Очевидно, тут имело решающее значение то, что он являлся представителем военного ведомства.

Помню, на другой день после этого совещания Смильг пришел ко мне взволнованный и смущенный.

«Знаете, что произошло на вчерашнем совещании? — спросил он меня. — Меня выбрали председателем общегородской комиссии по трудовой повинности». — «Ну, что ж, очень хорошо!» — ответил я. — «Слушайте, а будет ли это удобно? Ведь я все-таки не член партии?» — «Ну, чего ж неудобно. Ваше активное участие в работе будет очень полезно. Вы интеллигентный человек и сумеете разобраться в вопросе».

Позерн тоже отнесся положительно к избранию Смильга, и Смильг вскоре оказался утвержденным в своем звании специальным постановлением Петроградского совета.

Нужно сказать, что он попал, действительно, в довольно-таки тяжелое положение. Проведение трудовой повинности для буржуазии проходило у нас очень не гладко, виною чему была, конечно, не злая воля кого-нибудь, а объективное стечение обстоятельств. Прежде всего, мобилизация буржуазии была делом совершенно новым, не имеющим прецедентов в русской истории, и проведение ее даже при хорошо налаженном государственном аппарате встретило бы чрезвычайные трудности. Тогда же наш аппарат власти был не только слаб организационно, но не имел абсолютно никакой подготовки в деле государственного управления. Теперь, по происшествии одиннадцати лет, у нас выработался штат высококвалифицированных государственных работников, вышедших из среды пролетариата, а тогда откуда нам было взять их? Рабочие не кончали университетов и не готовились стать министрами. Прямо от станка садились они в кресла государственных чиновников и решали дела так, как подсказывал им здравый смысл и пролетарское чутье. Понятно, что промахов было очень много, а в особенности в таком сложном деле, как мобилизация буржуазии.

Основа всякой мобилизации — учет. Эта истина далеко не для всех была ясна. Да и как проводить учет? По каким признакам? Какими техническими силами? Наконец, есть ли для этого время?

Короче говоря, мобилизация буржуазии производилась без всякого предварительного учета. Это уже одно давало широкий простор для всякого рода неправильностей и ошибок. Наконец, являлся вопрос, кого же считать буржуазией. Этот вопрос в различных районах решался по-разному. Бывали случаи, когда признавали человека буржуем только за то, что он носит пиджак. Раз в пиджаке, значит, буржуй. Бывали случаи и довольно частые, что в разряд буржуазии попадали актеры, художники, музыканты, наконец, ученые, иногда с очень громкой фамилией.

Некоторой путеводной нитью в вопросе определения буржуазии были выданные всем гражданам хлебные и продуктовые карточки. В отношении нормы выдачи хлеба граждане были разделены на четыре категории. Больше всего хлеба, и то, увы! очень мало, получала первая категория — рабочие физического труда. Затем последовательно шли: вторая категория — служащие, третья категория — лица свободных профессий и четвертая категория — предприниматели и торговцы. Я называю только основные группы, входившие в ту или иную категорию. Так вот, некоторые районы по этим карточкам и мобилизовали. Кто получает хлеб по 3-й и 4-й категориям, те, следовательно, буржуазия и подлежат отбыванию трудовой повинности.

Этот способ был, конечно, сравнительно лучше других, однако им далеко не везде пользовались.

Наконец, что почти совершенно отсутствовало при мобилизации буржуазии, это установление возрастных ограничений и медицинский осмотр. Забирали всех буржуев того

или иного квартала скопом, не разбирая ни пола, ни возраста. Только если тот или иной мобилизуемый буквально валился с ног, его освобождали.

Мы, конечно, прекрасно знали про все эти непорядки и потому были особенно рады, что во главе этого дела встал такой интеллигентный и культурный человек, как Смильг. Мы надеялись, что он сумеет объединить эту работу, выработает общее, разумно составленное, положение и будет строго проводить его в жизнь. Всякие ненормальности и неправильности, неизбежные при проведении такого большого и сложного дела, с его вступлением в должность председателя комиссии в значительной степени сократятся.

Однако, увы! Смильг совсем не оправдал наших надежд. Он зачастую прибегал к нам делиться своими впечатлениями. Некоторые факты приводили его в душевное расстройство. Но преодолеть их он не мог. У него не было, с одной стороны, ясного понимания причин происходящих явлений, с другой стороны — умения находить пути к разрешению стоящих перед ним задач. Мы же лично могли мало чем помочь ему, так как комиссия по трудовой повинности состояла не при Военном комиссариате, а при Петроградском совете.

В своей статье Смильг, указывая на ряд ненормальностей в работе комиссии, винит во всем коммунистов и советскую власть. Это, конечно, самый легкий и дешевый способ оправдаться. Но ведь он же сам был председателем комиссии, ведь ему же советская власть вручила это большое и сложное дело, и, следовательно, на него же падает ответственность за все беспорядки и упущения в работе.

Только теперь, при чтении белогвардейской статьи Смильга, мы узнаем про его подлинные мысли и настроения того времени. Тогда же он ни на одну минуту не переставал изображать из себя вполне советского человека и нашего

искреннего друга. Когда вспомнишь его открытое лицо и ясный взгляд его добрых голубых глаз, как-то не хочется верить, что он лгал, притворялся, играл подлую комедию для того, чтобы впоследствии бежать и начать обливать нас помоями из эмигрантского болота.

Когда в Германии грянула революция, Смильг заволновался. Он несколько раз приходил ко мне и говорил о своем страстном желании поехать в Германию. «Я ведь по национальности немец, — заявлял он, — и только теперь почувствовал нити, которые связывают меня с моей родиной. В Германии революция! Мог ли я об этом мечтать! Я чувствую, что должен поехать туда и принять участие в революционной работе. Я ведь все-таки имею некоторый организационный опыт. Я хочу помочь рабочим советам Германии укрепить свою власть». Я с сочувствием слушал Смильга. Здесь он, правда, не справился с работой, но в личной честности его я не сомневался. Может быть, он там окажется как раз на месте. А работники в революционной Германии несомненно очень нужны.

Смильг не только обращался ко мне по этому поводу, но и написал мне записку, которая до сих пор по счастливой случайности сохранилась у меня. Я очень жалею, что не опубликовал ее в иностранной прессе тогда же, когда воспоминания Смильга впервые появились в печати. Это явилось бы хорошей иллюстрацией к его воспоминаниям, давая ему надлежащую моральную характеристику. Приведу эту записку целиком:

«Александр Федорович!

Неоднократно звонил в «Асторию» вашей жене, но ее никогда не было дома. Дело идет о моем желании уехать в Германию. Прошу вас переговорить об этом с вашим братом.¹

---

¹ Брат мой, Ф. Ф. Раскольников, был в это время членом Реввоенсовета Республики. А. И.-Ж.

Я могу быть человеком весьма полезным не только потому, что я владею языком, но и потому, что мне хорошо знакома экономическая и государственная структура жизни Германии.

То, что я не член партии, я думаю, не имеет большого значения. С самого начала Октябрьского переворота я работаю совместно с нынешней властью. Несмотря на то, что я с.-д.-интернационалист, я все же сейчас стою во главе большого учреждения, причем в своем звании утвержден Петроградским совдепом.

Таково мое официальное лицо. Но я думаю, что, кроме того, вы меня лично достаточно знаете, чтобы за меня поговорить. Завтра вам позвоню.

М. Смильг.

Особенно хорошо звучит фраза: «вы меня лично достаточно знаете...» Человек мог писать это и одновременно готовить побег. И притом честно смотреть мне в глаза. Какого названия заслуживает он после этого?

Как же осуществил Смильг свой побег в Германию? Он сам достаточно откровенно рассказывает об этом в своей статье. Конечно, ни о какой революционной работе в Германии он и не думал. Его слова об этом были такой же комедией, как и вся его работа у нас. Каким-то образом ему удалось достать подложные документы германского военнопленного, с ними он, под чужой фамилией, присоединился к эшелону, отправляемому в Германию, и благополучно переехал советскую границу. Одним негодяем в Советской Республике стало меньше.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Англичане в Архангельске. — Гиттис назначен командующим 6-й армией. — Военный руководитель Кирьянов. — Организация Петроградского военного округа. — Организация Губвоенкома. — Нацаренус. — Начальник штаба Александров. — Наши трения с ним. — Разграничение военного и политического управлений округом. — Я назначаюсь начальником Политического управления округа. — Агитационно-просветительный отдел. — Первая годовщина Октябрьской революции. — Приезд Комиссии высшей военной инспекции. — Мои взаимоотношения с Позерном. — Я уезжаю в Москву.

2 августа произошло событие, которое всколыхнуло и нас. В Архангельске высадился английский десант, и при его помощи образовалось эсеровское по составу Северное правительство. Появился новый фронт, на который нам нужно было бросить свои силы.

Кроме отрядов, посланных на этот фронт, от нас потребовались и военные специалисты для назначения на руководящие должности в формирующуюся на Севере против англичан 6-ю армию. Одним из первых намеченных Реввоенсоветом Республики к направлению от нас на этот фронт был наш военный руководитель Владимир Михайлович Гиттис. Его предполагалось назначить на должность начальника штаба 6-й армии.

Как нам ни жаль было расстаться с т. Гиттисом, но мы не могли не признать правильность такого требования. Гиттис выявил себя прекрасным военным руководителем и

теперь, когда у нас работа более или менее наладилась, ему важнее было быть на фронте для непосредственного руководства военными операциями, чем сидеть у нас.

Только в одном мы были не согласны с Реввоенсоветом Республики. Уж если посылать т. Гиттиса на фронт, то только на должность командующего армией. Результаты его работы у нас давали нам все права для такого рода рекомендации.

Наше мнение было принято во внимание Реввоенсоветом Республики, и В. М. Гиттис получил назначение командующим 6-й армией.

Приходилось подыскивать ему заместителя. Таковым мы сейчас же выдвинули нашего инспектора кавалерии, Николая Ерофеевича Кирьянова. В своем месте я уже давал характеристику т. Кирьянову и указывал на те черты его характера, которые выделяли его среди прочих военных специалистов.

Сделавшись военным руководителем, он несколько не изменился и продолжал оставаться таким же простым и хорошим товарищем. Только одно, пожалуй, можно было бы поставить ему в минус. Уж слишком он был безропотным. Бумаги, которые были подписаны Позерном, он подписывал, почти не читая. Между тем, Позерн был штатским человеком, не имел специальной военной подготовки и всегда мог ошибиться. Ответственность же за военную сторону распоряжений лежала на военном руководителе. Впрочем, никаких недоразумений на этой почве у нас не произошло.

* * *

В конце октября наш комиссариат начал переформировываться. До сих пор он, как я уже писал, назывался Комиссариатом по военным делам Петроградской трудовой комунь. Это название находилось в резком противоречии с практиче-

ским положением вещей и масштабом работы. Обслуживали мы не только Петроградскую трудовую коммуну, т. е. город Петроград, но и весь наш бывший Петроградский военный округ, в который входил ряд прилегающих к нам губерний. Была, правда, попытка перенести центр управления округом в г. Ярославль, как пункт более отдаленный от линии фронта, но эта попытка окончилась неудачей. Ярославский военный округ просуществовал очень не долго. Красный Питер в отношении авторитета и возможностей работы стоял неизмеримо выше Ярославля. К нему, как к центру, естественно тяготели все прилегающие губернии. Помню, когда из Ярославля стали поступать к нам первые распоряжения от ярославского окружного военного комиссара С. М. Нахимсона, то, несмотря на то, что мы все очень хорошо знали и любили Нахимсона, мы не могли удержаться от улыбки. Уж очень странным нам казалось это положение — Ярославль командует Петроградом. Потом Петроград был выделен из подчинения Ярославскому военному округу, но и в это время продолжал фактически во многих отношениях выполнять функции окружного центра. Сплошь и рядом к нам обращались из военного учреждения или части, расположенной в какой-нибудь прилегающей к нам губернии, с просьбой отпустить им тот или иной вид снабжения. «Как же вы обращаетесь к нам? — спрашивали мы: — ведь вы же подчинены Ярославскому окружному комиссариату?» — «Ну, да там ничего не получишь — отвечали нам обычно. — Мы всегда у вас получали. Уж отпустите, сделайте милость». И приходилось отпускать.

Практика показала нежизненность существования Ярославского военного округа. Теперь было решено этот округ упразднить, опять восстановить Петроградский военный округ и нам соответственно преобразоваться в Окружной военный комиссариат. Одновременно мы должны были выделить из своей среды сотрудников для формирования

Петроградского губернского военного комиссариата, который предусматривался новым положением.

Для сформирования Окружного комиссариата по военным делам мы мобилизовали наших военных специалистов, которые принялись разрабатывать штаты нового учреждения. Главную роль в деле выработки штатов играл, насколько мне помнится, наш недавний сотрудник, бывший полковник генерального штаба Лев Николаевич Ростов. Штат, представленный им и в основе одобренный коллегией комиссариата, носил все следы творчества военного специалиста. Военная часть его была разработана им превосходно. Основным стержнем комиссариата по его проекту являлся штаб округа во главе с начальником штаба, военным специалистом. Отдельно помещался начальник снабжения, возглавляющий все довольствующие управления, и коллегия инспекторов. Все было предусмотрено до точности, кроме одного — политической стороны работы комиссариата. Такой комиссариат, который наметил он, мог существовать во все времена и при всех правительствах. Между тем, момент был еще не таков, чтобы мы могли безоговорочно доверять нашим военным специалистам. Наконец, в задачу комиссариата входило и политическое обслуживание формируемых нами военных частей. Это дело в последнее время как-то немного ускользнуло из-под нашего непосредственного влияния. Вместо политическо-просветительного отдела, о котором я уже говорил, в Смольном образовался агитационно-просветительный отдел, который работал под непосредственным руководством Петербургского комитета нашей партии и был связан больше с ним, чем с нами. Все показывало, что штаты Окружного комиссариата, которые выработал Ростов, нуждаются в серьезном исправлении и дополнении.

Однако, первое время мне как-то некогда было думать об этом, так как все мое внимание было поглощено выделением

сотрудников для губернского военного комиссариата и переездом в новое помещение, помещение бывшего Всероссийского главного штаба (Площадь Урицкого, 10). На новую должность — губернского военного комиссара Реввоенсоветом Республики — был назначен бывший чрезвычайный комиссар Мурманского края С. Н. Нацаренус. Он приехал к нам, и с его участием мы провели несколько организационных заседаний. Было решено, что каждый наш отдел, переезжающий в новое помещение, должен оставить в старом помещении для губвоенкомата небольшую ячейку, которая явится ядром для организации в комиссариате данного отдела. Все наши отделы в силу этого решения распались на две части, одна из которых оставалась у нас, другая перешла в Губвоенкомат. Таким же образом распалось и наше управление делами. Я остался управляющим делами нашего Окружного комиссариата, а мой ближайший помощник, секретарь комиссариата А. А. Холшевников, сделался управляющим делами Губвоенкомата. Тов. Нацаренус безоговорочно и очень охотно принимал от нас всех сотрудников нашего комиссариата, которых мы ему оставляли. Даже на должность губернского военного руководителя он согласился назначить рекомендованного Богатиным сотрудника нашего отдела формирования, Форобина, который ни в какой степени не был военным специалистом. Впрочем, Форобин был толковым и дельным работником и довольно долго занимал эту не совсем подходящую для него должность.

Наконец, в нашем комиссариате, согласно новым штатам, появился и начальник штаба, бывший полковник генерального штаба, Леонид Капитонович Александров. Он последнее время занимал должность начальника штаба северного фронта и карельского участка. Однако, с образованием нашего окружного военного комиссариата, штаб северного фронта подлежал расформированию, и мы поспешили

воспользоваться услугами этого дельного и энергичного военного специалиста.

Появление у нас начальника штаба сразу поставило меня в двусмысленное положение по отношению к нему. Функции наши невольно столкнулись. По новому положению хозяином внутренней жизни комиссариата являлся он, однако его штаб еще не был сформирован, тогда как жизнь текла своим чередом, постоянно возникали вопросы, требующие немедленного разрешения, и мне волей-неволей приходилось продолжать свою руководящую работу. Да и к тому же я был вовсе не склонен просто уйти, передав все свои дела т. Александрову. Как ни велико было мое к нему уважение, но все же я понимал, что оставить его работать одного без коммунистического контроля невозможно. Кроме того, работа многих наших существующих отделов в значительной своей части носила политический характер, так что руководить ими он, естественно, не мог. В результате, мы работали каждый сам по себе, путаясь друг у друга в ногах и ежеминутно вторгаясь в компетенцию один другого. Получалось своего рода двоевластие.

На этой почве происходили и некоторые довольно курьезные случаи. Помню, Александров назначил начальником хозяйственной части военного человека, кажется, бывшего полковника Щетинина. Хозяйственная часть до сих пор всегда была в моем непосредственном подчинении. Учтя обстановку, Щетинин, человек довольно неглупый, сейчас же явился ко мне с рапортом о своем назначении и попросил указаний по своей работе. Я, конечно, дал ему их. В дальнейшем Щетинин постоянно приходил то ко мне, то к Александрову, исполняя распоряжения, исходящие и от него и от меня. Должно быть, наши распоряжения, по счастливой случайности, ни в чем не расходились, иначе Щетинин попал бы в довольно глупое положение.

Коллегия комиссариата никак не вмешивалась в наши

взаимоотношения с т. Александровым, надеясь, что все это утрясется и сама жизнь найдет разумный выход из создавшегося положения. А может быть они просто и не знали об этом. Александров не хотел поднимать этого вопроса перед коллегией, я — тоже. Чтобы поднять этот вопрос, надо было иметь какое-то свое конкретное предложение. А такого предложения у меня в то время еще не было. Оно появилось в результате размышлений значительно позже.

Как-то мы встретились с т. Александровым и вплотную поговорили о наших взаимоотношениях. И он, и я понимали, что эти взаимоотношения ненормальны, но никто не мог указать выхода из создавшегося положения. В конце разговора т. Александров воскликнул: «Ну, что же? Тогда садитесь вы начальником штаба, а я уйду». Это, конечно, был не выход. На это ни я, ни коллегия комиссариата ни в коем случае не могли бы согласиться.

Уйдя от т. Александрова, я все время продолжал думать о том, как бы построить работу таким образом, чтобы и наши военные специалисты могли спокойно работать, и политический контроль был бы в достаточной мере осуществлен.

Думая таким образом, я пришел к мысли о необходимости создания особого Политического управления, которое своими щупальцами проникало бы во все поры управления комиссариатом. Одновременно Политическое управление могло бы проводить и агитационно-просветительную работу в частях. Какие функции, думал я, должно принять на себя новое Политическое управление?

Это, во-первых, контроль за всей входящей и исходящей корреспонденцией. Таким образом, в состав Политического управления должен входить общий для всего комиссариата журнальный отдел.

Во-вторых, контроль за приемом и увольнением сотрудников,

В-третьих, назначение комиссаров и руководство ими.

В-четвертых, собрание секретных сведений и составление секретных информационных сводок.

В-пятых, руководство военно-судной частью и, в-шестых, ведение агитационно-просветительной работы в частях.

Наконец, в распоряжении Политического управления должна находиться и вооруженная сила комиссариата, т. е. управление коменданта.

Я взял перо и быстро набросал примерные штаты нового учреждения. По этим штатам в состав Политического управления входило 7 отделов: агитационно-просветительный, организационный, юридический, личного состава, печати, журнальный и управление коменданта.

Позерн, когда я доложил ему об этом моем проекте, отнесся к нему положительно, и 4 ноября 1918 г. был опубликован следующий, составленный мною, приказ:

П р и к а з

по Петроградскому военному округу.

№ 44.

Петроград, 4 ноября 1918 г.

1) Утверждается временный штат Политического управления Петроградского окружного комиссариата по военным делам.

Приложение: Временный штат Политического управления Петроградского окружного комиссариата по военным делам.

2) Настоящим приказом должность управляющего делами Петроградского окружного комиссариата по военным делам упраздняется.

3) К исполнению обязанностей начальника Политического управления Петроградского окружного комиссариата по военным делам допускается управляющий делами Петроградского окружного комиссариата по военным делам Александр Федорович Ильин-Женевский.

Петроградский окружной комиссариат по военным делам: *Позерн*.
Военный руководитель: *Кириянов*.

* Управляющий делами комиссариата: *А. Ильин-Женевский*.

Это был последний приказ, подписанный мною в качестве управляющего делами комиссариата.

Л. К. Александров также был доволен таким разрешением вопроса. Фактически мы поделили между собою комиссариат, разделив его на две части: военную и политическую. Приказания же по округу, равно как и приказы по комиссариату, которые я до сих пор подписывал один, мы теперь условились подписывать совместно.

Образование Политического управления округа было в то время делом совершенно новым и являлось самостоятельным почином Петроградского окружного комиссариата. Теперь мы как-то даже не мыслим себе Окружной военной комиссариат без его Пуокра, т. е. Политуправления округа, а в то время ни один Окружной комиссариат еще такого управления при себе не имел.

Помню, как мой брат, Ф. Ф. Раскольников, приехавший в это время на несколько дней из Москвы в Петроград, долго удивлялся, что это у нас за птица такая — Политическое управление округа.

Комиссия же Высшей военной инспекции, которая несколько позднее обследовала работу нашего комиссариата, приписала образование Политического управления особым условиям, в которых находился город Петроград.

«Работы в Петроградском военном округе, — писала она в своем отчете: ¹ — почти все время, начиная с марта месяца, за небольшим промежутком осеннего времени, протекала под угрозой, с одной стороны, внешнего вторжения, а с другой — внутренних волнений. Такая обстановка способствовала развитию в округе политических органов управления в ущерб техническим и породила чрезвычайную подозрительность политического надзора и революционную самостоятельность органов военного управления».

---

¹ «Состояние Петроградского военного округа к 15 декабря 1918 г. Петроград», (Доклад Совету рабочей и крестьянской обороны и Революционному военному совету Республики), Москва, Январь, 1919 г., (Секретно), стр. 5 и 6.

Далее отчет говорил: «Само существование Политического управления не предусмотрено штатами. Инспекционная комиссия, однако, не протестовала против его существования, исходя из того, что положение об окружных комиссариатах уже давно устарело и находится в стадии пересмотра в Высшей военной инспекции и во Всероглавштабе.¹ Кроме того, было ясно, что объединение политической работы в округе является весьма необходимым».

Последнее признание очень важно. Впоследствии по нашему образцу политические управления были организованы во всех округах, правда, уже без функций политического контроля за работой комиссариата.

* * *

Одним из самых важных отделов Политического управления был, конечно, агитационно-просветительный отдел. Я уже писал, что он помещался в Смольном и был несколько оторван от общей работы нашего комиссариата. Так как теперь этот отдел переходил в непосредственное мое подчинение, то я решил ближе с ним познакомиться и в один из ближайших же дней поехал для этой цели в Смольный.

Знакомство с агитационно-просветительным отделом произвело на меня самое отрадное впечатление. Во главе отдела стояла коллегия из очень ответственных работников, уполномоченных Петербургским комитетом партии: С. М. Гессена, А. М. Иткиной, Л. Н. Позерн (жены нашего окружного военного комиссара) и Н. А. Семенова, который одновременно являлся управляющим делами отдела.² Позднее уже при мне в состав коллегии был включен т. М. Собецкий, заведующий отделом всеобщего военного обучения, так как часть его отдела в целях объединения

---

¹ Т. е. Всероссийском главном штабе. А. И.-Ж.

² Впоследствии Гессен был начальником Политотдела 7-й армии, Иткина — заведующей отделом работниц ЦК ВКП(б), а Семенов — консулом СССР в Либаве (Латвия).

работы было решено влить в агитационно-просветительный отдел.

Высококвалифицированный состав коллегии агитационно-просветительного отдела и его тесная связь с Петроградским партийным комитетом позволяли мне быть совершенно спокойным за его работу. Вопрос стоял не столько о руководстве отделом, — в отношении руководства отдел был в достаточной степени обеспечен, — сколько о том, чтобы увязать его работу с работой остальных отделов Политического управления. Поэтому я не стал накладывать руку на некоторую самостоятельность, которой пользовался этот отдел. Эта увязка в достаточной степени могла быть обеспечена моим личным участием в работах отдела. Вместо казенных, директивных указаний «сверху», я стал регулярно посещать заседания коллегии отдела, усиленно участвуя в прениях и стараясь по возможности не давить на них своим авторитетом начальника Политического управления. Об этих днях у меня осталось приятное воспоминание, как о днях дружной и товарищеской работы.

Впоследствии комиссия Высшей военной инспекции, обследовавшая наш комиссариат, не найдя моих письменных «приказов» агитационно-просветительному отделу, составила себе мнение, что «отдел совершенно вышел из сферы влияния начальника Политического управления». Это, конечно, не верно. За все время своей работы в качестве начальника Политического управления я не пропустил ни одного заседания коллегии агитационно-просветительного отдела, и все решения и постановления ее были приняты с моего ведома и одобрения.

В чем комиссия Высшей военной инспекции была права, так это в том, что к моменту ее приезда нам еще не удалось наладить объединенную работу отделов Политического управления. Но в этом виноваты были не мы, а краткость

времени работы Политического управления. Комиссия Высшей военной инспекции производила обследование с 22 ноября по 8 декабря 1918 г., тогда как Политическое управление было сформировано приказом от 4 ноября, а приступить к работе смогло лишь, конечно, значительно позже. То, что мы сделали за какие-нибудь полторы недели, уже являлось большим для нас достижением.

Особенностью нашего агитационно-просветительного отдела являлось то, что в его составе находилось так называемое отделение иностранной агитации. Отделение это организовано было по инициативе т. Семенова, человека, бывшего много лет за границей и хорошо владеющего иностранными языками. Задачей отделения являлось вести агитацию в иностранных войсках, посланных к нам империалистическими державами в целях интервенции. Агитация предусматривалась как устная, так и печатная.

Больше всего нам удалось сделать в области печатной агитации. 7 ноября, в знаменательный день первой годовщины Октябрьской революции, мы начали издавать для пропаганды на северном и северо-западном фронте еженедельную интернациональную газету «Коммуна» на шести языках: английском, французском, сербском, немецком, итальянском и русском. Ответственным редактором газеты был приглашен А. В. Луначарский.

Три номера этой газеты в общем количестве 180 000 экземпляров мы распространили на северном фронте при помощи гидроплана, а также через тыловых агитаторов финской коммунистической партии. Кроме того, мы распространили на северо-западном фронте четыре немецких прокламации в общем количестве 380 000 экземпляров.

Все эти издания получили хорошее распространение, что было специально отмечено английской буржуазной печатью.

* * *

Празднование первой годовщины Октябрьской революции прошло у нас в Ленинграде очень торжественно. К 7 ноября был приурочен съезд представителей комитетов деревенской бедноты Северной области. Уже за несколько дней до назначенного срока на улицах Петрограда стали появляться в большом количестве крестьянские армяки и полушубки. Все приезжающие крестьяне встречались с большим почетом и им, как в прежнее время лицам царской фамилии, отводились парадные комнаты Зимнего дворца.

С каждым днем количество приезжающих в Петроград крестьян увеличивалось. Никогда еще за всю свою историю Петроград не видал в своих стенах такого огромного количества крестьян. День 7 ноября открылся грандиозным митингом на площади Урицкого, с участием приехавших в Петроград крестьян. Затем уже в помещении Зимнего дворца начался съезд комитетов деревенской бедноты Северной области, который продлился несколько дней. Все эти дни являлись незабываемыми днями подлинной смычки рабочего класса с деревенской беднотой.

Между прочим, съезд вынес и одно очень важное постановление, близко касавшееся нас. Съезд постановил организовать специальные полки деревенской бедноты. Полки эти должны были быть сформированы из бедняков-крестьян, делегируемых комитетами деревенской бедноты, по два человека от каждого села. В связи с этим нам пришлось проделать большую подготовительную работу. Постановлением Петроградского комитета партии в наше распоряжение было предоставлено свыше ста агитаторов, которых мы разослали по Северной области для организации полков деревенской бедноты.

Как были сформированы эти полки и какое участие они приняли в гражданской войне, я, к сожалению, не знаю, так как вскоре должен был покинуть Петроград и переехать в Москву. Впрочем, речь об этом будет еще впереди.

* * *

22 ноября к нам из Москвы, как я уже писал, приехала комиссия Высшей военной инспекции. Комиссия была довольно многочисленная и заключала в себе целый ряд специалистов различных отраслей военного дела. Председателем комиссии был мой давнишний знакомый, старый член партии, Степан Степанович Данилов. Тов. Данилова я знал еще в дореволюционное время, когда он раз ночевал у нас, спасаясь от полицейских преследований. Помощником его был уже более молодой член партии, но энергичный и расторопный Семен Семенович Иоффе. Военным руководителем комиссии был выдающийся военный специалист, бывший генерал и командующий армией, Соковнин. Соковнин с военными специалистами стали обследовать наш штаб, а т. Данилов и Иоффе обратили свое внимание на мое политическое управление. Высшая военная инспекция, во главе которой стоял Н. И. Подвойский, обладала в то время большим авторитетом и правами. Ее комиссии не только обследовали работу на местах, но и давали приказы, обязательные к исполнению.

Я очень серьезно отнесся к приезду комиссии, сделал тт. Данилову и Иоффе подробный доклад о своей работе и вместе с ними обследовал работу всех моих отделов, давая необходимые им указания и справки.

Между прочим, т. Данилов сообщил мне, что Н. И. Подвойский до сих пор не может забыть обиду, которую я нанес ему, уйдя из Наркомвоена и оставшись в Петрограде. Он просил передать мне через т. Данилова свое настойчивое приглашение приехать к нему и принять участие в работах Высшей военной инспекции, которую он возглавлял.

Я только улыбнулся, когда С. С. Данилов говорил мне это. Как же я могу поехать в Москву? Не могу же я бросить здесь свою работу? Я и не подозревал, что пройдет какая-нибудь пара недель, и я сам пошлю т. Подвойскому телеграмму о том, что принимаю его приглашение. Так всегда

бывает. Крупное жизненное событие подстерегает тебя там, где ты меньше всего его ожидаешь.

* * *

Для того, чтобы объяснить причину своего ухода из Окружного комиссариата по военным делам, я должен вернуться несколько назад.

Нужно сказать, что мои отношения с Позерном заставляли желать много лучшего. Позерн не был удовлетворен моей работой. Еще во времена пятичленной коллегии, у нас с ним неоднократно бывали столкновения. Один раз во время какого-то крупного разговора он даже в повышенном тоне сказал мне, чтобы я сдал дела секретарю коллегии комиссариата Фанни Борисовне Тартаковской.¹ Так как Позерн в то время не имел права единолично распоряжаться моей судьбой, то я поставил этот вопрос на ближайшее заседание коллегии нашего комиссариата. В результате прений, предложение Позерна об отстранении меня от работы голосами всех остальных членов коллегии против одного Позерна было отклонено.

Когда пятичленная коллегия была упразднена и во главе комиссариата встал Позерн, я ожидал, что первым вопросом, который он поставит, будет вопрос обо мне, как управляющем делами. Это казалось тем более вероятным, что в идейном отношении я солидаризировался с прежней коллегией и так же, как и она, высказывался против новой формы использования военных специалистов.² Однако Позерн не поднял этого вопроса. Наоборот, в это время моя работа с ним протекала как-то особенно согласованно и дружно. Однако к концу 1918 г. наши отноше-

¹ О Тартаковской я писал уже в своем месте.

² Подробнее я говорил об этом в своем месте. Конечно, жизнь впоследствии доказала ошибочность нашего взгляда. Доверие, которое оказали военным специалистам Наркомвоен и наша партия, вполне себя оправдало.

ния опять начали незаметным образом портиться. Думаю, что во многих своих нападках на меня т. Позерн был прав. Ему, как человеку, возглавлявшему все военное дело Петроградского военного округа, были, конечно, виднее недостатки и промахи моей работы. А таких недостатков, несомненно, было очень много. Ведь я в то время был еще очень молодым и неопытным работником. Мне было всего лишь 23 года, а мой государственно-административный стаж фактически исчислялся только с момента Октябрьского переворота. Где же мне было научиться вести такое сложное дело, как управление Военным комиссариатом? Желания было много, а сил не хватало. Наконец, у меня просто не было масштаба, необходимого для такого рода работы. Погруженный в огромное количество бумаг и целый ряд мелких хозяйственно-административных дел, я часто упускал из виду отдельные участки работы и оставлял их без направления и руководства. Естественно, что у Позерна могла явиться мысль о замене меня каким-нибудь более квалифицированным работником.

Такой работник вскоре и нашелся. Это был старый товарищ Позерна, Биткер, председатель большевистской фракции Нижегородской городской думы. Позерн выписал его в Петроград и на первых порах назначил на должность состоящего для особых поручений при Окружном военном комиссаре. В качестве такового т. Биткер некоторое время ознакомился с общей структурой нашего комиссариата. Зашел он и ко мне, и я рассказал ему в общих чертах о работе Политического управления. В то время я еще не знал, что это мой будущий заместитель.

Как-то поздним вечером Позерн вызвал меня к себе в кабинет. Ничего не подозревая, я пошел, захватив с собою для доклада ряд очередных, требующих разрешения дел. Однако разговор был не об этих делах. Видимо смущаясь и путаясь в словах, Позерн сообщил мне о своем желании

назначить на мое место т. Биткера. Для меня же он наметил какое-то новое назначение. Хотя я и мог ожидать такой оборот дела, но в этот момент как-то менее всего был к нему подготовлен. Я сказал, что если вопрос ставится так, то, пожалуй, лучше будет, если я воспользуюсь приглашением Подвойского, который настойчиво зовет меня в Москву. Позерн не возражал, и в ту же ночь я послал Подвойскому телеграмму о своем согласии работать в Высшей военной инспекции. На другой день я получил следующую телеграмму:

«Петроград. Астория. Женевскому
7/XII—18 г. Военная. Вне очереди.

Выезжайте немедленно. Будете назначены председателем одной из комиссий. № 13 733.

Зам. Управдел Высшвоениспект *Комаровский*».

Последние дни прошли в сборе вещей и сдаче дел новому начальнику Политического управления.

Грустно было расставаться со старыми товарищами по работе. Столько было совместно пережито и перечувствовано за истекшее, богатое событиями, время. Особенно длинную беседу имел я с т. С. Р. Богатыным. «А знаете, т. Женевский, — сказал он мне между прочим: — вы, пожалуй, даже выиграли. Вы будете ездить по России и всюду помогать молодому военному строительству. Я вам завидую. Вас ждет живая и интересная работа. Я сам бы с удовольствием поехал вместе с вами». Его слова несколько подняли мое упавшее было настроение.

В средних числах декабря я, наконец, закончил сдачу дел и выехал в Москву.

1918 год кончался, на смену ему приходил новый 1919 год. И я ехал с новыми надеждами работать в новой обстановке среди новых людей. Перевернулась еще одна страница моей жизни.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ, УПОМИНАЕМЫХ В КНИГЕ.

1917 г.

Декабрь.

- 20 — Образование Всероссийской коллегии по организации Красной армии.

1918 г.

Январь.

- 5 — Открытие Учредительного собрания.
7 — Декрет о роспуске Учредительного собрания.
28 — Отказ советской делегации в Брест-Литовске подписать захватнический мир с Вильгельмом II. Одновременно делегация объявила прекращение состояния войны с Германией и ее союзниками.

Февраль.

- 18 — Германские войска перешли в наступление.
19 — Радио Совета народных комиссаров с предложением возобновить переговоры.
22 — Согласие Германии возобновить переговоры.
23 — Решение ЦК РСДРП(б) подписать германские требования.
23 — Опубликован декрет о создании Красной армии.
24 — Захват немцами Пскова.

Март.

- 2 — Подписание Бестского мира.
2 — Приказ Наркомвоена об одновременной демобилизации всех возрастов старой армии.
6—8 — VII съезд партии санкционировал Брестский договор.
12 — Переезд правительства в Москву.
15 — Ратификация IV Съездом советов Брестского договора.
22 — Основные декреты о Красной армии.
29 — Первая петроградская конференция красноармейцев.

Март — апрель. Подавление немецкими оккупационными войсками рабочей революции в Финляндии.

Апрель.

20 — Приезд в Москву германского посла графа Мирбаха.

22 — Принятие ВЦИКом декретов о введении всеобщего военного обучения, о порядке замещения должностей в Красной армии и о введении в армии «торжественного обещания» — присяги.

Июнь.

1 — Опубликовано воззвание ЦК РКП(б) об усилении партийной работы.

20 — Убийство М. М. Володарского.

Июль.

5 — Объявлен декрет Совнаркома о первом призыве в Петрограде трудящихся, родившихся в 1896 и 1897 гг.

7 — Убийство графа Мирбаха. Лево-эсеровский мятеж в Москве.

11 — Белогвардейское восстание в Ярославле.

15 — Отказ советского правительства допустить в Москву немецкий отряд для охраны германского посольства.

17 — Первый призыв в Петрограде трудящихся, родившихся в 1896 и 1897 гг.

Август.

2 — Английский десант в Архангельске. Образование эсеровского Северного правительства.

12 — Второй призыв трудящихся в Петрограде, родившихся в 1893, 1894 и 1895 гг.

30 — Убийство М. С. Урицкого. Покушение на В. И. Ленина.

Сентябрь.

2 — Учреждение Революционного военного совета Республики.

10 — Опубликовано постановление Совнаркома о введении красного террора.

Октябрь.

14 — Выступление мобилизованных матросов в Петрограде.

Ноябрь.

4 — Образование Политического управления Петроградского военного округа.

- 7 — Празднование первой годовщины Октябрьской революции.
В Петрограде — съезд комитетов деревенской бедноты Се-
верной области.
- 9 — Падение монархии в Германии. Отречение Вильгельма II.
- 22 — Приезд в Петроград комиссии Высшей военной инспекции.

* * *

Все даты, как в хронике, так и в книге, до 14 февраля 1918 г.
по старому стилю, после — по новому.

Астор.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- А-й, Л. — 24.
 Александри, Л. Н. — 41.
 Александров, Л. К., полковник — 170, 174, 175, 176, 178.
 Алексеев — 32.
 Андерсон — 115, 148.
 Антонов-Овсенко, В. А. — 106.
 Аплаксин — 159.
 Апушкин, В. А., генерал — 97, 98, 99.
 Араратов — 159.
 Астраханов — 110.
 Ахромович — 32.

 Баландин, Сергей — 39, 40, 41.
 Барбар — 32.
 Батунов — 32.
 Биткер — 185, 186.
 Благонравов, Г. И. — 36.
 Блейхман, И. (Солнцев, М.) — 57, 63, 69, 70, 71, 72.
 Богатин, С. Р. — 32, 37, 38, 39, 76, 85, 86, 91, 92, 99, 113, 117, 147, 149, 150, 153, 155, 174, 186.
 Богословская, Н. А. — 125.
 Бодров, А. М. — 32, 37, 39, 85, 86.
 Бразуль-Брушковский, Д. И. — 124.

 Брайнинг — 98, 99.
 Бухарин, Н. И. — 30.
 Быков — 142, 143.

 Вагнер, Рихард — 147.
 Васильевский, В. Н. — 32, 33, 37, 39, 47, 85, 86, 115.
 Вильгельм II, германский император — 154, 188, 190.
 Вишневский — 109.
 Владимиров, Л. — 36.
 Вознесенский — 158.
 Володарский, М. М. — 36, 88, 115, 116, 123, 124, 125, 126, 127, 130, 189.
 Воскресенский — 158.
 В-р, Алексей — 128.

 Гессен, И. В. — 163.
 Гессен, С. М. — 179.
 Геруа, А. В. — 53.
 Гинденбург, П. — 154.
 Гиттис, В. М. — 83, 85, 87, 153, 156, 157, 170, 171.
 Главацкий, Б. Е. — 156.
 Гусев, С. И. — 73, 77, 78, 79, 82, 84, 85, 86, 141, 142.
 Гучков, А. И., б. военный министр — 10.
 Гущик, В. Е. — 83, 100.

Данилов, С. С. — 183.
Дешевой, В. И. — 32, 33, 101,
102.

Держинский, Ф. Э. — 26.
Духвинский-Осипов, И. В. —
131.

Еремеев, К. С. — 19, 32, 36, 37,
39, 41, 47, 62, 63, 85, 86.

Ермолаев — 36.

Ершов, Ф. В. — 32.

Железняков, А. Г. — 26.

Заблоцкий, П. И. — 101, 106,
107.

Закупнев, З. А. — 158.

Зиновьев, Г. Е. — 36, 46, 62,
63, 89, 104, 121, 125, 126, 149.

Зорин, Д. Ф. — 126.

Ильина-Женевская, Л. Б. — 16,
24, 25, 30.

Иоффе, А. А. — 36.

Иоффе, С. С. — 183.

Иткина, А. М. — 179.

Каледин, А. М., генерал — 46.

Калинин, М. И. — 36.

Канегиссер, Л. А. — 132.

Кедров, М. С. — 12.

Керенский, А. Ф. — 14.

Кириянов, Н. Е. — 156, 157,
170, 171.

Клинов, Я. М. — 83, 96, 97,
161, 162.

Комаровский, К. А. (Данский,
Б. Г.) — 186.

Конге — 102.

Конге, брат — 147, 155.

Коноров, В. М. — 38, 113.

Крыленко, Н. В. — 19, 20, 28,
29.

Куделько, И. В. — 73, 74, 76.

Лазарев, М. Я. — 152, 158, 159,
160, 161.

Лашевич, М. М. — 36, 50, 51,
52, 88, 126, 140.

Легран, Б. В. — 7, 12, 28.

Ленин, В. И. — 9, 31, 63, 116,
132, 135, 189.

Лисовский, М. М. — 127.

Луначарский, А. В. — 36, 94,
101, 181.

Лурье, М. — 41.

Малаховский, Л. — 158.

Малиновский — 101, 113, 114.

Маннергейм, Карл, генерал —
46, 47.

Мартюшев, полковник — 113.

Мгеладзе (Вардин), И. В. — 54.

Менжинский, В. Р. — 10, 36.

Мехоношин, К. А. — 11, 12, 20,
28, 32, 34, 40.

Миллер — 48, 49, 58.

Милютин, В. П. — 98, 99.

Миничев, А. Г. — 136.

Мирбах, граф — 134, 135, 139,
189.

Монахов — 54.

Муралов, Н. И. — 19.

Набоков, В. Д. — 83, 93.

Нахимсон, С. М. — 134, 140,
172.

Нацаренус, С. Н. — 170, 174.

Николай II — 96.

Никонов, Ф. — 25, 27.

Новицкий, В. Ф., генерал —
43, 44, 45, 83, 89, 90.

- Одинцов, С. И. — 18.
Орсич — 162.
Осокин — 146.
- Парский, Д. П., генерал — 84, 85, 150.
Перов, В. Н. — 134, 137, 138.
Подвойская, Н. А. — 41.
Подвойский, Н. И. — 7, 8, 9, 10, 12, 17, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 34, 35, 39, 40, 41, 42, 183, 186.
Позерн, Б. П. — 34, 36, 37, 39, 41, 56, 58, 76, 83, 85, 91, 92, 93, 98, 99, 100, 104, 105, 106, 113, 117, 121, 142, 143, 144, 147, 149, 153, 155, 156, 158, 161, 162, 164, 165, 170, 171, 177, 184, 185, 186.
Позерн, Л. Н. — 179.
Полешко — 101, 102, 103, 109.
Протопопов, А. Д., бывш. министр — 148.
Пруссак, М. С. — 124.
- Рабинович, А. Л. — 47, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107.
Равич, С. Н. — 122.
Раскольников, Ф. Ф. — 8, 169, 178.
Раткевич, К. С. — 158, 160.
Рахмилович, Д. Е. — 97.
Розмеж — 110.
Романов, Николай Павлович, император — 21.
Романова, Елизавета Петровна, императрица — 20.
Ростов, Л. Н. — 173.
Рязанов, Д. Б. — 31.
- Садовский, А. Д. — 23.
Семашко, А. Я. — 18, 23.
- Семенов, Н. А. — 179, 181.
Склянский, Э. М. — 12, 21, 22, 24, 34, 37, 40, 97.
Скоропадский, П. П., гетман Украины — 146.
Скрябин (Молотов), В. М. — 36.
Смилга, И. Т. — 36, 50, 57, 58, 59.
Смильг-Бенарио, М. — 152, 163, 164, 165, 167, 168, 169.
Собецкий, М. — 55, 56, 179.
Соковнин, М. А., генерал — 183.
Стакун, М. О. — 158.
Стамбо, Г. — 101, 108, 109, 110, 111, 117, 161.
Стасова, Е. Д. — 122.
Стучка, П. И. — 36.
Суворин, Б. А. — 124.
- Тартаковская, Ф. Б. — 39, 53, 54, 184.
Трифонов, В. А. — 20.
Троцкий, Л. Д. — 29, 36, 63, 69, 89.
- Урицкий, М. С. — 36, 48, 103, 116, 126, 128, 129, 130, 131, 133, 153, 182, 189.
- Фалин — 36.
Флеровский, И. П. — 149.
Форобин — 174.
- Харитонов, М. М. — 127.
Харламов — 158, 159.
Ховрин, Н. А. — 26.
Холшевников, А. А. — 174.
- Чеканика, М. М. — 101, 102, 103.
Черский — 94, 95.

Чугурин, И. Д. — 32.

Шварц-фон, А. В., профессор
Николаевской инженерной
академии, генерал — 50, 52,
53, 85.

Шкапская, М. М. — 90, 91, 92.

Шокли — 146.

Щетинин — 175.

Юрнев, И. (К. К. Кротов-
ский) — 20, 32, 34.

Якубенко, В. Я. — 113.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
От автора	5

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смольный после Октября. — Вместо орудий истребления — орудия производства. — Назначение меня секретарем Наркомвоена. — Организация справочного отдела. — Прием посетителей. — Городовые. — Конфликт с женами офицеров. — Организация коллегии изобретателей. — Неудачный взяткодатель. — Быт Наркомвоена. — Демократизация армии. — Твердая власть! — Начало Красной армии. — Комитеты и выборность командного состава. — Мирные переговоры. — Приезд немецкой делегации в Петроград. — Подготовка к открытию Учредительного собрания. — Эсеры тоже «готовятся». — Чрезвычайный штаб. — Провал «учредилки». — Столкновение Подвойского и Лиграна. — Окончание брестских переговоров. — Заключен ли мир? — Немцы идут на Петроград. — Мир заключен. — Дискуссия по вопросу о мире. — VII съезд партии. — Эвакуация правительства в Москву. — Организация Петроградского военного комиссариата. — Я остаюсь в Петрограде . . . . .

7

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Коммуна в Петрограде! — Военно-революционный комиссариат. — Я получаю назначение управляющим делами Комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны и комиссаром Главного военно-судного управления. — Посетители. — Я похищаю из Наркомвоена справочный отдел. — Подвойский требует меня в Москву. — Формирование Красной армии. — Военный специалист о Красной армии. — Районные статистики. — Предел наших желаний — две дивизии в Петрограде. — Финляндский фронт. — Начальник тыла карельского фронта — финский шпион. — Штаб Северного фронта. — Монархисты на службе советской власти. — Финны под Петроградом. — Жуткие дни. — Организация политическо-просветительного подотдела. — Всеобщее военное обучение . . . . .

35

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Привлечение военных специалистов. — Дискуссия вокруг этого вопроса. — Болезни наших красноармейских частей. — «Начальников быть не должно!» — Московско-заставский район → гнездо анархистов. — I конференция красноармейцев. — Попытка самочинного открытия конференции. — Блейхман. — Конференция объявила себя законодательной. — «300 рублей на всем готовом!» — Коммунисты против советской власти. — Наказ конференции. — Исполнительное бюро конференции. — Бюро «контролирует» нашу деятельность. — Разгром анархистов. — Ликвидация бюро 57

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Как поднять дисциплину в армии? — Проект т. Куделько. — Статья т. Гусева. — Наш взгляд на этот вопрос 73

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Реконструкция нашего комиссариата. — Первый военный руководитель В. М. Гитис. — Противники и «друзья» военных специалистов. — Отказ генерала Новицкого работать в Красной армии. — Академия наук интересуется евреями, работающими в нашем комиссариате. — Мечты об уютных казармах. — Поиски мебели для комиссариата. — Распределение вещей из особняка Набокова. — Клинов. — Заброшенный бриллиант. — Мебель из Главного военно-судного управления. — Конфликт с общегородской больничной кассой. — Военная сила решает вопрос. — Гнались за мебелью, потеряли помещение. — Гушик 83

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Спиртовые дела. — Чеканика. — Полешко. — Бегство Рабиновича. — Заблочкий скрылся. — Конфликты с коллективом коммунистов. — Стамбо. — У меня проверяют партийный билет. — Кто же был Стамбо? — Люди другого склада. — Честный уголовник. — Анонимные письма. — Малиновский. — Подозрительные лица в комиссариате. — Избит за верность. — Оружие наготове! 101

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ослабление партийной работы. — Положение нашего коллектива. — Циркуляр ЦК об укреплении партийных рядов. — Я получаю партийную нагрузку. — «Красная газета». — Тов. Володарский. — Перевыборы Петроградского совета. — Разрешение выхода буржуазных газет. — Убийство Володарского. — У Зиновьева. — Как откликнулась буржуазная печать на смерть

Володарского. — Как откликнулись мы на смерть Володарского. — Офицерство и советская власть. — Массовый арест бывших офицеров. — Урицкий как человек. — Убийство рижского. — Покушение на Ленина. — Мы вступили в пол рас-
ного террора 116

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Левые эсеры и большевики. — Убийство графа Мирбаха. — Восстание левых эсеров. — Левые эсеры в нашем комиссариате. — Перов. — Провокация печати. — Тревожные дни. — Восстание в Ярославле. — Убийство т. Нахимсона. — Первая мобилизация коммунистов. — Подготовка общей мобилизации. — Ее противники. — Мобилизация объявлена. — Я тоже призываюсь. — Наш демократизм. — Выступление мобилизованных моряков. — Мы обороняем наш комиссариат. — Чуть не расстреляли китайцев. — Ликвидация выступления 134

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Что значила передышка. — Первый парад Красной армии. — Революция в Германии. — Дежурства ответственных работников нашего комиссариата. — Учреждение инспекции. — Инспектор пехоты — предатель. — Военные специалисты двойного рода. — Комиссары отделов. — Лазарев. — Организация бюро военных комиссаров. — Мой конфликт с ним. — Организация юридического отдела и отдела печати. — Предатель Смильг. — Мобилизация буржуазии. — Бегство Смильга в Германию . . . 152

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Англичане в Архангельске. — Гитис назначен командующим 6-й армией. — Военный руководитель Кирьянов. — Организация Петроградского военного округа. — Организация Губвоенкома. — Нацаренус. — Начальник штаба Александров. — Наши трения с ним. — Разграничение Военного и Политического управлений округом. — Я назначаюсь начальником Политического управления округа. — Агитационно-просветительный отдел. — Первая годовщина Октябрьской революции. — Приезд Комиссии высшей военной инспекции. — Мои взаимоотношения с Позерном. — Я уезжаю в Москву 170
Хроника событий, упоминаемых в книге 187
Именной указатель 190

3.
1
2
3
4

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

Л. КРИЦМАН

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Опыт анализа так называемого «военного коммунизма»

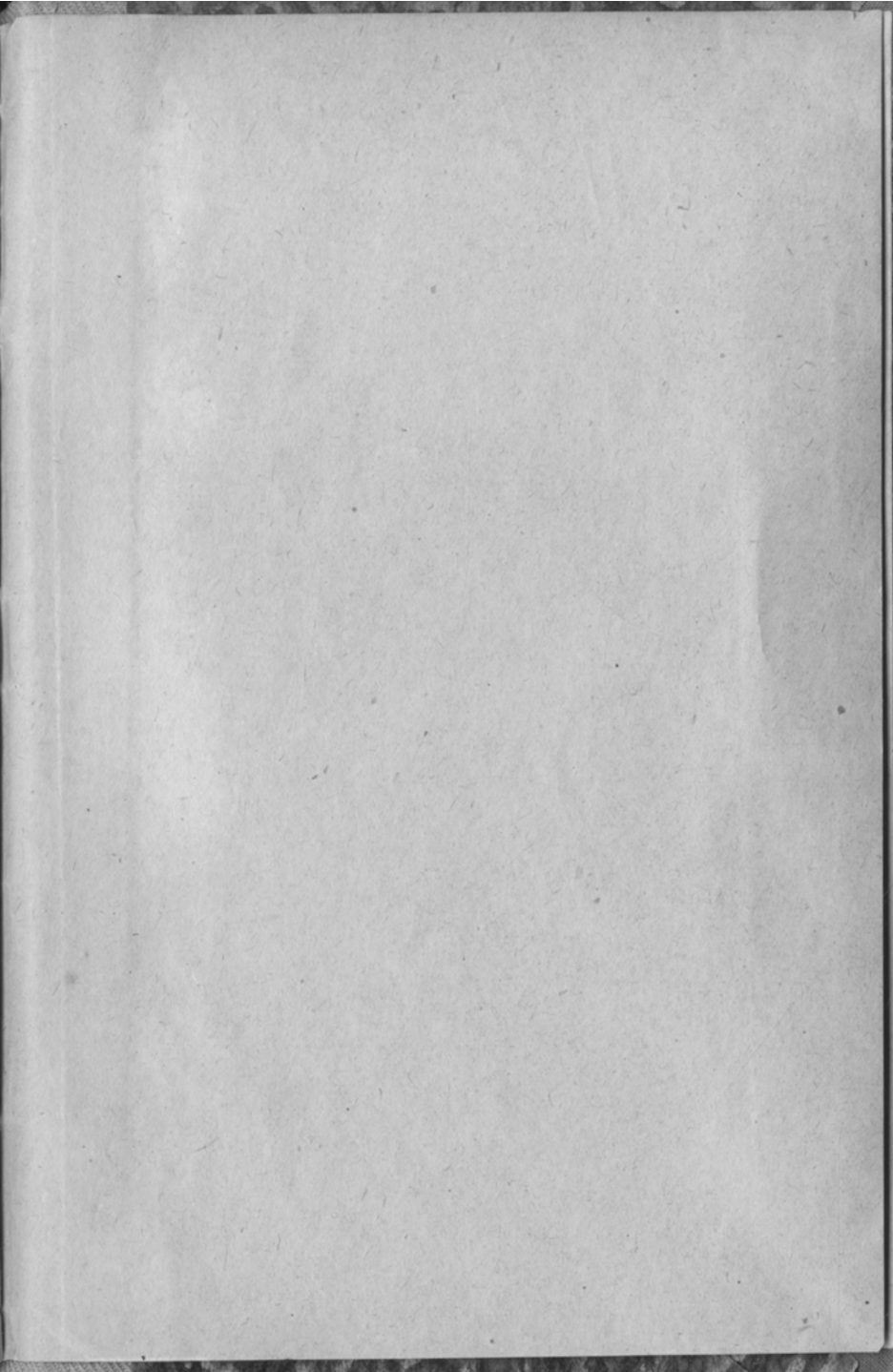
Стр. 272.

Изд. 2-е.

Ц. 1 р. 75 к.

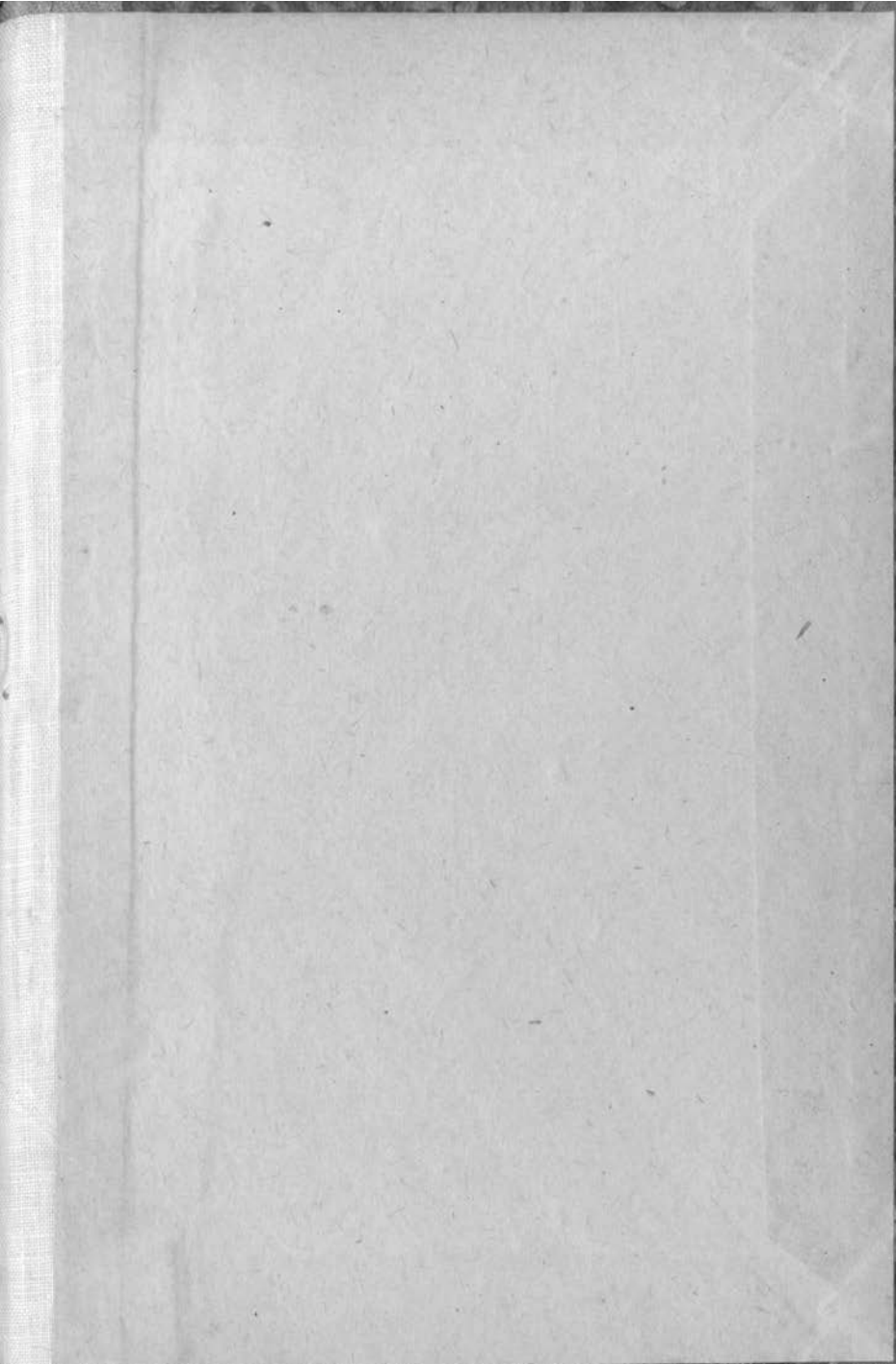
Содержание: Предисловие ко 2-му изданию. Предисловие к первому изданию. Введение. I. Механизм революции. II. Развертывание революции под влиянием внутренних сил. III. Вмешательство внешних сил и его последствия. IV. Завоевание социалистического строительства. V. Пролетарско-натуральный хозяйственный строй (описание). VI. Анархия пролетарско-натурального хозяйства. VII. Расслоение экономики на легальную и нелегальную. VIII. Советский бюрократизм. IX. Падение производительных сил. X. Причины исключительного падения производительных сил. XI. Влияние падения производительных сил на народное хозяйство. XII. Влияние падения производительных сил на хозяйственное строительство. XIII. Итоги гражданской войны. Приложение I. Три года новой экономической политики пролетариата СССР. Приложение II. Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

BN-88/962-27

957/4

ГПБ Русский фонд

18.392.7.49